

Русская речь

Научно-популярный журнал

Института русского языка Академии наук СССР

Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год

Издательство «Наука». Москва

№ 6 1971 ноябрь — декабрь

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Ф. Захаркин. Он любил не только «идеи», но и «слова»	3
Г. К. Щенников. Многообразие в единстве	13
В. В. Лопатин. «Безудерж карамазовский»	17
Е. А. Василевская. Поэтическое слово Дмитрия Кедрина	24
А. И. Клитко. Голос Руси полевой	29

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

Николай Леонтьев. Родники живой речи	37
--	----

КУЛЬТУРА РЕЧИ

В. А. Редькин. Тормоз или стимулятор?	48
М. С. Гуреева. О новом значении слова <i>элита</i>	52
А. А. Брагина. Кинематограф — кино — фильм	55

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Р. Я. Иванова. Как называются сорта винограда	62
В. П. Даниленко. Мини-куры	66

ШКОЛА

М. Т. Баранов. Обучать и воспитывать	69
А. А. Ковалева. Слово о нашем языке	74

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Е. Н. Этерлей. Самолет и летчик	79
Т. С. Коготкова. Стачка и забастовка	89
Т. С. Карская. Самодур	94

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В. В. Колесов. Этимология как искусство и как наука	99
---	----

КОНСУЛЬТАЦИИ

Словарь произношения и ударения	111
Народные названия рыб	113

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	36, 60, 115
----------------------	-------------

Тематический указатель статей, опубликованных в журнале за 1971 год	125
---	-----

*На обложке: Алексей, Владимир, Александр Жемчужниковы
и Алексей Константинович Толстой (Козьма Прутков)
Рисунок Ю. И. Космынина*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

Он любил не только «идеи», но и «слова»

Поэт Алексей Михайлович Жемчужников, 150-летие со дня рождения которого исполнилось в этом году, внес известный вклад в сокровищницу русского языка. Имя его широкому кругу читателей почти неизвестно. Этот значительный поэт „выпал“ из вузовских курсов, учебников. И даже в академической 10-томной «Истории русской литературы» он упоминается только как участник кружка Козьмы Пруткова.

В коллективе авторов (Алексей, Владимир, Александр Жемчужниковы, А. К. Толстой), писавших от имени директора пробирной палатки Козьмы Петровича Пруткова, Алексею Жемчужникову бесспорно принадлежало первое место. «Жемчужников,— писал один из современников,— был своего рода капельмейстером в том маленьком оркестре писателей, которые „обесмертили“ себя под коллективным псевдонимом Козьмы Пруткова» («Северный курьер», 1900, № 99). И действительно, наибольшую сатирическую остроту прутковским «Досугам и пуху и перьям» придали именно произведения Алексея Жемчужникова.

А. М. Жемчужников родился 22 февраля 1821 года в м. Почеп Черниговской губернии в дворянской семье. До 14 лет он учился дома, затем в Санкт-Петербургской гимназии, а в 1835 году перевелся в училище правоведения, которое окончил в 1841 году. Он служил в Сенате, долгое время жил в провинции, ревизуя Орловскую и Калужскую губернии, что дало ему возможность глубоко изучить жизнь всех общественных слоев. С 1849 года Жемчужников служит в Государственной канцелярии, затем помощником статс-

секретаря в Государственном совете. Но в 1858 году поэт отказывается от звания камер-юнкера, уходит со службы, решив посвятить жизнь литературе.

Принадлежа к аристократическим кругам, поэт тяготел к демократическому лагерю. Он высоко ценил литературную и общественную деятельность Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова. И творческую деятельность Жемчужников связал с демократическими журналами — «Современником» и «Отечественными записками». В 1850 году в «Современнике» появились его первые стихотворения. С этого времени братья Жемчужниковы и А. К. Толстой несли свои произведения на суд Некрасову и Добролюбову и печатались в демократических органах.

В письме к брату Владимиру А. М. Жемчужников тепло вспоминал о сотрудничестве в «Современнике»: «Отношения Пруtkова к „Современнику“ возникли от связей с „Современником“ моих и твоих. Я помещал в „Современнике“ свои комедии и стихи, а ты был знаком с редакцией».

В «Современнике» А. М. Жемчужников поместил две комедии в стихах — «Странная ночь» (1850) и «Сумасшедший» (1852). В 1850 году вместе с А. К. Толстым Жемчужников написал комедию «Фантазия», пародировавшую бессодержательные водевили того времени. Пьеса была поставлена на сцене Александринского театра в Петербурге 8 января 1851 года. Присутствовавший на спектакле царь Николай I ушел с середины представления и приказал снять комедию с репертуара. Впоследствии пьеса была включена в собрание сочинений К. Пруtkова. Первые произведения, подписанные этим именем, появились в юмористическом приложении к журналу «Современник» — «Ералаш» в 1854 году. Это были «Досуги Козьмы Пруtkова». Козьма Пруtkов — сатирическая маска весьма благонамеренного бюрократа, с важным видом изрекающего общеизвестные истины.

Алексей Жемчужников так рассказывал брату Владимиру о возникновении литературной маски: «Достопочтенный Козьма Пруtkов — это ты, Толстой и я. Все мы тогда были молоды, и „настроечное кружка“, при котором возникли творения Пруtkова, было веселое, но с примесью сатирически-критического отношения к современным литературным явлениям и явлениям современной жизни. Хотя каждый из нас имел свой особый политический характер, но всех нас соединила плотно одна общая нам черта: полное отсутствие „казенности“ в нас самих и, вследствие этого, большая чуткость ко всему „казенному“. Эта черта помогла нам — сперва независимо от нашей воли и вполне непреднамеренно, создать тип Козьмы Пруtkова, который до того казенный, что ни

мысли его, ни чувству не доступна никакая, так называемая, злоба дня, если на нее не обращено внимания с казенной точки зрения. Он потому и смешон, что вполне невинен...». И далее Жемчужников раскрывает своеобразие творчества К. Пруткива: «В афоризмах обыкновенно выражается житейская мудрость. Пруткив же в большей части своих афоризмов или говорит с важностью казенные, общие места; или с энергиею вламывается в открытые двери; или высказывает мысли, не только не имеющие соотношения с его эпохой и с Россией, но стоящие, так сказать, вне всякого места и времени. Будучи очень ограниченным, он дает советы мудрости. Не будучи поэтом, он пишет стихи».

Произведения К. Пруткива печатались в «Современнике» и «Искре». К сотрудничеству в «Свистке», сатирическом приложении к «Современнику»; К. Пруткива привлекли Некрасов и Добро-

любов. Сатира и пародии все чаще использовались руководителями этого журнала в борьбе с реакцией, с царизмом, в разоблачении либеральных иллюзий. «В этом смысле [в разоблачении либеральных иллюзий],— писал Добролюбов,— считаем мы полезными стихотворные пародии, и не только не пренебрегаем ими, но даже придаем им большое значение».

В пародиях Козьмы Пруткова были резкие выпады против эпигонского романтизма (стихотворение «Аквилон») и чистого искусства. «Ты же меж тем щекоти мне слегка безволосое темя Взрытый морщинами лоб розами тихо укрась» (басня «Философ в бане»).

В «Предисловии Козьмы Пруткова к „Гисторическим матерналам“ Пруткова (деда)» высмеивается лженаука. «Записки деда,— пишет Прутков,— писаны скорописью прошлого столетия, in folio, без помарок. Значит: это же черновые! Спрашивается: где же сии последние? — Неизвестно!.. Предлагаю свои соображения».

Дед мой жил в деревне; отец мой там же два года сряду; значит: они там! А может быть, у соседних помещиков? А может быть, у дворовых людей? — Значит: их читают! Значит: они занимательны! Отсюда доказательство замечательной образованности моего деда, его ума, его тонкого вкуса, его наблюдательности.— Это факты; это несомненно! Факты являются из сближений. Сближения обуславливают выводы».

В сатирах связанных с образом Пруткова-деда, осуждались историки М. Погодин и С. Шевырев, славившие крепостнические порядки; в афоризмах Пруткова разоблачалось мнимое глубокомыслие философов-идеалистов: «Никто не обвинит необъятного!». Полицейски-охранительные позиции Козьмы сказались в неоднократно повторенных советах: «Бди!», «Смотри в корень!». Вошли в разговорную речь мнимо глубокомысленные поговорки: «Не все стриги, что растет»; «Не ходи по козогору — сапоги стопчешь»; «Одного яйца два раза не высидишь».

Афористичность языка, простота художественной формы придали стихам К. Пруткова своеобразие и привлекли к ним внимание широких кругов читателей.

Образ Козьмы Пруткова был настолько жизненным, правдивым, что многие современники верили в его существование. Тем более, что Жемчужниковы сочинили его жизнеописание.

После 1863 года — времени подавления польского восстания и разгрома демократических сил в стране — пути соавторов Пруткова и революционных демократов разошлись. И Козьма Прутков «умер». Но и после литературной смерти Пруткова Жем-

Если хочешь быть красивым, поступай в гусары.

чужников продолжал гражданскую линию в поэзии. Поэт ждал перемен к лучшему:

Меня сподобила судьба
Тогда узреть в моей отчизне
С освобождением раба
Преображение всей жизни.

Однако изменений не произошло...

Жемчужников знал, что поэт должен идти в ногу с жизнью, но сталкивался с неусыпным оком цензуры:

Мне скажут: «Что ж лиру
Ты держишь под мышкой?
Ну гаркни сатиру
С гражданственной вспышкой».
Сатира, сатира —
Великое дело!
Но сильных бы мира
Моя не задела...
В пылу вдохновенья
Попробуй-ка ухни,—
Сейчас на съеденье
В цензурные кухни.

Скерцо

А. М. Жемчужников был поэтом, близко к сердцу принимавшим все события современной ему литературной жизни. В нем современники видели продолжателя и хранителя великих традиций русской классической литературы. «Уцелевший колосс доброй старой русской литературной нивы» — так называлась статья о нем в газете «Россия» (11 февраля 1900).

Будучи либералом по своим политическим убеждениям, Жемчужников отличался смелостью в отстаивании оппозиционных взглядов. Его смелые сатиры «К портрету Михаила Никифоровича Каткова» и «Письмо к С. М. Сухотину в деревню по случаю скушанного им перед отъездом из Москвы персика с косточкой» распространялись в списках. Поэт ядовито обличал всемогущего Каткова:

Мне скажет клуб, что у Каткова
К престолу горяча любовь,—
Но у остзейца у любого
Пылает преданностью кровь...
Увы! Праматерь наша Ева
Грех даром на душу взяла,
Дав и ему в наследство древо
Познания добра и зла.
Порукой в том — его газета
И в ней плоды его пера;
Он распознать ни тьмы от света,
Ни зла не может от добра.

И перед нами Катков и обобщенный образ издателя-реакционера. Поэт осуждал самодержавно-чиновничью действительность. Он клеймил лжепатриотов, прикрывавших равнодушие и пустоту священным именем Родины:

Но те мне, Русь, противны люди,
Те из твоих отборных чад,
Что, колотя в пустые груди,
Все о любви к тебе кричат.
Противно в них соединенье
Гордыни с низостью в борьбе,
И к русским гражданам презренье
С подобострастием к тебе.

В этих стихах, носящих публицистический характер, поэт продолжал некрасовскую традицию — говорить языком трибуна, оратора.

В стихах о поэте и назначении поэзии Жемчужников подчеркивал гражданственность поэтического творчества, понимая его как служение обществу, народу. В стихотворении «Неизбалованный поэт» он писал:

Словам забытым зная цену,
Да, ничего я не забыл,
И суд сограждан не клеймил
Меня ни разу за измену.

Подводя итог своему писательскому пути, Жемчужников подчеркивал в «Завещании»:

Последние мои уже уходят силы,
Я делал то, что мог; я больше не могу.
Я остаюсь еще пред родиной в долгу,
Но да простит она мне на краю могилы.
Я жду, чтобы теперь меня сменил поэт,
В котором доблести горело б ярче пламя,
И принял от меня не знавшее побед,
Но незапятнанное знамя!

Девиз «Дух доблести храни» Жемчужников гордо пронес через всю творческую жизнь. Он был союзником поэтов-демократов. Он очень тепло отнесся к Тарасу Шевченко, возвратившемуся в 1860 году из ссылки, написав вступительную заметку к автобиографическому письму опального поэта. В ней он писал: «Крепостное право вычеркнуло одного раба из своих ревизских сказок, а солдатские ряды выпустили из фронта одного рядового; в этом освобожденном рабе и солдате наше общество вновь приобрело человека и замечательного поэта».

Большое место в лирике Жемчужникова занимает тема Родины. Но цена русскую историю, народ, поэт высмеивал реакционную национальную политику царизма:

Хоть мы патриоты,
Но факт не случаен,
Что наши заботы
Все ради окраин.
Мы там как бы вроде
Собаки на сене:
Чуть речь о свободе —
Кричим об измене.
Поляков и полек
Нас бесит привычка:
Он вечно католик,
Она католичка.

Жемчужников воспел русскую природу в циклах стихотворений «Зимние картинки» (1857) и «Сельские впечатления и картинки» (серия первая и вторая, 1888—1891).

В его пейзажных картинках много чувства. В них сияют все цвета радуги, слышны звуки, запахи:

Вновь из соседнего леску,
Где уже ландыш есть душистый,
Однообразно, голосисто
Ко мне доносится: ку-ку!

Весною

Как резко отличается лексика Жемчужникова от лексики поэтов «чистого искусства»! Она свободна от романтической шелухи, у поэта все земное, простое, понятное. К тому же, стих

лишен формальных ухищрений: у него ямбические размеры, обычные четверостишия. Поэт очеловечивает пейзаж, ему больно видеть нищету русской деревни; в стихотворении «На родине» он пишет:

Опять пустынно и убого;
Опять родимые места...
И нивы вплоть до небосклона
Вокруг селений, где живет
Все так же, как во время оно,
Под страхом голода народ.

В 1880—1890-е годы Жемчужников создает цикл произведений, направленных против пошлости и мещанства, столь характерных для жизни общества того времени.

Так прочен в сердце и в мозгу
Высокий строй эпохи прошлой,
Что с современностью пошлой
Я примериться не могу, —

восклидал поэт в стихотворении «Так прочен в сердце и в мозгу». В М. Е. Салтыкове-Щедрине он видел союзника в обличении пошлости и «мелочей жизни». Великому сатирику Жемчужников посвятил стихотворение «Забывшие слова»:

Быть может, честное перо могло б
Любовь к отечеству напомнить «патриотам»;
Поднять подавленных тяжелым жизни гнетом;
Заставить хоть на миг покинуть медный лоб,
Спасти обрывки чувств, которые остались;
Уму отвоевать хоть скромные права;
И может быть, средь нас те вновь бы повторялись
Забывшие слова.

И в конце творческого пути Жемчужников не отходил от социальной проблематики, жил интересами народа. В стихотворении «Всем хлеба!» он восклицал:

Рабочий люд едва не весь
На нашей родине — без хлеба.

Критическое отношение к разным сторонам уродливой и жестокой действительности отличает поэзию Алексея Жемчужникова. Эти ее особенности хорошо понимал Ив. Бунин, писавший в 1900 году: «А. Жемчужников должен быть отнесен к числу лучших представителей этого типа, глубоко осознавшего всю неправду и жестокость дореформенного режима».

Стихи и комедии Жемчужникова высоко ценил Н. А. Некрасов. О комедии «Сумасшедший» он писал И. С. Тургеневу в 1852 году: «Сегодня выходит XI № „Современника“, в нем ты найдешь недурную комедию в стихах А. Жемчужникова», а в 1870 году издатель «Отечественных записок» писал Жемчужникову: «Ваши последние вещи (как в „Петербургских ведомостях“, так и нам присланные),

отчасти мне известные, хороши; в новой своей форме они выиграли. Говорю это Вам для того, чтобы Вы не складывали рук. Ваши стихотворения (кроме пьесы „Свободное слово“) напечатаны на первых страницах 3-го № „Отечественных записок“.

Поэзия Жемчужникова нашла признание среди тонких ценителей художественного слова. В 1900 году Лев Толстой прислал Жемчужникову телеграмму: «Очень радуюсь случаю напомнить тебе о себе сердечным поздравлением с твоей твердой и благородной пятидесятилетней литературной деятельностью. Поздравляю тебя с тоже почти пятидесятилетней с тобой дружбой, которая никогда ничем не омрачалась».

Вместе с Л. Н. Толстым, В. Г. Короженко, А. П. Чеховым, А. Ф. Кони в январе 1900 года А. М. Жемчужников был избран почетным академиком по разряду изящной словесности. В этом акте нашло выражение признание высокой поэтической культуры, сказавшейся в творчестве Жемчужникова.

Как писатель-реалист Жемчужников всегда был на страже чистоты родного языка, его простоты и ясности; в необходимых случаях он использовал слова просторечные, но не перенасыщая ими стихов (особенно это касается произведений, входящих в собрание Козьмы Пруткова). В этом поэт следовал совету Н. А. Некрасова: «...В стихе иногда невозможно без грубого слова, надо только, чтоб оно оправдывалось необходимостью, да чтоб не было это часто».

Остановившись на традиционных формах стиха, Жемчужников развивал и обогащал сатирические жанры. Он широко использовал каламбуры, игру слов. «Тимофееву траву» («Помещик и трава») герой Жемчужникова приказывает «возвратить немедленно Тимофею». Этим каламбуром раскрыто невежество помещика, отсутствие у него элементарных агрономических познаний. На игре слова *несешься* основана басня «Чиновник и курица». На вопрос курицы: «куда несешься ты?», чиновник отвечает: «несусь я, точно так, но двигаюсь вперед; а ты несешься сидя!». Колоритна речь писателя и в «Выдержках из записок моего деда» из прутковского цикла. Слугам Архипу и Осипу «градодержатель... определил пойти пешою эштафетой к любимой сего чиновника госпоже», они были застигнуты ненастьем, «изрядную простуду получили, от коей: Архип осип, а Осип охрип».

В басне «Стан и голос» Жемчужников обыгрывает многозначность слова *стан*. Становой позавидовал горлице, имеющей приятный голос, на что последняя ответила:

А я твоей завидую судьбе:
Мне голос дан, а стан тебе.

Язвительная ирония окрашивает многие сатирические миниатюры. Так, в «Нашей цензуре» читаем:

Тебя уж нет!.. Рука твоя
Не подымается, чтоб херить,—
Но дух твой с нами, и нельзя
В твое бессмертие не верить!

Поэт часто прибегал к комической стилизации, например в сатирических сценах в стихах «В чем вся суть?» (1872), в «Думах оптимиста». Иронически-насмешливый колорит окрашивает «Думы оптимиста», где весьма своеобразно сочетаются мужские рифмы с дактилическими:

Люди разве все
Мрут от истощения?
Даже и о псе
Видим попечения.

Валерий Брюсов справедливо отметил чуткость Жемчужникова в использовании слова, умение передать тончайшие его оттенки: «С острой иронией задает он вопрос „националисту“, как гражданин, — иль антикварий?» И впечатление от таких поразительно удачных оборотов речи, в которых слово торжествует победу, передавая мысль со всей отчетливостью, усиливается еще тем, что они „оперены“ блестящими и легкими рифмами.

Блестящий мастер формы, всегда стремившийся выразить и большое содержание, В. Брюсов подчеркнул большое мастерство поэта: «Каждое стихотворение, в своей глубине, есть раздумье над пережитым, оценка его, и это придает образам поэта строгую стройность. Но в то же время видно, что каждое слово в стихотворении взвешено и обдуманно, поставлено на свое место не случайно, а сознательно, что каждый стих ограничен с усердием любителя, понимающего в таких вещах толк. Старый поэт не довольствовался одной „мыслью“, но внимательно искал для нее такого облика, в котором она была бы всего выразительнее; он любил не только „идеи“, но и „слова“» (Далекие и близкие).

Прутковская сатира, лирические и гражданские стихи Жемчужникова находят живой отклик и у советского читателя. Поэт в стихотворении «О себе» правильно заметил:

В родной семье певцов почтен не будешь ты
Ни шумной славою, ни славой долговечной;
Но ты оставишь след возвышенной мечты,
И скорби искренней, и думы человеческой.

Доктор филологических наук
А. Ф. ЗАХАРКИН
Москва

На стр. 5 и 7 иллюстрации Н. В. Кузьмина к «Полному собранию сочинений» Козьмы Прутова (М.—Л., «Academia», 1933).

МНОГООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ

О языке

героев Достоевского

Лев Толстой как-то заметил, что у Достоевского герои говорят одним языком. Общий склад речи персонажей этого писателя — явление, легко объяснимое исключительным духовным родством его героев. Однако интонация каждого «голоса» очень своеобразна. Герои Достоевского — люди раздвоенные, противоречивые, и речь их построена на стилистических контрастах: сочетании возвышенного и будничного, трагического и вульгарного. Так, в речи почти всех лиц романа «Преступление и наказание» можно обнаружить удивительное смешение пафоса и пошлости, величественного и грубого. Но какое разнообразие форм этого смешения!

Главный герой романа Родион Раскольников — студент-разночинец, живущий в беспросветной нужде, вынужденный сносить попреки, ожесточившийся и огрубевший от «ударов судьбы». Это человек, привыкший постоянно думать, искать, формулировать итоги своих наблюдений над жизнью. У Раскольникова язык внешне груб и небрежен, хотя эта грубость совмещается с большой гибкостью мысли, с отточенностью и лаконизмом тезисов теоретика. Важнее этого — внешнего — контраста другое противоречие: за напускным цинизмом слова прорывается постоянное отвращение к грязи и фальши, обнаруживающее беспокойную совесть у человека, который решился на преступление. Все эти контрасты проявляются в первой же реплике внутреннего монолога:

«На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! — подумал он с странною улыбкой. —

Гм... да... все в руках человека, и все-то он мимо носу проносит единственно от одной трусости... Это уж аксиома... Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся.. А впрочем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю. Пожалуй, впрочем и так: оттого болтаю, что ничего не делаю. Это я в последнее время выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая ... о царе Горохе. Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу: игрушки! Да, пожалуй, что и игрушки!».

Прежде всего бросается в глаза контраст простых и грубых слов (пустяки, мимо носа, болтаю, игрушки) с терминами научного обихода (аксиома, новое слово, фантазия). Слова просторечной лексики и научной терминологии образуют один интонационно-стилистический ряд; служат попытке ясно определить отношение к преступному замыслу и обнаруживают одновременно и отвращение к задуманному, и недовольство своей «слабостью».

В речи другого персонажа — Свидригайлова — совсем иной контраст высокого и низкого: «Представляюсь: помещик, вдовец, известной фамилии, с такими-то связями, с капиталом, — ну что ж, что мне пятьдесят, а той и шестнадцати нет? Кто же на это смотрит? Ну, а ведь заманчиво, а? Ведь заманчиво, ха, ха! Посмотрели бы вы, как я разговорился с папашей да с мамашей! Заплатить надо, чтобы только посмотреть на меня в это время. Выходит она, приседает, ну можете себе представить, еще в коротеньком платьице, неразвернувшийся бутончик, краснеет, вспыхивает, как заря (сказали ей, конечно). Не знаю, как вы насчет женских личек, но, по-моему, эти шестнадцать лет, эти детские еще глазки, эта робость и слезинки стыдливости, по-моему, это лучше красоты, а она еще к тому же и собой картинка».

Восхищение красотой соединилось здесь с мерзким ощущением развратника, распаленного мыслью, что невеста втрое моложе его. И высокая интонация — гимн девичьей невинности — опошляется другой интонацией, вносимой особым рядом слов: заманчиво, посмотрели бы, ха-ха, бутончик, картинка.

Речь Свидригайлова, подобно речи Раскольниковца, отличается диалектической гибкостью, но за всеми поворотами мысли здесь таится не мучительное желание сое-

динить истину и добро, а откровенная насмешка над «вопросами гражданина и человека»: «Отчего же и не побывать пошляком, когда это платье в нашем климате так удобно носить и... и особенно, если к тому и натуральную склонность имеешь».

По-своему совмещаются благородное и вульгарное в речи Катерины Ивановны. Ее воспоминания о родительском доме прерываются замечаниями в сторону: прореху надо зашить, рубашечки постирать и т. п. Здесь контраст не только двух бытовых картин, но и двух речевых потоков. Говоря о прошлом, Катерина Ивановна постоянно пользуется формулами обращения, принятыми в «образованном обществе»: «протанцевал со мною мазурку и на другой же день хотел приехать с предложением, но я сама отблагодарила в лестных выражениях и сказала, что сердце мое принадлежит другому». О настоящем она говорит словами бранными, «уличными»: «Что этот лохмотник нейдет, пьяница. Рубашку заносил, как обтирку какую-нибудь, изорвал всю...». И это смешение «светских» фраз с грубой бранью создает специфический стиль речи Катерины Ивановны. Один ряд составляют выражения: эта кукушка; вытаращила глаза; глаза вылупила; фу, сова; шуты какие-то, чумички; какая-то сопля на двух ногах; генералишка. Другой ряд (в тех же контекстах): «она покровительствует и мне честь делает, что присутствует»; «я просила ее как порядочную пригласить народ получше и именно знакомых покойного»; «благодарю вас, милостивый государь, причины, побудившие нас...».

В речи опустившегося чиновника Мармеладова контраст пошлого и высокого не столь откровенен. Его речь витиевата, с претензией на образованность и благородство выражений. Эта витиеватость особенно комична там, где Мармеладов с преувеличенным, «усиленным», сугубым достоинством пытается говорить о самых постыдных вещах, например, о том, что жена его избивает: «Ну-с, я пусть свинья, а она дама, я звериный образ имею, а Катерина Ивановна, супруга моя — особа образованная и урожденная штаб-офицерская дочь...». И вдруг за витиеватой фразой прорвутся слова страдания, неизбывной скорби и страстной защиты подлинного достоинства. Речь становится простой и по-настоящему образной, афористичной: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти, Ибо бывает такое

время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!». Афоризмы и создают специфический контраст пошлого и высокого в речи Мармеладова: одни афоризмы — придуманные, чтобы «изъясниться сильнее и изобретательнее»; другие — идущие из глубины оскорбленной души.

Автор использует витиеватую фразу Мармеладова как сатирический выпад против бездушной благонамеренности — и бытовой и политической: «Вот вы знаете, например, заранее и досконально, что сей человек, *сей благонамереннейший и наиболее полезнейший гражданин*, ни за что вам денег не даст, ибо за чем, спрошу я, он даст?». Или: «Полтора года уже будет назад, как очутились мы, наконец, после странствий и многочисленных бедствий, в *сей великолепной и украшенной многочисленными памятниками столице*. И здесь я место достал ... Достал и опять потерял».

Такое разнообразие в осуществлении одного структурно-речевого принципа — яркое свидетельство и творческой силы писателя, и неповторимого художественного единства романа Достоевского.

Кандидат филологических наук
Г. К. ЩЕННИКОВ
Свердловск

Народ редко выражает свои приговоры о людях с определенной определенностью, принятой в других классах; дурак, подлец почти не употребительны в его словаре; у него свои условные определения личностей, замечательные какой-то деликатной уклончивостью, которая, впрочем, не лишена меткости, заменяющей жесткую определительность приговоров образованного класса. Тетеря, ворона, сорока, пропащий человек, ватлак, войлок, увалень, рохля — все эти названия и множество подобных беспрестанно слышатся на языке народа, и по ним он расценивает окружающие его характеры, может быть, еще вернее и точнее, чем общество, щедрое на резкие эпитеты. Не мешает заметить, что неблагозвучные слова — ерник, шильник, шаромыжник, мазурик, жулик — вовсе не принадлежат народу, а только городу и рынку.

Н. А. Некрасов

«БЕЗУДЕРЖ КАРАМАЗОВСКИЙ»

Безудерж — одно из самых важных слов в творчестве Ф. М. Достоевского. Появляется оно на страницах последнего романа писателя — «Братья Карамазовы» и почти всюду сопровождается эпитетом *карамазовский*.

В одном из самых глубоких эпизодов романа — в картине вещего сна Мити во время следствия — мы читаем: «хочет он..., чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержем карамазовским». «Но строгая девушка не отдала себя в жертву всю, несмотря на весь карамазовский безудерж желаний своего возлюбленного» — это говорится уже об Иване Карамазове. Иван, по словам прокурора, ужасает «своим духовным безудержем». Тот же прокурор видит в поведении подсудимого — Мити — «много картинности, романического исступления, дикого карамазовского безудержу и чувствительности». «Смыслию ли, чего требую? Безудерж карамазовский, нечестивый!» — восклицает в конце романа и сам Митя. А Иван видит в «безудерже» одно из проявлений животного начала в человеке: по его мнению, «во всяком человеке, конечно, таится зверь», и в частности, «зверь безудержу, спущенного с цепи...».

Одним из самых употребительных слов в романе можно считать и прилагательное *безудержный*. Писатель так говорит о семье Карамазовых устами одного из персона-

жей — Ракитина: «Ощущение низости падения так же необходимо этим разнузданным, безудержным натурам, как и ощущение высшего благородства». Прокурор в обвинительной речи много рассуждает о склонности Мити к «безудержному кутежу», о «самой безудержной, самой карамазовской страсти» отца и сына к Грушеньке; ему вторит защитник, считающий, что подсудимый «безудержен, дик и буен».

Безудержность эта, а точнее, по слову автора, *безудерж* — одна из главнейших черт того социального явления, которое уже самим писателем было названо *карамазовщиной* — словом, сразу вошедшим в широкое употребление в литературной критике и публицистике. Карамазовы предстают в романе как носители определенного социально-нравственного комплекса, и в этом смысле они уже не столько *Карамазовы*, сколько *карамазовцы* (слово, вложенное автором в уста Ивана).

Понятием *безудержа* охватываются такие свойства, как широта натуры человека (вспомним слова Мити Карамазова, произнесенные им в «исповеди» брату: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил»), способность перешагнуть через иные нравственные и социальные нормы, раздвоенность характера, в котором заложены «две бездны», два идеала — «идеал Мадонны и идеал Содома». Эта «широкость», совмещение в одной душе несовместимых начал, выливающиеся в «анархизм поведения» (определение В. Я. Кирпотина), присущи многим персонажам Достоевского. Одним из излюбленных типов писателя, проходящим через все его большие произведения позднего периода творчества, является либо анархист, бунтарь, руководствующийся принципом «всё позволено», либо просто несдержанный в поведении, погрязший в пороках, но наделенный в той или иной мере светлыми идеалами безудержный человек. Существование этого типа писатель непосредственно связывает со всей общественной обстановкой «страдающей от безурядицы России» (Братья Карамазовы). С различными видоизменениями тип этот представлен в романах Достоевского такими фигурами, как Раскольников и Свидригайлов, Рогожин, Ставрогин, наконец, Карамазовы.

В своих произведениях Достоевский очень часто самым словоупотреблением подчеркивал «безудержность» поведения персонажей. «Неизмеримая злоба овладела Га-

ней, и бешенство его прорвалось без всякого удержу» (Идиот); «В ее жизни не переводились такие мгновения, которым она [Варвара Петровна] отдавалась вдруг вся, всецело и, если позволительно так выразиться, совершенно без удержу» (Бесы). Безудержность эта близка к безрассудности. Так, героиню «Униженных и оскорбленных» характеризует «любовь до забвения самого первого долга, до безрассудной жертвы всем».

Но лишь в последнем романе было найдено слово, определяющее поведение многих героев писателя, слово новое для Достоевского и для всей русской литературы — *безудерж*.

Слово это явно полюбилось писателю. В русском литературном языке уже существовало старое суффиксальное существительное с тем же значением — *безудержность*. Но Достоевский предпочел обозначить важное для всей идейно-художественной ткани его произведений понятие другим, необычным для русского языка, неизвестным еще словом того же корня, словом без суффикса, более коротким и выразительным — *безудерж*. Мало того, полюбившееся слово Достоевский употребил затем в самом последнем своем произведении — в знаменитой речи о Пушкине. Анализируя здесь пушкинское стихотворение «Однажды странствуя среди долины дикой», он говорит, что в этих стихах чувствуется душа английского протестанта, «безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреодолимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания».

*

Чем же примечательно это новое слово, введенное, как и некоторые другие, Достоевским в русский литературный язык?

Прежде всего, *безудерж* — диалектное слово. Судить об этом мы можем только теперь, когда опубликован 2-й выпуск нового обобщающего «Словаря русских народных говоров» (М.—Л., 1966). Ни в старых диалектных словарях, ни в Словаре Даля, ни в более поздних толковых словарях русского языка этого слова мы не найдем. Зато из нового диалектного словаря мы узнаем, что слово *безудерж*, значение которого — «отсутствие сдерживающих побуждений», отмечено сравнительно поздно, уже после Октябрьской революции, в 1919—1934 годах, в псковских,

смоленских и ленинградских говорах. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что слово употреблялось на территории тех же говоров и во 2-й половине XIX века, в эпоху Достоевского. Таким образом, Достоевский не сам придумал слово *безудерж*, а услышал его, скорее всего, в речи носителей петербургских говоров. Известно, что писатель в последний период жизни преимущественно жил в Петербурге и его окрестностях и, конечно, хорошо знал особенности местной речи.

Это чрезвычайно показательно для языковой практики Достоевского: основным источником пополнения словарного состава была для него живая разговорная речь низших слоев общества, просторечие. В его произведениях мы находим элементы социальных жаргонов (пример — глагол *стушеваться*, история которого, связанная с именем Достоевского, достаточно широко известна), городского просторечия (*сейчасний*; *квартишка* вместо *квартирный*; *складной* человек — в смысле 'согласный, уступчивый'), наконец, диалектизмы (*безудерж*).

Другое обстоятельство, на которое нужно обратить особое внимание: слово *безудерж* образовано не совсем обычным для русского литературного языка способом — чисто приставочным путем от существительного *удерж*. Последнее, хотя и является в современном литературном языке фразеологически связанным, употребительным только в составе нескольких устойчивых сочетаний — *без (всякого) удержу, нет (никакого) удержу, не знать (никакого) удержу*, все же четко воспринимается как существительное мужского рода со значением действия, непосредственно связанное с глаголом *удержать* — *удерживать*. В диалектах слово *удерж* свободно по употреблению. См. хотя бы Словарь Даля, где, кстати, указано еще одно значение слова *удерж* и синонимичного производного от того же глагола *удержь* (женского рода) — 'терпенье': «Удержки нет, как болит!». Возможно, что «безудерж карамазовский» имеет и связанный с этим оттенок значения 'нетерпение, нетерпеливость' (вспомним нетерпение Мити в его страстном порыве помочь людям!).

Преобладающим в современном русском литературном языке способом образования существительных от других существительных с помощью отрицательной приставки *без-* и приставок пространственного и временного значения (*за-*, *под-*, *пред-* и т. п.) является иной способ — смешанный, приставочно-суффиксальный. В этом случае в

производных существительных вместе с приставкой используется суффикс, чаще других *-j-* (в словах среднего рода на *-ье, -ие*), иногда *-иц(а), -ник* и др.: воля — безволие, дело — безделье, страх — бесстрашие, река — заречье, земля — подземелье, пол — подполье, гроза — предгрозье, море — приморье, смысл — бессмыслица, конец — наконецник.

Такие приставочно-суффиксальные образования очень продуктивны. Но рядом с ними есть всего несколько слов, в которых те же словообразовательные отношения выражены чисто приставочным способом: город — пригород, граница — заграница, клеть — подклеть, пол — подпол, порядок — беспорядок. В литературном языке этот тип словообразования явно непродуктивен; однако в говорах он представлен большим количеством слов и сохраняет известную продуктивность: ср. хотя бы такие диалектные слова, как *закрай, застреха, заберег* 'лед у берега', *при-мост* 'крыльцо' (от *мост* 'пол в сенах') и т. п. В уже упомянутом новом диалектном словаре мы находим ряд слов этого типа с приставкой *без-*, отмеченных в различных говорах русского языка: *безбоязнь* — 'смелость, бесстрашие', *безум* — 'безрассудство', *безл́аска* — 'отсутствие ласки', *безгра́мота* — 'безграмотность', *бэзвэсть* — 'отсутствие вестей', *беспоко́й* — 'беспокойство' (сюда же относится *безудерж*); в Словаре Даля рядом с *бескорыстие* отмечен синоним *бескорысть* и т. д.

Показательно, что большинству этих слов в литературном языке соответствуют приставочно-суффиксальные (безумие, бескорыстие) или суффиксальные образования (безумство, беспокойство, безграмотность, безудержность; такие существительные образуются непосредственно от приставочно-суффиксальных прилагательных с теми же корнями: *безумный, безграмотный* и т. п.).

Еще больше слов типа *безудерж* в других славянских языках: украинское *безлад*, белорусское (диалектное) *безввiгода*, польское *bezcel* 'бесцельность', *bez nadzieja* 'безнадежность' и др. Широко представлены такие образования в местных географических названиях (топонимах) славянских языков. См. специально посвященную существительным этого типа — собственным и нарицательным — в славянских языках книгу польского диалектолога М. Карася (М. Karaś. *Nazwy miejscowe typu Podgóra, Zalas w języku polskim i w innych językach słowiańskich.*

Wrocław, 1955). Распространенность таких существительных в разных славянских языках говорит о том, что это достаточно древний тип славянского словообразования.

*

Хотя в современном русском литературном языке образования типа *безудерж* в общем непродуктивны, все же в нем время от времени появляются отдельные новые слова этого типа. Правда, все они в той или иной мере характеризуются окраской разговорности или просторечности. Так, в разговорную речь давно (еще в прошлом веке) прочно вошло слово *заграница*. В наше время употребляется не только слово *пригород*, но и просторечное *загород*: «Мы получаем квартиру в новом районе, фактически это уже заперед» (из устной речи). Оба слова — *заграница*, *загород* — возникли в просторечии из широко употребительных предложных сочетаний: за границей, за городом (или за границу, за город). Тенденция к образованию чисто приставочных существительных этого типа характерна, таким образом, не только для диалектов, но и для городского просторечия.

Естественно, что и у Достоевского мы находим не один пример подобных просторечных образований: «У него и теперь есть деньги на заграницу» (Братья Карамазовы); [Порфирий:] «Ведь мы как расстались-то, помните ли: у вас нервы поют и *подколенки* дрожат, и у меня нервы поют и *подколенки* дрожат» (Преступление и наказание); «*За застойкой* [в распивочной] находился мальчишка лет четырнадцати» (там же); «Эти „за кулисы“ было довольно узкое пространство, отгороженное от публики наглухо занавесью» (Бесы). В образовании этих существительных несомненно обнаруживается влияние предложных сочетаний *под коленками*, *за стойкой*, *за кулисами* (или с винительным надежом: *под коленки*, *за стойку*, *за кулисы*). Точно так же и слово *безудерж* связывается с предложным сочетанием *без удержу*.

Переходный этап к образованию подобных слов из предложных сочетаний представляют собой очень распространенные в разговорной речи обороты, в которых предложное сочетание как бы застывает, употребляясь в роли существительного. Вот примеры из современной речи: «Он работал здесь с *до войны*»; «Есть у тебя ближай-

шая цель на „*послештоль*“? (из газет); «Я не буду никуда выходить до *послемая* [после майских праздников]» (из устной речи). Есть такие обороты и в речи персонажей Достоевского: «Уверю вас, дядюшка, что вы видели это во сне! Вы преспокойно себе почивали, с самого *послеобеда*» (Дядюшкин сон).

Итак, живая разговорная речь, диалекты и просторечие, — вот та «лаборатория», в которой постоянно создаются подобные слова. Достоевский, несомненно, большой знаток русской народной речи, не мог не отразить в своих произведениях эту словообразовательную особенность.

Но вернемся к самому слову *безудерж*. В отличие от других слов этого словообразовательного типа, силой писательского таланта и обобщения оно сразу стало вполне литературным, лишенным какой-либо диалектной или просторечной окраски, словом-термином, обозначающим определенное социально-нравственное явление. В наше время оно нередко встречается в печати. О нем неизменно вспоминают, когда речь заходит о Достоевском, о карамазовщине, и не только в литературоведческих трудах. Так, рецензия Я. Варшавского на фильм «Братья Карамазовы» была помещена в «Литературной газете» (1969) под заголовком «Со всем безудержем карамазовским...». Автор рецензии подчеркивает, что режиссер Пырьев проявил в своей последней, предсмертной работе тот самый карамазовский безудерж, тот неистовый размах, который так соответствует духу романа.

Впрочем, о *безудерже* вспоминают уже не только в связи с Достоевским и с карамазовской проблематикой. Это слово вспомнил, например, К. И. Чуковский в своей книге «Александр Блок». По словам Чуковского, в поэме «Двенадцать» «есть та самая бедовая удаль, то хмельное разгулье, то восторженное упоение гибелью, в которых для Блока самая сущность тогдашней России. Тут — даже в звуках — русский угар и безудерж».

Введенное Достоевским в русский литературный язык, диалектное по происхождению, слово *безудерж* сохранилось в нем. Оно так и просится в толковые словари.

В. В. ЛОПАТИН

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО ДМИТРИЯ КЕДРИНА

В двадцатые годы Б. А. Ларин в статье «О разновидностях художественной речи» писал: «... Чем меньше дробь поэтической речи, тем она больше обесценена, обескачествлена. За некоторым пределом изоляции наступает полная утрата эстетического значения» (сб. «Русская речь». I. Пг., 1923).

В чеховской повести «Дом с мезонином» изображается встреча художника с прекрасной девушкой, вспыхнувшее яркое чувство, тяготение друг к другу и внезапная разлука навсегда. В конце повести в словах «Мисюсь, где ты?» звучит и боль о потерянной навсегда любимой, и безнадежность, и горестное воспоминание о счастье, утраченном навеки.

«Как мало значат сами по себе: „Мисюсь, где ты?“ — заметил в той же статье Б. А. Ларин, говоря далее, —...когда распишут автора на карточки по словам и элементарным словосочетаниям, то взятые в отдельности, они бедны смыслом и заурядны, — потому и могут быть приравняемы к разговорному и вообще внеэстетическому хождению».

Это относится к языку художественной прозы, но еще в большей степени к языку и стилю лирических произведений, так как диалектику развития поэтического образа можно понять и почувствовать только при анализе авторского контекста. В самом деле, такие слова, например, как *земля, парус, плуг, небо, душа, корабль, свидание*, кроме номинативной функции в стихотворениях Блока дополнительно получают еще и эстетическую наполненность. В варианте стихотворения «Май жестокий с белыми почками!...» мы читаем:

И над этим плугом — все мечтания,
И под этим плугом — вся земля,
И душа — как в первый миг свиданья,
И душа — как парус корабля.

Мы видим, что поэтическими могут быть не только так называемые тропы и фигуры, но и обычные слова и выражения, творчески преобразованные автором в «оправе» поэтического контекста, получающие при этом новый дополнительный смысл. Поэтому внимание к поэтическому слову, исследование поэтической речи, заучивание наизусть лучших произведений наших поэтов следует рекомендовать, так как все это повышает культуру языка, обогащает понимание поэзии, которая всегда есть «езда в неизвестное».

Поэтическое слово несет в себе заряд огромного интеллектуального смысла и большого эстетического накала. В книге «Проблемы поэтики Достоевского» об этом очень точно сказал М. Бахтин: «Слово не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда диалогического общения. Оно никогда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова — в переходе из уст в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению. При этом слово не забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило». Стихотворение Д. Кедрина «Красота» дало название одному из его поэтических сборников.

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотящих снопы спозаранок.
У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полшубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.
С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя — Россия!

Лексика стихотворения, его синтаксический строй — основные компоненты языка и стиля. Н. С. Поспелов подчеркивает, что стихотворная речь сложнее прозаической, крепче связана с ритмом, легче, чем проза, выносит сложность синтаксической структуры, отличается большей свободой расположения слов, большей свободой в вариантности присоединительных конструкций. Линия времени идет от прошлого через настоящее к будущему, но возможна и другая линия (побочная) — от настоящего ретроспективно к прошлому (см.: Н. С. Поспелов, Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина, М., 1960).

Вот эти переливы, переходы временного плана можно проследить и в стихотворении Д. Кедрина, где употребляется ряд конструкций с глаголом прошедшего времени (Я встречал не однажды у русских крестьянок; Я видал эти синие звезды очей); затем возникает конструкция настоящего времени (Я теперь понимаю, что вся красота — только луч того солнца, чье имя — Россия!). Действие как бы переходит от эпохи Возрождения к XIX столетию, потом к советской действительности, к солнцу — России, лучами которой освещается поэтическое видение мира художника.

В стихотворении возникают фрагменты картин трех великих художников: Леонардо да Винчи, Васнецова и Репина, и это достигается с помощью высокой книжно-литературной лексики и поэтической фразеологии: «Эти гордые лбы винчианских мадонн»; «Эти синие звезды очей, что глядят с вдохновенных картин Васнецова».

Тема труда и крестьянского быта органически связана с темой искусства, причем высокая патетическая речь в теме искусства сменяется сниженной разговорной речью с элементами лексики крестьянского обихода в теме труда (большак, снопы, ток, молодки, спозаранок, отрезок холста) и синтаксическими конструкциями (рукава полупубка отдова; у вихрастых мальчишек, что ловят грачей). Иногда поэтическая речь прерывается разговорной: синие звезды очей, что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

Эти темы и стилистические пласты, их выражающие, органически связаны с системой параллельных выражений: гордые лбы винчианских мадонн сравниваются с лицами рязанских молодок; синие звезды очей, что глядят с вдохновенных картин Васнецова, напоминают глаза крестьянских ребятишек. Далее дается синекдоха (часть вместо целого): «С большака перешли на отрезок холста бурьянов этих репинских ноги босые...». В целях большей выразительности употребляется инверсия: «ноги босые».

Из синтеза всех картин и речевых средств возникают черты величественного образа России. Автор отдельными штрихами и

цепью ассоциаций как бы воссоздает единый собирательный образ родной страны с гордым лбом винчианской мадонны, с синими звездами очей, с босыми ногами. Кедрин как бы объединяет в один поэтический ряд образы мадонн Возрождения, картины Васнецова и Репина с образами тружеников рязанской деревни.

Стихотворение поражает обилием «скрытых» и «открытых» пейзажей. При имени Леонардо да Винчи нам вспоминается Мадонна Литта, Мадонна Бенуа на фоне синего неба Италии, при имени Васнецова возникают лесные просторы средней России, берега величественной русской реки Волги при имени Репина.

Дмитрий Кедрин мастерски пользуется приемом единоначатия. В стихотворении «Красота» перед нами двукратные и трехкратные повторы одного и того же начала. Это усиливает связь между отдельными строками стихотворения.

Эти гордые лбы винчианских мадонн
...эти синие звезды очей

Я встречал не однажды у русских крестьянок
Я видал эти синие звезды очей

Я теперь понимаю
У вихрастых мальчишек, что лезят трачей
...эти синие звезды очей, что глядят с
вдохновенных картин Васнецова

...у русских крестьянок
У рязанских молодок

В стихотворении создается очень сложная гамма разных речевых средств, органически связанных с образом автора, а это дается не только цепью далеких ассоциаций (авторских), но только трехкратным употреблением личного местоимения, но и впечатляющей концовкой, в которой образ родной страны, образы ее тружеников озарены искусством величайших мастеров. Глубоко патристично звучат заключительные строки:

Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя — Россия!

О том, что тема труда и тема искусства органически связаны в творчестве Дмитрия Кедрина, свидетельствуют и другие его произведения, в частности стихотворение «Афродита», посвященное работнице, пришедшей в музей, где выставлены шедевры мирового искусства:

Ты работала смену
И прямо сюда из вальцовки...
Ты смотришь, немножко робея,
На собранье богов...
Так губы свежи твои нынче,
Лебединая шея
Так снежно бела и стройна,

Что когда бы в Милане
Тебя он увидел бы — Винчи,—
Ты второй Джиокондой
Сияла бы нам с полотна!

Изображение работницы в спецовке, в фартуке дано на фоне коринфских колонн и античных статуй; они как бы дополняют друг друга. Глубоко прав М. Б. Храпченко, утверждая, что «функция различных элементов стиля раскрывается в полной мере в их слитности, взаимодействии, в единстве с идейно-образным содержанием произведения» (Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1970).

У Дмитрия Кедрина часто изображаются простые люди, звучат мотивы фольклора. Так, при чтении стихотворения «Аленушка» возникает милый васнецовский образ и звучит патриотическая тема Родины:

Стойбище осеннего тумана,
Вотчина ночного соловья,
Тихая царевна Несмеяна —
Родина — неяркая моя!..
Только все ты вынесла и снова
За раздольем нив, где зреет рожь,
На пеньке у омута лесного
Песенки Аленушки поешь...

В произведениях Дмитрия Кедрина встают старинные соборы и древняя архитектура, фрески Андрея Рублева, русские реки, леса, просторные равнины, труд и подвиг советских людей. В его стихотворениях живут образы античных авторов. Рядом проходят Саади и Байрон, Пушкин, Грибоедов и Гоголь, Уэльс и Лев Толстой, Леонардо да Винчи, Васнецов, Репин и Бетховен — философы и поэты, художники и музыканты, образы которых органически входят в творчество поэта, прославляющего в своих стихах Родину и ее историю, искусство, труд в их нераздельности.

В стихотворении «К другу-поэту» (Кайсыну Кулиеву) говорится о поэте и поэзии:

Но над нами есть выше,
Есть нетленнее свет:
Я не знаю, как пишут
По-кавказски «поэт».
Но не в песне ли сила,
Что открыла для нас
Кабардинцу — Россию,
Славянину — Кавказ?

В этих вдохновенных строках русского поэта Дмитрия Кедрина возникает величавый образ России, проникновенно звучит тема дружбы народов, озаренная песней поэта.

Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

ГОЛОС РУСИ ПОЛЕВОЙ

*Заметки о языке
современной поэзии*

Вероятно, ни в чем так резко и выпукло не выражается индивидуальность поэта, как в его слого. Еще не дочитав стихотворения до конца, по первым же строчкам мы нередко угадываем автора, склад его души, время, в которое он творил или творит.

Многочисленные примеры, подтверждающие сказанное, дает сегодняшняя советская поэзия. Порой даже лирическое стихотворение из рядового поэтического сборника несет в себе явные приметы нашей эпохи и биографии автора. Говорит оно и о том, насколько поэт свободен в обращении с ресурсами родного языка, опирается ли он на заключенную в нем «историческую» информацию или довольствуется ее сиюминутным приращением.

К сожалению, перелистывая некоторые сборники, заглядывая в стихотворные подборки, порой сталкиваешься с удручающим однообразием, обезличенностью поэтического языка:

...Прощай, моя молодость!
Прощай и прости!
За все тебе — только спасибо!
В других продолжайся, цвети и расти!
В других разгорайся красиво!
В круженье, в заботах, в работе, в семье
Себя от тебя отдаляю,
Но где-то хитрю я
и что-то себе
В себе
от тебя
оставляю...

Львов. Прощание с молодостью

Сейчас мне тихо и светло.
От горя тише я и строже.
Нас одиночество свело,
И разлучает нас оно же.
Во всем гармония жива,
Так тщила я ее нарушить,
Но разлетелись наши души,
Как эта бедная листва...

Лисянская. Сейчас мне тихо и светло...

В первом случае мы имеем дело просто с зарифмованной прозой, причем не в лучших ее образцах, встречающихся порой на газетной полосе. Автор как бы и не задумывался о том, что стихотворная речь должна обладать какими-то иными признаками, помимо размера и рифмы. Во втором случае перед нами попытка выразить некое серьезное лирическое переживание, но явно неудачными средствами. Стихотворение обезцвечено необязательной, лишенной образности и эмоциональности лексикой и выглядит предельно условным и неопределенным. Непонятно даже почему, стремясь к соединенью с кем-то, лирическая героиня посягала на мировую гармонию. Вот пример, когда употребление расхожего словесного оборота оказывает влияние на сам ход поэтической мысли.

Видимо, дело здесь не только в степени одаренности того или иного поэта, но и в том, к каким источникам припадает автор, вырабатывая свой слог, свой словарь. То есть ориентируется ли он лишь на то, что носится в воздухе, лежит на поверхности, притекает через прессу, радио и т. д., или стремится искать, обращается к дальним кладовым языка, к живой разговорной речи. В первом случае роль его в сущности пассивна, во втором — творчески активна и связана с постоянным самоконтролем,

Активное, творческое отношение к слову характеризует работу таких, например, признанных мастеров, как А. Твардовский, Н. Ушаков, Я. Смеляков, Л. Мартынов, В. Федоров, Б. Ручьев, Н. Тряпкин. О некоторых из них написаны книги и исследования, деятельность других еще ждет настоящей оценки, но уже сейчас неоспоримо их воздействие на литературную речь, на стилистические искания поэтической смены.

У многих поэтов послевоенного поколения возросло притяжение к наследию русской классики, наметилось стремление развивать некрасовско-есенинскую традицию и дать голос «полевой Руси». Так или иначе это стремление затронуло и поэтический язык. Заслуживает внимания последовательная ориентация части поэтов на народно-крестьянскую речь, на выявление скрытых в ней эстетических возможностей. Можно по-разному отнестись к плодам их поэтической работы, но не учитывать этого нельзя. Каковы же основные уроки опыта и как их оценивает текущая критика?

Не раз упоминалось в нашей критике имя Ивана Лыцова. Необычна стилистика этого поэта, выпустившего уже немало книг. Невольно всматриваешься в его слово, нередко свежее и «духовитое». Поэт не боится ни диалектизмов, ни полузабытых речений и сознательно уклоняется от того, что подсказывает обиходная литературная традиция — в пользу ресурсов фольклора и просторечья.

По-за лугом нёкосью, там, где лес-насе́ка
Нёсыми орехи бережет,
Запала́я, гиблая, прочь от человека,
Гово́рят, дороженька веде́т.
То в лога-калужи́ны с летошной травой,
То рясо́й малино́й помани́т.
Пови́лая, мшо́ная, с лешачьей бедою,
Гово́рят, лежи́т она и спи́т...

Сердолин

Здесь все или почти все оправдано установкой на определенную лексическую тональность, подчинено общему замыслу, и рассчитано на речевую выразительность. Введение слов, оставшихся за пределами литературного языка (нёкось, рясная, калужины), оживляет картину. Пусть основное значение некоторых из них не всегда можно найти в популярных словарях, с нас довольно ощущения уместности этих слов в данном контексте.

Правда, на этом же пути поэта подстерегают соблавы. Порой речь его звучит слишком затрудненно, читатель нет-нет да заглянет в Даля. Может быть, тут и нет особой беды — почему бы и не полистать при случае толковый словарь? Тем более, если при этом выигрывает восприятие идейно-образной целостности стихотворения. А если ничего не меняется?

Мамица-поборница травушку брала,
В бездожь безусталица рѳднюю вела.
Бесхмеленый, шибистый был при ней квасок,
Слетенью напросливый был вокруг лесок.
Не было безъягодья. В согре на кусту,
Набрунев брусниченка вѳтула: расту!..

Дело не в непонятных речениях, а в том, какова их конструктивная роль. Оттеняют ли они своей лексической характерностью образ — в данном случае образ старой крестьянки — или, наоборот, затемняют его. Увы, в щедро расцвеченной предметности, складывающейся в некий затейливый узор, человека почти не видно: он растворился, если говорить словами авторского текста, в «божьей благодати». «...Типичная „кляевщина“, то есть малопродуктивное стилизаторство, которым в юности грешил подчас и Есенин», — писал по этому поводу критик В. Кожин.

Что ж, с этой суровой оценкой в принципе нельзя не согласиться. Необходимо лишь одно уточнение: «кляевщиной» не исчерпывается все сделанное в поэзии Николаем Кляевым, который не всегда был последователен в осуществлении своей ложной, консервативной программы и тогда создавал интересные вещи, особенно в жанре лирического пейзажа.

Но это между прочим. И. Лысцов подчас впадает в стилизацию, иногда ему изменяет чувство меры, не хватает строгости в отборе языковых средств. Обо всем этом можно и нужно говорить с сожалением, строго разграничивая истинные достижения и «издержки», которые, очевидно, неизбежны у каждого поэта, обращающегося к глубинным пластам русского языка. Это последнее, разумеется, не является обязательной закономерностью, но практика некоторых молодых поэтов показывает, что подобные «издержки» наличествуют в их книгах. И их мы находим у таких поэтов, как С. Голованов, В. Яковченко. Примечателен, например, сборник И. Григорьева «Забота». Немало в нем истинно песенных красок и ритмов, неподдельна любовь к раскованному, искрометному народному слову.

Ой, змея — тоска
Подколотная:
Ни деска, ни листка —
Глубь холодная.
Зыбь темна, тяжка, —
Сердце екает:
Ни лужка, ни стежка —
Даль далекая.
Облака черны,
Будто вороны,
Волны буры, бурны —
Во все стороны...

К сожалению, в той же поэме «Благословенный чертов путь», откуда взята цитата, встречаются сырые, избыточные жаргонизмами строфы, можно привести примеры и малоудачного словотворчества.

Есть все основания критиковать этих поэтов и критиковать по большому счету, но предавать их анафеме, как это делают иные критики, вряд ли разумно.

Иные молодые поэты берут словесные краски, как говорится, из вторых рук, довольствуются штампами, в частности, лексическими «поэтизмами». По определению В. В. Виноградова, «к лексическим „поэтизмам“ — общим или особым для каждой эпохи — относится отстоявшийся или образовавшийся набор стандартизованных в поэтическом творчестве данного периода слов и оборотов». Примером могут служить взятые из одного поэтического сборника выражения: печаль расставанья; неизвестность дорог; последний аккорд; неведомая даль...

Кое-кто, вероятно, не представляет, как можно совершенно обойтись без подобных словесных клише, если пишешь размером. А вот поэт А. Плитченко создал стихотворение, которое блестяще доказывает эстетическую выразительность просторечия, когда к нему прибегает мастер, когда оно ограничено в его поэтической манере:

Мне бы надо, дураку,
С детства,
Сызмалетства
Сына ставить к верстаку —
Истинное средство,
Чтобы засветло,
С утра —
Завсегда при деле,
Чтобы дальше топора
Очи не глядели.
Чтобы в кровь его вошла
Плотницкая сила,
Чтобы жизнь его брала
Крепко да красиво...

В приведенных строках вполне обрисовывается образ мысли и говорения старого плотника или просто рядового человека трудовой профессии, с присущим ему здравым смыслом и житейской мудростью. Мало того, через характерные для него речевые обороты («завсегда при деле» и др.) автор воплощает и свое представление о здоровой и красивой жизни. С развитием темы неумовимо меняется и лексическая окраска: от шутливо-комической до вполне серьезной, почти высокой, где становится уместным, слово *очи*.

В стихотворении О. Фокиной «Ива» традиционная лексическая основа народной песни теряет всякую архаичность и окрашивается новым, вполне современным лиризмом.

Простолюдинка ива я —
К земле неприхотливая:
Никем не обижена,
Ничем не огорожена
От половодья вешнего,
От птицы-пересмешника,
От ветра-полуночника...
Все вынесла, вновь выросла —
Из колышка —
До небушка!
Живучая! Могучая!
...А все зовут — плакучая.

Поэтическая речь О. Фокиной в ее лучших стихах отличается выразительностью.

Когда ж зари вечерней знамя
Погаснет, —
Одинокий след
На травы рёсные ложится
Из-за реки до шалаша,
И ухают ночные птицы,
Сердито крыльем трепеща...

Последние две строки говорят нашему воображению особенно много, и как точно найдено здесь полузабытое «крылье»! Слог почти незаметно приобретает такие качества, как сочность, свежесть, самобытность, манит к себе, заставляет ожидать от автора новых открытий.

О. Фокина, А. Плитченко и другие, близкие им по творческим устремлениям поэты, смело черпают из разнообразных кладовых родного языка, дают дорогу словам, не «обкатанным» письменной практикой. Но более всего их словарь связан с сельским укладом жизни, что отчасти соответствует тематической направленности творчества. И это обстоятельство ничуть не ограничивает их возможностей при выражении самых тонких и глубоких переживаний, как не стесняло оно в свое время Есенина, а позднее — Твардовского.

Разумеется, поэтам, ориентирующимся на народно-национальную традицию и фольклор, еще многому нужно учиться. И не только тому, что связано с техникой, мастерством, но и уметь постигать внутренние закономерности народной жизни, черты новой морали. Направленность же их творческих интересов плодотворна и перспективна.

Трудно в этой связи признать правоту поэта А. Тарковского, который пишет: «В склонности пользоваться не общелитера-

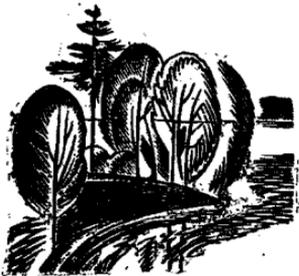
гурным словарем можно усмотреть и черты хомяковского барства, и пренебрежительное недовольство современным русским литературным языком ... Великий русский литературный язык отнюдь не гомункулус, он развивался вполне естественно, и — в большей или меньшей мере — включает в себя элементы всех мыслимых русских словарей — местных, профессиональных и т. п., поскольку эти элементы становятся общенародными.

Думается, что «хомяковское барство» здесь не причем. Что касается «недовольства» языком, то это замечание повисает в воздухе. Поэзия — арена борьбы за богатство и выразительность литературного языка, что не раз доказывали и Маяковский и Есенин, воевавшие против стертости и обезличенности стихотворной речи. Судя по всему, А. Тарковский склонен считать современную литературную речь чем-то окончательно установившимся, застывшим, лишенным каких-либо реальных противоречий.

Ему вторит Л. Аннинский. Считая, что в обращении одного из современных поэтов к русской истории, к былинным и сказочным мотивам не видно «нравственных начал», критик пишет: «Отсюда и этот ... полупонятный, для избранных предназначенный, „особливый“ язык. Ложно все это».

Но взглянем на вопрос с иной стороны. Взывая к нравственным началам, предлагая равняться на высокие образцы, теоретизируя, мы порой склонны упускать из виду реальность литературного процесса. А в ней никогда не теряла остроты борьба с выхолощенностью и обезличенностью в сфере поэтической речи, за ее демократизацию и обновление. На этом пути возможны издержки, но неизбежны и достижения.

А. И. КЛИТКО

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Курировать

ходилось слышать: „Курирует над таким-то отделом“ и „Курирует таким-то отделом“. Каково происхождение этого слова и как его правильно употреблять?».

Слово *курировать* — сравнительно новое в русском языке. Его нет в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» и в 4-томном «Словаре русского языка».

Уже с XIX века русскому языку было известно существительное *куратор*, однокоренное с указанным глаголом. Приводится оно в словаре Михельсона «30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык» (1866) в трех значениях: 1) опекун над именем несостоятельного должника; 2) прежнее название попечителя университета и 3) студент, надзору которого вверяется больной.

Как существительное *куратор* (латинское *curator*), так и глагол *курировать* обязаны своим происхождением латинскому глаголу первой группы *curare*, что значит «заботиться, стараться, хлопотать, не оставлять без внимания», который по смыслу прочно связан с существительным того же корня *cura* «забота, попечение, надзор, присмотр».

Без сомнения, глагол *курировать* испытал на себе французское влияние. Дело в том, что французские глаголы первой группы с характерным для них в инфинитиве окончанием *-er* (в том числе и глагол *curer* — из латинского *curare*), как правило меняли при переходе в русский язык *-er* на *-ir*: *répéter* «репетировать», *préparer* «препарировать», *diriger* «дирижировать», *remonter* «ремонтировать» и т. д. Правда, этим французское влияние на глагол *курировать* и ограничилось, ибо значение французского глагола *curer* «чистить, удалять осадок, выгребать» достаточно далеко от значения латинского *curare*.

Иногда ошибочно связывают русское *курировать* с французским глаголом *courir* «бежать, бегать» по сходству звукового облика этих слов.

В смысловом отношении глагол *курировать* тесно связан с существительным *куратор*, значение которого в последнее время стало более широким — «лицо, которому поручено наблюдение за какой-либо работой, опекун», например: инженер-куратор.

Следует подчеркнуть, что единственно правильным можно считать употребление *курировать* с прямым дополнением. Об этом свидетельствуют и примеры из художественной литературы: «— Но ты, Сереженька, должен быть с Голицыным кроток и ласков, ибо он будет курировать наши полеты» (Гравин. Иду на грозу).

Все другие случаи употребления *курировать* (с предлогами *о*, *над*), встречающиеся в разговорной речи, неправильны, ненормативны. Они возникают под влиянием синонимичных глаголов *заботиться о ...*, *шефствовать над ...*

Ю. И. Ореховацкой

РОДНИКИ ЖИВОЙ РЕЧИ

Николай ЛЕОНТЬЕВ

Гибкость и сила языка, его смысловая емкость и выразительность вырабатываются не только писателями и поэтами. Главный, первоисточник обогащения языка — речевая практика миллионов людей. В повседневной, бытовой, затрапезной речи легко обнаружить все элементы образного мышления.

Красное слово ценится исстари. Это пряная приправа, придающая вкус человеческой мысли, это сок самой души, вызывающий

брожение родственных соков в сердцах тех, к кому оно обращено. Сравнение, метафора, гипербола, метонимия, игра словами — наряд самой мысли, придающий смыслу свежесть, новизну, праздничность. Рифмы, ассонансы, аллитерации — музыкальные украшения поэтических высказываний простых людей, игра звуками речи, роднящая слово с музыкальными произведениями, тонкая, подчас изысканная организация слов в едином словесном аккорде. Все это в избытке имеется не только в фольклорных произведениях, но часто встречается и в ежедневной разговорной речи работников любой профессии. Сочетание этих элементов поэзии в живой речи людей как бы приподнимает ее над повседневным суесловьем, углубляет смысл, придает слову объемность, делает его более эмоциональным.

Мысль, поданная мастером красной речи, кристаллизуется в образную форму, становится одним из тех явлений эстетического мира, про которые в народе с восхищением говорят: «Сердцу любота!..».

Если проследить исторические корни возникновения каждой из красот поэзии, неизбежно придешь к их изначальному роднику — к народному творчеству, к народной речи.

Из века в народе говорили веснами:

— С угоров снег согнала!..

Пушкин написал:

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями..

В народе говорят, вероятно, уже не один век: «На березах почки распушились!..».

У Пушкина мы читаем:

Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют...

Повторяя известное высказывание великого русского композитора, поэты могут признаться: народ творит, мы только aranжируем.

Наша обыденная речь полна поэтических тропов, иносказаний. Взятые отсюда поэтами, метафоры в развернутом виде составляют украшение нашей поэзии. Выражения «разорваться на части» и «нервы расходились» в поэтическом осмыслении Маяковского вылились в знаменитое сатирическое стихотворение «Прозаседавшиеся» и во впечатляющий отрывок из «Облака в штанах», где нервы существуют как бы самостоятельно, прохаживаются, бегают, мечутся. Такова блестящая судьба обыденных, казалось бы, примелькавшихся народных метафор.

Речетворческие таланты людей простого труда глубоко ценили лучшие русские писатели. Забывая их пример, пренебрегая языковыми богатствами широчайших слоев народа, любой из писателей не сможет обогатить национальную культуру. Если не вводить в литературу все свежее и яркое, что ежедневно возникает в языке народа, все наши взволнованные речи о судьбах языка останутся бесплодными пожеланиями.

К сожалению, многие произведения нашей художественной литературы, на которую обычно оглядывается молодежь в процессе становления ее языковых норм, серы и худосочны по языку: их авторы стоят в стороне от языка народного, от его живых интонаций, от его нетускнеющей яркости и неиссякающего богатства.

Как известно, героиня романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двадцать стульев» «людоедка» Эллочка Щукина была счастливой

обладательницей самого краткого в мире лексикона: во всех случаях жизни она свободно обходилась тремя десятками слов. В словаре ее подруги Фимы Сббак насчитывалось уже около 180 слов, среди которых встречалось даже такое «богатое», как, например, «гомосексуализм».

Когда речь идет о заведомо вымышленных лицах, ограничивших себя словарем первобытных людей, нам смешно — и только. Но вот факт уже невымышленного свойства: в одном поэтическом сборнике лингвисты насчитали всего 168 слов. Об этом сообщалось в нашей печати. В ряду знатоков богатейшего самоцветного языка своего народа автор злополучного сборника стихов удовольствовался скромным местом между, людоедкой Эллочкой и Фимой Сббак. Облюбованную им середину между двумя подругами-языкознайками вряд ли хотя кто-нибудь назовет золотой.

По многим причинам, одновременно с обеднением языка, в литературе нередко наблюдается и процесс его нивелировки, в результате чего книгу одного прозаика или поэта зачастую трудно отличить от книги другого. В то же самое время огромные языковые богатства нашего народа по-прежнему остаются далеко не использованными, а иногда и просто преданными забвению.

Литературный язык рождается общенародной культурой и в то же время сам служит рычагом культурного развития народа. Стремясь к «нормальному» развитию литературного языка, некоторые языковеды, а за ними очень часто и многие редакторы почему-то озабочены лишь установлением границ его. Действуя методом ограничений, усечений и запретов, они сокращают возможности обогащения литературного языка, предписывают ему воистину голодную диету.

Общенародный русский (как и всякий другой) язык — это дружеское сожительство множества территориальных говоров и наречий. В них и можно проследить объективные закономерности развития языка. Именно по этой причине истинный художник в своем творчестве обращается к этой первородной стихии. Конечно, и в живой речи есть свои болезни и беды: идет процесс выщелачивания ценнейших элементов, вторгаются штампы канцелярского и газетного обихода, стираются острые смысловые углы, которые способны высечь искру поэзии. Но одновременно в устной разговорной речи народа ни на минуту не прекращается процесс обновления языка, рождения все новых и но-

вых словосочетаний, поэтических находок, обеспечивающих саму жизнь языка и его деятельное развитие.

Вероятно, многим писателям приходилось встречаться воистину со стародавнейшей застенчивостью редакторов при столкновении со словом, прочно бытующим в корейном фонде русского народного языка, но по каким-либо причинам ни разу не залетавшим в редакторские уши. В большинстве случаев это обычные слова, употребляемые миллионами людей. Нередко редактор знает даже английский или французский, а вот свой родной язык известен ему лишь в пределах массового словаря. Поневоле, чтобы избежать обвинения в своеобразном «ученом невежестве», таким редакторам приходится становиться в позу ревнителей так называемой «чистоты» литературного языка, понимаемой, конечно, на собственный лад.

Опальные слова подвергаются порою ожесточенным нападкам и, как правило, заменяются привычными, примелькавшимися, но далеко не однозначными словами. И лишь в случае стойкой неподатливости автора введенные в рукопись «заподозренные» слова и выражения переходят в книгу, снабженные сносками, напоминающими перевод с иностранного языка.

У автора этих строк в повестях, где речь ведется от имени его соавтора — нечорской колхозницы Маремьяны Голубковой, красуются сноски к таким исконно русским словам, как, например: сполохи, печурка, матица, повесть, пожня, зыбка, кошенина и т. д.

Возьмем хотя бы последнее из этих слов. Трава, недавно скошенная на пожне, еще не высохла. Это еще не сено, но уже и не трава. Лежащая в покосах трава — это и есть то самое, что в колхозах называют старым испытанным словом «кошенина», и что никаким другим словом не назовешь.

Процесс введения в литературный язык слов и выражений из живой народной речи, процесс, начатый великими реформаторами русского национального языка — писателями-классиками — безотлагательная задача. Это и будет дальнейшим расширением, демократизацией нашего литературного языка за счет необъятной языковой стихии народа. История развития русской поэзии (в частности) как нельзя более наглядно показывает благотворную роль приближения ее к разговорной речи, разработки ее не освоенных ранее пластов. Достаточно указать на творчество Крылова, Грибоедова, Некрасова, Твардовского.

Революция и вызванная ею небывалая трудовая и общественная практика советских людей внесли в наш язык множество обозначений и понятий. Иной смысл приобрели и многие давние, «устаревшие» было слова; сейчас они прочно вошли в наш речевой обиход.

Новые моральные и этические нормы запечатлеваются пародом в чеканных пословичных эталонах, крылатых выражениях и образных речениях. У нас немало истинных мастеров народного красноречия. Духовный мир советского человека богат и сложен. Он включает в себя, в частности, и образные отклики на любое новшество, возникающее в жизни, и изумление перед красотами родной природы, и веское слово, отражающее явления, связанные с нашей борьбой за мир. Острое слово народной сатиры по заслугам бьет отсталых людей и тем самым активно участвует во всенародной борьбе за новый облик человека коммунистической эпохи. Сколько родится в повседневной жизни новых образных речений, острие которых направлено в адрес хулиганов и пьяниц, бюрократов и дураков, стилиг и лодырей! Все наши устремления, трудности, достижения — все оставляет свой след в ярком и волнующем русском слове.

В емялки мои — северяне говорят исключительно образно. На протяжении десятилетий мне пришлось общаться со многими сотнями простых людей: с пинежскими лесорубами и холмогорскими доярками, с печорскими и беломорскими рыбаками и с рыбаками и охотниками из венецких тундр. Эти люди, каждый на свой лад, выражают свое отношение к миру: к прошлому и будущему, к явлениям окружающей природы и коренным вопросам современности, к труду и нормам поведения. Короткие, но богатые смыслом, яркие, впечатляющие высказывания так и просятся в книги.

Я стремился использовать эти образные выражения в своих повестях и в поэтических произведениях. Естественно, в книги вошло лишь немногое из уловленного. Каждую из этих поэтических искорок я старался освободить от налипшего на них холодного пепла лишних слов, раздуть огонек заложенного в них чувства и образующиеся после этого крылатые речения заносил в свои записные книжки. Впоследствии я начал самостоятельно изобретать эти «краснословинки». Заложенные в этих атомах искусства представления и идеи реально существуют в народе. Формы выражения их многообразны, но я выбирал те варианты, какие могли сложиться главным образом на нашем Европейском севере, на Северной Двине, Онеге, Мезени, Печоре. Это было сознательное соревнование с нашими северными краснословами, каких я встречал немало.

Результатом более чем двадцатипятилетних исканий в этом направлении стала рукопись большой книги «Краснословье», куда вошло более 15 тысяч «краснословинок» — образных речений пословично-поговорочного типа. Мне хотелось дать как бы сгусток коллективных размышлений, образное отражение всенародных дум, предельно сжатую и, по возможности, яркую формулировку идей нашего советского века.

Приведу хотя бы некоторые извлечения из рукописи этой книги.

О старой жизни: «Любую маету ловили налету»; «И малая отрадина была судьбой украдена»; «От самой купели слезы кипели»; «От слез пятки мокли».

О труде: «Любимое дело душой завладело»; «На работе душа — именинница»; «И солен наш пот, да удачлив»; «И в холодных краях — горячие дела».

О колхозе: «У нас мало деревень, да много перемен»; «Деревня с городом под одну крышу строятся»; «Агроном, что астроном: связи с небом не теряет»; «Агроном колхозникам брат, а колхозу сват: трудовые руки женит на науке».

О славе: «На великое народ памятен»; «Дельный час в веках откликнется»; «Работу зернами сей, славу ворохами соберешь»; «Имена и на полях растут»; «На подвиг нет запрета».

Опыты сатиры: «У нас юмор не умер и сатира не без квартиры»; «Глуп не очень, да ум подмочен»; «Здорово начитан, да в жизни беззащитен»; «Среди книг — проводник, а на улице сам заблудится»; «Хорош мастер, да не нашей масти»; «Есть мозги, да в мозгах — ни зги»; «Неужели кретины несократимы?!»; «Ворона воропой, а амбиция орлицына»; «Разуменье детское, а самоменье молодецкое»; «Никуда не гожд, а повсюду вхожд»; «Шея у мошенника просит ошейника».

Живая разговорная речь народа до сих пор не перестает оставаться производящей, творящей. Для литературного языка она неутомимый поставщик самых разнообразных средств выразительности, подлинный родник живой воды.

Отключение от этого животворящего источника смерти подобно. Письменный язык средневековья — латынь — долгое время господствовал в Западной Европе, но уже был мертвым, потому что корней в живой народной речи не имел; его нельзя было обнаружить ни в шутках простонародья, ни в рыночных перебранках, ни в пылких объяснениях влюбленных, ни в колыбельных прибаюках.

Задача любого нашего писателя и поэта — чутко вслушиваться в музыку народных дум и чувств, звучащую как в фольклоре прошлого, так и в повседневной сегодняшней разговорной речи, а уловив эти полные значения аккорды, вплывать их в свои произве-

дения, приумножая тем самым богатство, красноречие и блеск нашего литературного языка.

Многосложное обиходное пословичное хозяйство пока что расплыено, оно не собрано и в тысячной своей части. Эта самородная кладовая красноречья требует хозяйского к себе отношения. В сборе и публикации крылатых изречений народной мудрости не последнюю роль могут сыграть и наши газеты, ежедневно общающиеся с миллионами людей. Выявив имеющие хождение и по сей день перлы народной речи, мы обогатим литературный наш язык.

Чеканная точность народной образной речи видна хотя бы из такого примера. Еще семилетним ребенком я услышал первую поразившую мое воображение пословицу — «Горы низятся, подгорья высются!..».

В четыре простых слова уложилась характеристика социальных перемен, принесенных революцией. Сказана была эта пословица кем-то из односельчан-холмогорцев в день, когда в наши Холмогоры долетела весть о свержении царя. Позже она не раз повторялась в связи с крушением благополучия местных богатеев, среди которых были и заводчики, а также по случаю бегства некоронованного короля Двинского Севера лесопромышленника Чудинова вместе с интервентами за границу. И все они вмещались в сознании мальчишки как образ некоей «горы». Ей противопоставлялись «подгорья»: в понятие это, естественно, вошла вся наша сельская голытьба, уверенно распрямившаяся вслед за революцией и начавшая «ходить с подлетом». Это и многочисленные по отцу и матери дяди, работавшие всю жизнь на лесозаводчиков, да и сам отец — простой приемщик лесоматериалов, которого Советская власть поставила заведовать поначалу крупнейшей на Северной Двине Усть-Пинежской запанью, а затем Кейницким лесным районом, на территории которого могли свободно уместиться иные западноевропейские государства. Через крылатое слово я, мальчишка, ощутил существо мощных социальных сдвигов, происходящих в стране.

С той поры я начал чутко прислушиваться к образной живой речи, а затем и записывать ее. За десятки лет я нашел сотни речистых людей. Об одном из них — это уже обобщенный образ — недавно мной закончена поэтическая книга, названная его именем, — Матвей Перегуда.

Отрывок из нее я предлагаю читателям «Русской речи», надеясь, что он поможет представить себе, о каких людях шла речь во второй части моей статьи.

На стр. 37, 39, 41 инициалы
И. Я. Вилибина (1905).

ЗОЛОТЫХ СЛОВ МАСТЕР

...Крепкая поморская порода —
И отец, и мать, и старый дед —
Прятали невидимые корни,
Вопреки начальству и судьбе,
В вольной,

крутойрой,
непокорной

Древней новгородской голытьбе.

О давнишней той голыанской славе
Весь наш край и сказывал и пел:
Неспроста Василий свет-Буслаев
Озорной былиной прогремел.

Коль вранье —

былина в том повинна!..

Я и сам не знаю одного:
Правда ли, что наша пуповина
Сквозь века тянулась от него?!

От того от озорного Васьки
Будто шел весь Перегудов род...
За былины, сказки и побаски
Вековой ответчик — весь народ...

..Помню я завет отца:

— Матюша!

Ты живи — не плавай в облаках,
Ты купай свою ребячью душу
В несенных народных родниках.

В нашей деревенщине живет
Крепкая старинная закваска:
Смотришь, прямо в сердце попадет
То припевка добрая, то сказка.

А в народной нашей красной речи
Колдовская сила дорога...
Дурень словом друга изувечит,
Может словом поддержать врага;

Ну, а ты владей, взамен булата,
Колдовским оружием мужика, —
Красным словом,

властным и крылатым,
Выданным народом на века!..

Наш язык — слов гора алмазная,
Наш язык — золотая жила...
Революция речью красною
Просторечие подсвежила.

А с новой основой
И слово весомей:

Слова светлые, самоцветные,
Самородные, всенародные,

Веские, советские
С русской
Нагрузкой!

Слава тем, кто берет в оборот
Силу слов на строительство
счастья,

Их опора —
наш русский народ —
Золотых слов мастер!..

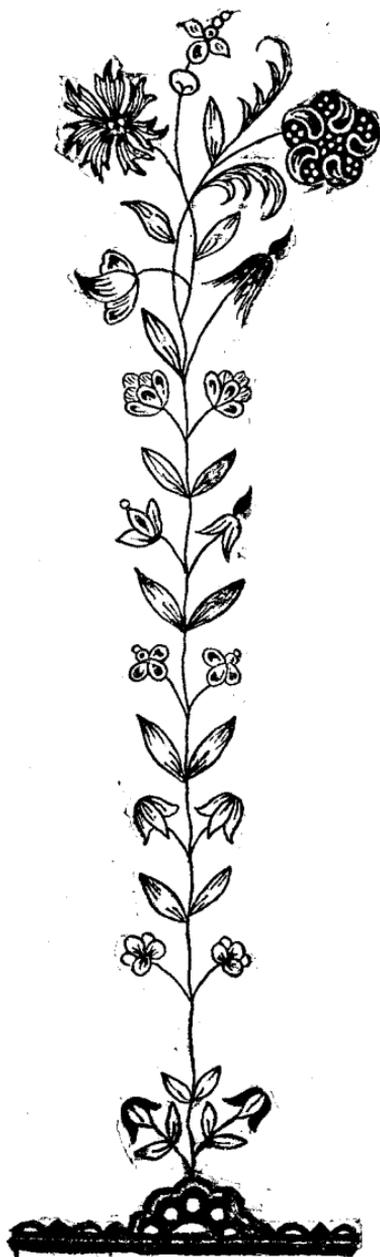
У народа речь — союзница,
Он в нее всю душу влил,
В самом сердце, словно в кузнице,
Все слова он закалил.

В речь затейную основу
Положил народ, —
И от маленького слова
Гул большой идет...

Веками речь хранёна,
Умом она гранёна,
Просторов километрами
Промыта и проветрена,
Судьей надежным — временем —
Внимательно проверена,
Раздумьями обильна
Речь наша молодильная...

Слово красное целит
В суть вещей, в смысла глубь,
Слово красное ценит
Наш народ-словолюб.

Весь мир покрыт словами,
Как мать-земля слоями,
И по словам, как по слоям,
Нас могут внуки уследить
И по науке рассудить:

Какие ветры дули,
Добро несли, беду ли,
Кто пользу нес,
а кто вредил,
Какими тропами ходил
Наш бедный ум,
что он родил,
Чем он потомство наградил.

По селам и по городу
Не переслушать говору:
Из любого города
Новостей три короба,
Да и по селам вести
Не держатся на месте.

Богат наш край побасками
Да сказками
Славянскими,
Горами и долинами,
Старинными былинами,
Невестами-гордячками
Да бабьими заплачками,
Парнями в деле хваткими,
Затейными загадками,
Ягодой-морошкой,
Шуткой скоморошьей.

Если ты с глубоким блюдом
Вдоль по Северу пройдешь,
Красных слов по добрым людям
Блюдо с верхом наберешь.

Так велик у нас запас
Краснословниок прикрас:
Даже простенькая сказка,
Не бывает без увязки,—
Правда — тоже, как и сказка,
Любит, матушка, прикраску...

Если речь кудрявится,
Завитками шуток,
Значит всем понравится,—
Всяк до шуток чуток.

Незачем нам ссориться
С шуткой да пословицей!
Конь красив волнистой гривой,
Речь — пословицей игривой.

Русская пословица
Гнется, а не ломится:
Хитро она строится,
А простушкой рóдится,—
И две строки,
Да без трухи,
И рифмы для тех строчек,
Как обручи для бочек...

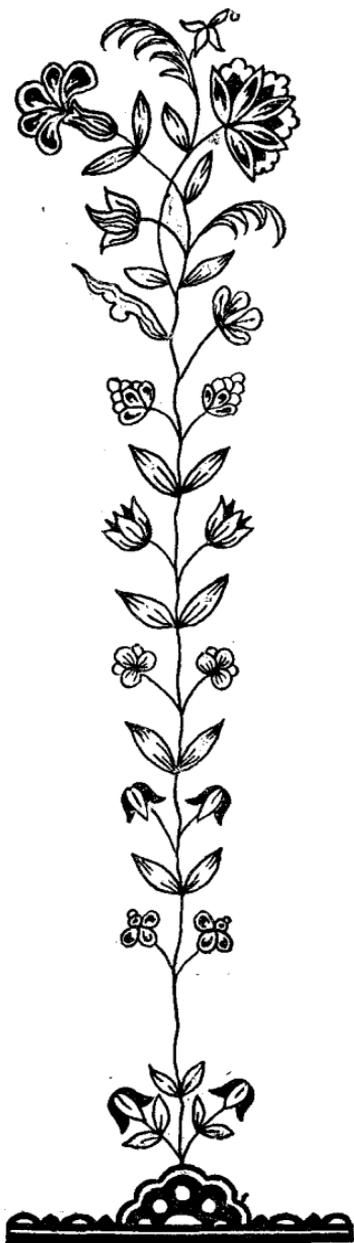
Велик у народа запас
Веселых словесных прикрас,—
В народе нашем густо
Ума и балагурства.

А, известно, умный смех
Омолаживает всех:
Если речи смешливые,
Значит, люди счастливые.

Шутка, где ни тычется,
А в народе сыщется.

Шутки не заморские,
Видно по фасону,—
Нашего, печорского,
Крепкого засола.

*
Наши, чисто областные,
Смеха отзвуки лесные,
В слове сирятанную грусть
От весны и до весны я,
Повторяю наизусть.

ТОРМОЗ

ИЛИ

СТИМУЛЯТОР?

Правила (образцы, модели и т. п.), которые формулируются лингвистами, опираются, как известно, на закономерности, объективно существующие в языке. Эти правила могут проявляться по-разному в разных областях языка и даже вступать в противоречие друг с другом. Их действие ограничивается явлениями стилистического, внутриязыкового, структурного и др. характера. Норма литературного русского языка примиряет все эти противоречия, выступая как культурно-исторический фактор, ограничивающий конкуренцию между правилами.

Таким образом, норма не является средством устранения речевых помех, препятствующих взаимопониманию, ее задача не сводится к разрешению или запрещению данного образца. В этом мы согласны со статьей В. Я. Дерягина, посвященной «светофорам» в языке («Русская речь», 1971, № 3). Норма осуществляет синтез правил, относящихся к разным пластам языка, и поэтому определение ее включает в себя указание на существенные признаки тех пластов языка, к которым относятся правила. Сам факт синтеза разнослойных правил является выражением языковой политики данного общества, а не «кодификацией» (предписанием учебников и словарей). О кодификации целесообразно говорить в том случае, когда рассматривается структура, обладающая свойствами математического объекта. Но язык не является математическим объектом, и его строго математическое описание может привести либо к недопустимому обеднению объекта описания, либо к такому усложнению, что оно потеряет всякий научный

смысл (см.: С. К. Шаумян и П. А. Соболева. Основание порождающей грамматики русского языка. М., 1968).

Конфликт между правилами возможен и в пределах одного и того же пласта языка, но обычно это отношение между устарелым образцом и новообразованием. В действии нормы русского литературного языка можно проследить по крайней мере две противоположные тенденции:

1. **О х р а н и т е л ь н а я т е н д е н ц и я.** Она проявляется в случае конфликта между правилами, относящимися к разным пластам. В этом случае норма не допускает употребления одного правила вместо другого, чтобы сохранить различия между значимостью пластов языка.

2. **Р а з р у ш и т е л ь н а я т е н д е н ц и я.** Она проявляется в случае конфликта между устарелым образцом и новообразованием и состоит в том, что отдается предпочтение новообразованию.

Рассмотрим некоторые проявления названных тенденций на материале русского ударения. (Конкурирующие образцы русского ударения обычно являются вариантами, то есть у них имеются общие признаки, а различия сводятся к некоторому правилу. Поэтому, приводя образцы, мы будем отмечать и те признаки, которые позволяют судить об их общности, и те, которые свидетельствуют о различии.)

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Ряд глаголов на *-ать* могут образовать формы настоящего времени по разным образцам. При этом обнаруживаются различия и в употреблении основообразующего элемента *-а-*, и в употреблении ударения: колебáть (колеблёт и колебáет).

Ударение в формах на *-ет* и на *-ает* одинаково, если в инфинитиве ударение падает перед *-ать*: брызгáть (брызгает, брызжет). Такие формы мы не будем рассматривать.

Если в инфинитиве ударение падает на *-ать*, конкурируют три образца ударения. Чтобы показать в образцах наличие общих признаков и различий, то есть отметить, что образцы являются вариантами, приведем в каждом из них формы настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения:

а) глаголы на *-ать* — *-ают*: метáть, метáют, метáла, метáю; колебáть, колебáют, колебáла, колебáю;

б) глаголы на *-ать* — *-ут(-ют)*: метáть, мéчут, метáла, мечú;

в) глаголы на *-ать — -ут (-ют)*: колебáть, колеблѹт, колебáла, колеблѹ.

Как видно, образцы не различаются в прошедшем времени изъявительного наклонения. В образцах б) и в) различия затрагивают лишь формы настоящего времени изъявительного наклонения; в образце а) ударение падает на *-а-*: мечѹ, но колебáю и метáю, колеблѹ.

Формы на *-ать — -ает* относятся к иному пласту, чем на *-ать — -ет*: первые употребляются преимущественно в разговорной речи и в просторечии (махáют, полоскáют), тогда как на *-ать — -ет* сохраняются обычно в книжном употреблении и обладают более отвлеченным значением: глѹжет и глѹдáет. В ряде случаев сосуществование двойных форм поддерживается различием их значений или служит для различения глаголов-омонимов, ср. такие глаголы, как *клепáть* и *метáть*.

Благодаря принадлежности к разным пластам формы на *-ать — -ет* получают защиту со стороны нормы от поглощения формами на *-ать — -ает*. Ряд глаголов на *-ать — -ет* не допускает сосуществования с формами на *-ать — -ает*: бормотáть, брехáть, вязáть, гоготáть, дремáть, искáть, квохтáть, клеветáть, лизáть, пахáть.

Существование форм на *-ать — -ают* и *-ать — -ут (-ют)* возможно лишь в следующих глаголах:

б) блистáть, глѹдáть, икáть, клепáть, лакáть, макáть, махáть, метáть, плескáть, полоскáть, роптáть, рыкáть, свистáть, стонáть, тягáться, хлестáть, щепáть, щипáть;

в) алкáть, колебáть, колыхáть, страдáть, хромáть.

Возможности сосуществования, предоставляемые нормой, далеко не обязательно используются в полной мере. Некоторые из глаголов рассматриваемой группы утратили формы настоящего времени по образцу *ать — -ут (-ют)*, ср. формы *ичут, мáчут, стрáждут, хрáмлут*, известные в употреблении еще в начале XX века.

РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

В глаголах на *-ать* с неслоговым корнем в инфинитиве находятся два образца ударения, которые обнаруживают конфликт. Конкуренция между этими образцами затрагивает глаголы: брáть, врáть, дрáть, ждáть, жрáть, звáть, лгáть, рвáть, ткáть.

(В дальнейшем описании дефис перед основой (-) означает любую приставку кроме *вы-*: брáл — собрáл, уб-

ра́л, набра́л. Знак ударения после дефиса (-') — ударение на любой приставке, кроме *вы-*: -'бран — со́бран, у́бран, на́бран. Приставка *вы-* — всегда под ударением: вы́бран, вы́брала.)

Общие признаки обнаруживаются в прошедшем времени изъявительного наклонения действительных причастий и деепричастий, различия — в страдательных причастиях прошедшего времени:

1) собра́л, собралá, собра́ло, собра́ли; со́бран, собранá, со́брано, со́браны; со́бранный; со́бравший, со́брав (этот образец отмечен в словарях как устарелый);

2) собра́л, собралá, собра́ло, собра́ли; со́бран, со́брана, со́брано, со́браны; со́бранный; со́бравший, со́брав (этот образец в словарях не получает помет и, следовательно, соответствует современной речевой практике).

Второй образец отличается от первого только ударением в кратких страдательных причастиях прошедшего времени женского рода: со́брана (2), но собранá (1).

Решая конфликт между указанными образцами, норма либо допускает применение каждого, либо отвергает один из них. Оба образца могут быть применены к следующим глаголам:

брать: -бра́л, -бралá, -бра́ло, -бра́ли; -'бран, -'бранá, -'брано, -'браны; -'бранный; -бравший, -брав;

врать: -вра́л, -вралá, -вра́ло, -вра́ли; -'вран, -'вранá, -'врано, -'враны; -'вранный; -вравший, -вра́н;

драть: -дра́л, -дралá, -дра́ло, -дра́ли; -'дран, -'дранá, -'драно, -'драны; -'дранный; -дравший, -дрáв;

ждать: -ждáл, -ждалá, -ждáло, -ждáли; -'ждан, -'жданá, -'ждано, -'жданы; -'жданный, -ждавший, -жда́в;

жрать: -жра́л, жралá, -жра́ло, -жра́ли; -'жран, -'жранá, -'жрано, -'жраны; -'жранный; -жравший, -жра́в;

звать: -зва́л, -звалá, -зва́ло, -зва́ли; -'зван, -'званá, -'звано, -'званы; -'званный; -звавший, -зва́в.

В глаголах *лгать*, *рвать*, *ткать* допускается только второй образец ударения, что свидетельствует о победе новообразования:

лгать: -лга́л, -лгалá, -лга́ло, -лга́ли; -'лган, -'лганá, -'лгано, -'лганы; -'лганный; -лгавший, -лга́в;

рвать: -рва́л, -рвалá, -рва́ло, -рва́ли; -'рван, -'рванá, -'рвано, -'рваны; -'рванный; -рвавший, -рва́в;

ткать: -тка́л, -ткалá, -тка́ло, -тка́ли; -'ткан, -'тканá, -'ткано, -'тканы; -'тканый; -ткавший, -тка́в.

В рассмотренном случае норма закрепляет разрушение старого образца и узаконивает повседневную речевую практику. Конкуренция между новообразованиями и устаревшими явлениями здесь ничем не осложнена: оба правила относятся к одному и тому же пласту, поэтому рекомендации словарей ограничиваются безучастной регистрацией факта вытеснения одного образца другим. В подобных случаях охрана устарелого образца означала бы чрезмерное стремление к чистоте речи, или пуризм. Случаи пуризма, конечно, возможны. Таков, например, запрет ударения *звѣнит* («Русская речь», 1971, № 4).

Итак, норма ударения двулика: она затрудняет проникновение новообразования при конфликте между правилами, относящимися к разным пластам языка, и может в определенной степени стимулировать новообразование при конфликте между правилами, относящимися к одному и тому же пласту языка.

В тех случаях, когда имеется возможность отнесения слова к двум или более образцам ударения, возникает конфликт, для разрешения которого норма вмешивается либо в качестве охранителя, либо в качестве разрушителя.

Доктор филологических наук
В. А. РЕДЬКИН

О НОВОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА ЭЛИТА

В последние годы слово *элита*, которое совсем недавно употреблялось в русском языке главным образом в качестве специального сельскохозяйственного термина, стало широко использоваться для обозначения избранной части общества, классов или иных социальных групп. Это слово известно довольно давно. Справочная часть к нему в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» дает указания на самые ранние или спе-

циальные употребления: *элиты* — во французских войсках 'храбрейшие солдаты' (Ф. Толль. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. СПб., 1861); *эли-та* — хлопчатобумажная ткань (Техническая энциклопедия. М., 1934). Его значение в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова (1940) таково: «*Элита* ... (франц. *élite*). 1. Избранное общество (книжное, редко), 2. Собирательное. Лучшие, отборные экземпляры каких-нибудь растений или животных, отличающиеся такими качествами, которые обеспечивают богатое воспроизводство (с.-х) ...». В «Словаре иностранных слов» (1949) оно отмечено только как сельскохозяйственный термин. Подобное же объяснение дано в 4-томном «Словаре русского языка» (1961).

Более полно по сравнению с другими словарями *элита* раскрывается в 17-томном Словаре (1965). Наряду с сельскохозяйственным значением здесь отмечается и социально-политическое: «*Элита* ... 1. Избранное общество: лучшая часть общества». Для иллюстрации приводится пример: «... Она мне кажется типичной для той элиты рабочего класса, что вынесла на своих плечах и лишения, и тяготы. Марягин. Клязьмина». Там же дается прилагательное *элитный* 'лучший, отборный' (о растениях и животных). В «Словаре иностранных слов» (1964) отмечается три значения: «1) лучшие, отборные семена, растения или животные ...; 2) в буржуазном государстве — верхушка общества, социальной группы; избранное общество; 3) в некоторых странах — отборные войска».

Широкое употребление в русском языке слова *элита* в социально-политическом значении, вероятно, связано с острой критикой в советской научной литературе и в периодической печати буржуазной теории «элиты». Современные буржуазные социологи называют элитой небольшую группу людей, которая, якобы, благодаря своей одаренности управляет обществом и является главной, решающей силой общественного развития; они говорят о политической элите, военной, элите управляющих, ученых, церковной, элите преступного мира и др. Теория «элиты» маскирует деление буржуазного общества на классы, она направлена против марксистско-ленинского учения о классах и государстве.

Как известно, в конце 60-х годов в Чехословакии правые оппортунисты пытались использовать теорию «элиты» для подрыва руководящей роли коммунистической партии.

Они утверждали, что обществом должна управлять «элита». Разоблачая эту немарксистскую теорию, Г. Гусак говорил: «С научного фронта мы слышали голоса о том, что обществом должна управлять „элита“ — не знаю уж, сколько было подобных теорий, которые преподносили нам люди, хотя и очень образованные, но не образованные в отношении марксизма» («Правда», 16 октября 1969).

На страницах газет и журналов *элита* обычно используется для обозначения правящей верхушки, монополистических кругов капиталистических стран: в состав сионистского капитала «входят прежде всего „денежные мешки“, „финансовые тузы“ и „экономическая элита“ еврейского происхождения в развитых капиталистических государствах» («Комсомольская правда», 17 октября 1969); «Перед элитой финансовых и промышленных воротил, субсидирующих израильский военно-промышленный комплекс, выступили премьер-министр Израиля Г. Менр и министр финансов Зив Шареф» («Правда», 2 июля 1969).

В научных и публицистических статьях иногда встречается сочетание *элита из элит*, а также производные *элитизм*, *элитисты*, *элитарный*: «Оно [модернистское искусство] воспитывает аполитичность в восприятии действительности, прививает элитарные взгляды и представления» («Коммунист», 1970, № 1).

Иногда в печати термин *элита* используется как собирательное название мастеров спорта, искусства и т. п. — спортивная элита, теннисная элита, музыкальная элита: открытый чемпионат столицы Англии «привлек большую часть теннисной элиты мира» («Вечерняя Москва», 18 июня 1969); каждый из участников 38-го чемпионата страны по шахматам «мечтает о месте в первой четверке, что даст ему право играть в межзональном турнире, а следовательно, на три года быть причисленным к мировой шахматной элите» («Правда», 19 сентября 1969); «юная элита легкоатлетического спорта Украины» («Советский спорт», 26 июня 1970).

Во всех этих примерах термин *элита* несет положительную оценку, ему приписывается значение «лучший из лучших, самого высокого класса», в то время как применительно к людям, *элита* — это всегда нечто искусственно подобранное, противостоящее обществу, это замкнутая группа людей. В языке спортивной прессы это выражение стало

привычной метафорой, которая при навязчивом употреблении грозит превратиться в штамп.

Требует некоторого уточнения толкование слова *элита*, данное в 17-томном Словаре. Следовало бы более четко разграничить терминологические значения слова, противопоставив сельскохозяйственному термину социально-политический. Во втором издании БСЭ *элита* — «избранный круг людей» и *элита* — сельскохозяйственный термин — даются в двух самостоятельных статьях.

М. С. ГУРЬЕВА

КИНЕМАТОГРАФ — КИНО — ФИЛЬМ

Более 130 лет назад (1837—1839) наш русский писатель и ученый Владимир Федорович Одоевский предсказывал просветительно-познавательную роль чудесному аппарату — камеробскуре, с помощью которой можно снять все «как есть, с абрисом и красками». Роман назывался «4338 год». Но уже в 1894 году был изобретен кинетограф и кинетоскоп Эдиссона, а наш русский изобретатель И. Тимченко еще в 1893 году демонстрировал съемочный и проекционный аппараты. И наконец, в 1895 году был выпущен аппарат братьев Люмьер — кинематограф. В мае 1896 года в летних садах Москвы и Петербурга состоялись первые киносеансы, а официальным днем рождения кино считается 28 декабря 1895 года. В этот день в Париже, в кафе на бульваре Капуцинок, произошла первая платная демонстрация для широкой публики.

Термин *кинематограф* означал аппарат; «пишу движение» — так можно было бы перевести это сложное слово, составленное из двух греческих. Но так стали называть и театр, где демонстрировались «живые, движущиеся фотографии», и сами «живые фотографии» (кинофильмы) и все явление в целом.

Впервые термин *кинематограф* отмечен в патенте Леона Були, выданном 12 февраля 1892 года. Когда братья Люмьер

ер выпускают на рынок свой кинематограф, он расходуется в громадном количестве экземпляров по всему миру. Вместе с вещью распространяется и слово *кинематограф*.

Зимой 1896—1897 годов в Петербурге возникает «разумный» или просветительный кинематограф, целью которого было «не увеселять, а просвещать зрителей». Идею «разумного» кинематографа подхватили многие города: Москва, Нижний Новгород, Рязань, Витебск, Ташкент, Ростов-на-Дону, Таганрог, Одесса...

Слово *кинематограф* в русском языке первое время было более распространено во французской огласовке — *синематограф*. Вот как объяснял новое слово журнал «Синофоно»: «Это французское произношение настоящего названия аппарата: кинематограф. Мы придерживаемся его потому, что, занесенное впервые на русскую почву из Франции, оно получило у нас права гражданства» (1907, № 1).

В жизни слова *кинематограф* происходит интересное явление: значение целого как бы скапливается в части — *кинематограф* → *кинемо* → *кино*. Как протекал этот процесс? Характерен ли он только для русского языка или «усеченные» слова *кинемо*, *кино* были также заимствованными (интернациональными), как и *синематограф*, *кинематограф*?

Во французском языке возникают «усеченные» элементы-слова: сначала *cinéma* от *cinématographe* (1900) и затем — *ciné* от *cinéma* (1910); (см. об этом: P. Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1967). А в 1905—1906 годах в немецком языке, вернее в разговорно-обиходной речи берлинцев, появляется интересное усечение и переосмысление сочетания слова *кинематограф* и собственного имени Топп (фамилия владельца одного из первых кинотеатров в Берлине): *Kinematographentheater* + Топп = *Kintopp*. Но возникшее *Kintopp* «столкнулось» с созвучным ему словом *Kientopp* „лучина — светильник“ и получило образное осмысление. Впоследствии по аналогии с распространившимися *авто* (из *автомобиль*), *кило* (из *килограмм*) слово это вновь «усекается»: *Kintopp* — *Kientopp* — *Kino* (см. об этом: F. Kluge, W. Mitzka. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1967).

Сокращение *кино* с начала XX века распространяется во многих языках и как самостоятельное слово, и как элемент многих сложных «кинослов». В русском языке

сначала распространяется сокращение *кинемо*: кинемопианисты, кинемозрители, кинемооркестры, волшебный Кинемо (см., в частности: «Сине-Фоно», 1913, № 12; «Вестник кинематографии», 1911, № 1; 1914, № 86/6). Но параллельно употреблялось и сокращение *кино*: кинодекламация, кинодекламаторы («Вестник кинематографии», 1911, № 1).

В современном языке *кинемо* — историзм, связанный с эпохой немого кино. Зато второе сокращение — *кино* действительно получило в русском языке права гражданства и давно из чужого стало своим словом. 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» регистрирует более сорока «кинослов» киноактер, киноаппарат... А «Орфографический словарь русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (1956) отмечает более ста. Закрепленность значения *кино* обусловлена растущей семьей «кинематографических» слов и в свою очередь способствует возникновению новых «кинообразований», не фиксируемых словарями: кинопреьера, кинорынок, кино- правда, кинообраз.

Кино сохраняет многозначность и синонимические связи, наметившиеся в первые десятилетия жизни слова *кинематограф* — ‘киноискусство’, ‘кинотеатр’, ‘кинофильм — кинокартина и кинолента’: «Африке — африканское кино» ‘киноискусство и кинопромышленность’. («Советская культура», 13 августа 1966); «Театр и кинематограф — близкие и родственные друг другу искусства... театр способствовал рождению кинематографии и в то же время сам кое-что перенял у кино» («Советская культура», 14 мая 1971).

Кино в значении ‘кинотеатр’ типично для разговорной речи. Не менее широко распространено в разговорной бытовой речи в значении ‘кинофильм — кинокартина — кинолента’. «Снимается кино...» — так назвал драматург Э. Радзинский свою пьесу. Замена обычного профессионального выражения *снимается фильм* сочетанием *снимается кино* как раз и говорит о распространенности слова *кино*, обусловившей его выбор для названия пьесы, для афиши. Ср. также разговорное: «Вчера видела такое интересное кино...».

Существительное *фильм* хранит профессионально-специальный оттенок, который поддерживается значениями ‘пленка для фотографических и кинематографических съемок’ и ‘фильмокопия’. Первоначально существитель-

ное *фильм*, заимствованное из английского языка, получило окончание *-а* по аналогии с существительными *картина*, *лента*. Эта форма просуществовала довольно долго. В 30-е годы еще наблюдалось колебание в категории рода. «Начиная работу над фильмом „Путевка в жизнь“, я совместно с моими ближайшими товарищами по работе поставил себе задачей создать *первую звуковую художественную фильму*» — так писал Н. Экк в «Советском искусстве» (28 мая 1931). Русифицированная форма *фильма* сменялась интернациональной *фильм*. Сказывалась тенденция к интернационализации в профессионально-специальной речи.

Существительное *картина* в значении «кинокартина» возникает как калька с немецкого *Lichtbild* — *Bild* и употребляется некоторое время с определением — *световые картины*: «Демонстрирование световых картин за последние десять лет приняло огромные размеры» («Сине-Фоно», 1907, № 1).

Новое значение *картина* закрепляется в сочетаниях *кинематографическая картина*, *кинокартина*. *Кинокартина* считается нормой современного литературного языка, в то время как *картина* без определяющего элемента *кино-* в 17-томном Словаре сопровождается пометой «разговорное». Но представляется, что оттенок разговорности уже стирается и *картина* в значении «кинокартина» входит в литературную норму: «На конкурсный просмотр выдвигаются фильм „Война и мир“ ... и картина „Отец солдата“» («Известия», 26 июня 1965).

Широко распространенное в кинематографическом обиходе существительное *лента* в значении «кинолента — кинофильм — кинокартина» не отмечается в этом значении нашими словарями. Вероятно, этому мешает прозрачная образность, экспрессивность слова. Ср. строки из «Западных кинопечатлений» Евгения Евтушенко:

Я скручен лентами шпионскими
как змеями —
Лаокоон.

Языковая практика говорит о том, что *лента* в значении «кинолента» нельзя отнести к разряду контекстных употреблений. Это уже давно сформировавшееся значение: «„Сине-Фоно“ открыл новую рубрику „Новые ленты“» («Сине-Фоно», 1907, № 1). А вот несколько заголовков из современных газет: «Советские ленты в Сан-Франциско»

(«Вечерняя Москва», 21 октября 1965); «Турнир спортивных лент» («Известия», 21 декабря 1966); «Ленты мастера смеха» («Советская культура», 3 сентября 1966); «Нам хотелось бы..., чтобы создавались ленты различных жанров» («Советская культура», 14 мая 1971).

Вопреки живому употреблению *кинолента* впервые была отмечена в 1952 году С. И. Ожеговым в «Словаре русского языка». Термин *лента*, если верить словарям, означает только 'киноплёнка'.

Кино — фильм — картина — лента группируются вокруг одного понятия. Дифференцирующие признаки в пределах книжного стиля не всегда ощутимы. Разговорная, бытовая речь исключает только синоним *лента* и почти в равной степени употребляет *кино — фильм — картина*: «На Центральной студии документальных фильмов создана картина о деятельности Международной демократической федерации женщин. Лента рассказывает... В работе над фильмом приняли участие только женщины» («Вечерняя Москва», 28 июля 1966); «Особую признательность и внимание зрителей завоевали художественные и документальные ленты, посвященные Владимиру Ильичу Ленину... Наши фильмы призваны формировать у советских людей высокие патриотические чувства» («Правда» 17 мая 1971).

Кино получило широкое распространение как самостоятельное многозначное слово. Стилистически неограниченное *кино* в просторечье стремится войти в систему существительных типа *окно*.

В литературной норме склоняемые формы *кино* приобретают остро сатирический характер, можно даже говорить о формировании шуточного фразеологизма *кина не будет* со значением 'не будет сенсационного или скандального зрелища, представления'. Вот, например, сцена укрощения разбушевавшегося Петьки Спирина из повести Владимира Чивилихина «Про Клаву Иванову». Петька сидит на паровозе и требует: «Ты погляди на меня и попроси: „Милый Петя, слезы!“... Клава с презрением громко сказала: „—Слезь, милый Петя“... Спирин загремел дверцей будки, дурашливо крикнул:— Граждане, кина не будет, освободите места!».

Кино (первоначально *кинемо*) на протяжении всей жизни в разговорном языке легко получает уменьшительно-ласкательные формы: «Раз два друга в кинешошку завернули на Сенной...» («Вестник кинематографии», 1913,

№ 4); «Шмаков зевнул.— Надо сегодня зайти к Зойке, пригласить ее в киношку. У меня сердце оборвалось. Я сам собирался пригласить сегодня Зою в кино» (Рыбаков. Каникулы Кроша).

Термин *кино* имеет все значения, намечавшиеся в *кинематограф*: 'киноискусство', 'кинотеатр', 'кинофильм — кинокартина — кинолента'. Но в современном языке *кино* более многозначно, чем само слово *кинематограф*. Последнее означает 'киноискусство', два других значения, отмеченных 17-томным Словарем — 'киноаппарат' и 'кинотеатр', все же надо отнести к устарелым, так как в практике живой речи они малоупотребительны, подобно не фиксируемому словарями значению 'кинокартина'.

Анализ только одного ряда «кинослов» — *кинематограф* — *кинемо* — *кино* — позволяет проследить, как входили в русский язык новые чужие слова и как они становились своими, как складывались между ними синонимические отношения, как развивалась многозначность. Одни, казалось бы, основные — *кинематограф* — отодвигались на задний план, а новые модификации, как бы символизируя новый этап развития кино, избираются языком — *кино*. Ненормативные отступления — «кина не будет» — в литературном языке несут особую функцию сатирической выразительности и получают переносное значение, переосмысляются.

История нескольких «кинослов» — это эпизоды из истории самого кинематографа, одного из явлений русской и мировой культуры, возникшего на рубеже XIX—XX веков, важнейшего из искусств, как назвал кино В. И. Ленин.

А. А. БРАГИНА

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Изготавливаться — изготавливаться

П. А. Петрова из Костромской области интересуется, можно ли употребить глагол с суффиксом *-ива-* во фразе «Сейчас для него изготавливается и испытывается технологическая оснастка», как это сделал корреспондент одной из газет. Автор письма полагает, что здесь следовало бы употребить глагол *изготавливаться*.

В данном случае может быть употреблен как глагол *изготавливаться*, так и *изготавливаться*. Оба они есть в современном русском

литературном языке. Суффиксы *-а(-я-)* и *-ыва(-ива-)* служат для образования глаголов несовершенного вида: *накапливать* — *накоплять*; *затапливать* — *затоплять*. Примеры: «Ночью два раза я затапливаю печь» (Арсеньев. Искатели женьшеня в Уссурийском крае); «Наше дело — учиться и учиться, стараться накапливать возможно больше знаний» (Чехов. Моя жизнь); «Каждый вечер немцы накапливались на берегу реки» (Саянов. В боях за Ленинград). Равнозначность глаголов с суффиксами *-ыва(-ива-)* и *-а(-я-)* подтверждается толковыми словарями современного русского литературного языка. Так, в 17-томном Словаре при глаголе *затапливать* дано толкование: «то же, что затоплять», а глагол *накапливать* определен: «то же, что накапливать».

На существование глаголов с суффиксами *-ыва(-ива-)* и *-а(-я-)* указывает академическая «Грамматика русского языка»; «Для некоторых глаголов формы несовершенного вида с суффиксами *-ыва(-ива-)* и *-а(-я-)* являются одинаково употребительными»; в качестве примеров даны глаголы *затапливать* — *затоплять*, *накапливать* — *накоплять*. «Следует отметить, что формы на *-ывать(-ивать)*, за единичными исключениями, являются более новыми и более распространенными в современном литературном языке» (т. I. М., 1960, стр. 448).

Все сказанное имеет непосредственное отношение и к паре глаголов *изготавливаться* — *изготовляться*. *Изготавливаться* в 17-томном Словаре истолковано так: «то же, что изготовляться». Оба глагола подтверждены примерами из современных авторов: «Пока артиллеристы изготавливались к бою, бронбойщики удачным попаданием в амбразуру разбили пулемет» (Овечкин. С фронтовым приветом); «Все важнейшие детали станков изготавливались главным образом этими тремя токарями» (Быков. Путь к счастью); «Сосуды эти изготовлялись без гончарного круга» (Арсеньев. Памятники старины).

Таким образом, употребление глагола *изготавливаться* в примере, приведенном автором письма, соответствует норме современного русского литературного языка.

Г. А. Качевская

Отдел писем журнала «Русская речь» рассылает 80—100 писем в месяц организациям и частным лицам, обратившимся в редакцию за консультацией. На разнообразные вопросы о русском языке отвечают работники редакции и научные сотрудники Института русского языка АН СССР,

Усилиями ученых и селекционеров-любителей в разных странах за многовековую историю возделывания виноградной лозы выведено свыше пяти тысяч сортов винограда. В Советском Союзе (по площади виноградников СССР занимает одно из первых мест в мире наряду с Францией, Италией и Испанией) в настоящее время выращивается свыше двух тысяч сортов винограда, из них более тысячи отечественных. Если учесть, что каждый сорт имеет свое название, а иногда два, три и более, то можно представить себе, сколь многочисленна «армия» наименований сортов

Терминология

КАК НАЗЫВАЮТСЯ СОРТА ВИНОГРАДА

винограда — ампелографическая номенклатура (*ампелография* — от греческих слов *ampelos* ‘виноград’, *graphō* ‘пишу’).

Известно, что в основе значительной части терминов-названий лежат главные или второстепенные признаки соответствующих предметов. Не составляют исключения и названия сортов винограда. Каждому сорту свойственна совокупность определенных признаков, складывающаяся из свойств-признаков ягоды (ее цвета, формы, размера, вкусовых и ароматических свойств и т. д.), грозди (ее формы, размера, плотности), листьев (их цвета, формы и т. д.), лозы (ее расположения, роста, окраски и других свойств) и т. д.

Приведем некоторые наименования сортов винограда, в основе которых лежат обозначения его свойств: цвет ягод — Алмазный, Вишневый; форма ягод — Долгий, Кругленький; сходство ягоды с другими реалиями — Волосье око, болгарское Рибя мехур ‘рыбий пузырь’; ароматические свойства ягод — Ладанный, Ароматный;

качество кожицы — Толстокорый, Тонкокорый; форма грозди — Плечистик; сходство грозди с предметами действительности — Черная грива (длинные грозди с очень крупными, торчащими в разные стороны черными ягодами напоминают взъерошенную гриву), болгарское Лисича опашка 'лисий хвост'; плотность грозди — Плотный, Комковой; оценочная характеристика винограда — Благородный, Красавец; цвет листьев — Светлолистный; форма листьев — Круглолистный; рост и расположение лозы — болгарское Крива лоза; время созревания виногра-

да — Июльский; урожайность сорта — Кормилец (сорт даже при неблагоприятных условиях приносит хороший урожай), и другие признаки.

Широко распространены и наименования по названию родины сорта или мест его преимущественного распространения — Новочеркасский, Таджикистан; фамилии или имени селекционера, виноградаря-любителя — Мичуринский, Пухляковский; по названию учреждения, где выведен сорт винограда, — ВИР (Всесоюзный институт растениеводства), Магарач (Всесоюзный научно-исследовательский институт виноделия и виноградарства «Магарач»).

Наличие у некоторых сортов винограда не одного, а двух, трех и более наименований объясняется именно тем, что любой из перечисленных признаков и ягоды, и грозди, и какого-то другого органа винограда может оказаться исходным для наименования. Все зависит от того, на что именующие обратят внимание. Заметят ли все они необычную форму ягоды или одним бросится в глаза форма

ягоды, а другим — какой-то другой признак, например форма грозди или цвет листьев. Допустим, все замечают как характерный признак сорта винограда удлиненную форму ягоды. А как этот признак выразится в конкретном наименовании? Оказывается, здесь возможны варианты: одним удлиненная форма ягоды напоминает красивый женский пальчик (и сорт называют Дамские пальчики), другим — сосок (русское — Козьи соски, болгарское — Крави цици).

Действие принципа избирательности при назывании сортов винограда удобнее проследить, сравнивая различные наименования одного и того же сорта.

Пухляковский. Грозди сорта средние и крупные. У крупных гроздей развивается крыло, которое очень близко к основанию ножки грозди, образуя как бы «двойную» гроздь. Ягоды крупные, овально-яйцевидные, зеленовато-белого цвета, на конце заостренные. Мякоть сочная, тающая. В русской терминологии сорт Пухляковский назван по фамилии казака, который завез сорт на Дон. В других странах в основу наименований этого же сорта положены признаки ягод, в частности их овальная форма и цвет. Так, у болгарских виноградарей сорт имеет два наименования: Кози цици — ‘козий сосок’ и Бодлив пръст (обращено внимание не только на форму, но и на заостренный конец ягод).

Ркацители. Специфические признаки сорта — прямостоячие вино-красные (молодые) и красновато-желтоватые (вызревшие) побеги; овальные, золотисто-желтые или красновато-розовые ягоды. В основе грузинского названия Ркацители ‘красный побег’ лежит цвет побегов. Виноградари Ставрополя, назвав сорт Тополек и Королек, обратили внимание, во-первых, на рост побегов (они тянутся вверх, что является необычным для лозы винограда), и, во-вторых, на форму и окраску ягод (по этим признакам ягоды напоминают плоды королька).

Плечистик. Грозди сорта средние, цилиндро-конические, лопастные. Гребень в верхней части сильно разветвлен, что придает грозди, в особенности при наличии хорошо развитых лопастей, «плечистый» вид. Ягоды средние и мелкие, темно-синие. Наблюдается сильное осыпание цветков и значительная поражаемость болезнью под названием мильдю (от английского mildew). Какие из перечисленных признаков оказываются для сорта характерными, отличающими его от других сортов винограда?

Это необычная форма грозди, сильное осыпание цветков и поражаемость болезнью, использование сорта, цвет ягод. Каждый из этих признаков нашел свое отражение в названиях: Плечистик, Рогатая кисть; Летун, Осыпняк, Горюн (урожай «горит», если сорт заболевает мильдью); Винный и Черный винный.

Плавай. Названия этого сорта (их отмечено более 30) даны с учетом восьми признаков: цвета ягод — Белый виноград; формы ягоды — Кругленький; ароматических свойств — Простой (ягоды винограда никакими ароматическими свойствами не обладают); качества мякоти — Брызгун (ягоды сочные и при малейшем надавливании брызжет сок); непрочности кожицы — Плакун; плотности грозди — Битый простой; цвета листьев — Белолистка, Серебристый, Тополевый; места преимущественного распространения сорта — Мелиховский. Объединяясь друг с другом, перечисленные признаки создают составные наименования: Бердянский простой белый, Простой белый, Белый круглый, Белый мелиховский и др.

Итак, в названии одного и того же сорта винограда может учитываться в языке разное количество свойств — признаков самого винограда. Почти все наименования сорта Пухляковский даны по двум признакам номинации, названия сорта Плечистик — по четырем, а обозначения сорта Плавай — с учетом восьми признаков. Количество наименований не всегда зависит от числа использованных признаков, поскольку нередко один и тот же признак способствует появлению разных наименований. Так, сорт Плавай имеет три наименования только по цвету листьев: Белолистка, Серебристый, Тополевый (лист винограда по цвету напоминает лист тополя), два по качеству мякоти: Брызгун, Мягкозан.

В основу наименований одного и того же сорта винограда могут быть положены как одинаковые, так и разные признаки: Кормилец и Буланный. В первом названии учитывается постоянная высокая урожайность сорта, во втором — цвет ягод.

Интересно отметить, что паличие у некоторых сортов одинаковых признаков (многие сорта имеют удлинено-овальную форму ягод) приводит к тому, что эти сорта получают одно и то же название в речи виноградарей. Примечательно в этом отношении широко распространенное наименование Дамские пальчики. К какому сорту оно относится? Настоящий сорт Дамские пальчики — его на-

учное название Хусайне белый (арабское *hūsn* 'красота') — один из лучших, красивых и вкусных, столовых сортов винограда. Этот сорт пользуется большим спросом у населения. Торгующие виноградом на рынках, чтобы быстрее и выгоднее сбыть товар, так именуют почти все сорта винограда с удлиненной ягодой, в том числе кислые. Не случайно амнелографы это название считают рыночным.

В профессиональной речи виноградарей к настоящему времени вполне установился круг признаков, употребляемых для называния сортов винограда. Причем набор этих признаков в наименовании определяется главным образом свойствами винограда.

Р. Я. ИВАНОВА
Армавир

Реплика

МИНИ- КУРЫ

Люди, чуткие к родному слову, обратили внимание на то, что в последние годы русская речь пополнилась большим количеством слов с элементом *мини-* (см.: «Русский язык в школе», 1970, № 3, «Русская речь», 1970, № 6), хотя и ранее были известны отдельные слова специальных сфер употребления типа *миниметр* 'чувствительный измерительный прибор для установления минимальных отклонений измеряемого размера от заданного' (Словарь иностранных слов. Под редакцией И. В. Лехина и проф.

Ф. Н. Петрова. М., 1949). Но этих слов было мало и по их образцу новые и широко известные не создавались.

С появлением *мини-юбок*, *мини-шубок* закон моды захватил не только наши гардеробы, но и нашу речь. Почти ежедневно стали мелькать на страницах газет и журналов *мини-фелъетоны* (ранее их называли скромнее — «маленькие фелъетоны!»), *мини-фунты*, *мини-касеты*, прежние микроавтобусы стали именовать *миниавтобусами* и т. п.

Многие из этих слов в языке, как правило, не задерживались. Они чаще всего оставались собственностью авторов, создавших эти слова. Не произошло с появлением их никаких заметных изменений в системе русского словообразования. Просто появилась и сразу же активизировалась еще одна словообразующая морфема, к чему были известные предпосылки в самом языке. Чаще других ею пользовались журналисты, репортеры, нередко слова с *мини-* появлялись и в разговорно-обиходной речи. Этому можно было бы и не придавать большого значения, достаточно отметить сам факт и явление моды в языке. Ср. участвовавшие в последнее время слова с *блиц-* (*блицвизит*) или *сверх-* (*сверхновый*), в появлении которых также чувствуется некоторая дань моде.

Но... Далее начинается настаораживающее лингвиста «но». *Мини-* проникло в терминологию, да еще в такую, которая после утверждения ее в качестве государственного стандарта (ГОСТА) станет обязательной для применения в документации всех видов, учебниках, учебных пособиях, технической и справочной литературе.

В проекте стандарта ПГ 3—108—71 «Птицеводство. Термины и определения» зафиксировано два термина с *мини-*: *мини-куры* и *мини-фактор кур*. Наряду со старыми, идущими, видимо, из диалектной лексики, терминами-словами *молодка*, *переларка*, *старка* и т. п. вводятся в проект стандарта современные *мини-куры*. Согласно данному им определению *мини-куры* — это «куры, характеризующиеся уменьшением размеров и веса тела, обусловленным наличием сцепленного с полом рецессивного гена *dw*, или выведенные путем селекции на низкий живой вес» (указанный проект ГОСТа, стр. 10). Если ненаучно сказать, то это, вероятно, «маленькие куры».

Второй термин этого же типа *мини-фактор кур* определен как «сцепленный с полом рецессивный ген *dw*,

обуславливающий уменьшение размеров и веса тела кур» (стр. 15).

Что это за термины? Соответствуют ли они словообразовательным моделям, по которым создаются слова с *мини-*?

Известно, что слова с *мини-* в русском языке имеют в основном, как правило, значения или 'маленький, миниатюрный' (мини-мстотцикл), или 'устанавливающий минимальные показатели' (миниметр).

Оба термина и *мини-куры*, и *мини-фактор кур* не были образованы нашими специалистами по птицеводству. Они заимствованы как готовые слова-термины из зарубежной специальной литературы. В этом нет ничего необычного. Термины очень часто переходят из языка в язык в той форме, в какой они были созданы в языке, породившем их. Но при этом предполагается обязательным условие их естественного вхождения в язык заимствующий. С этой точки зрения отношение к терминам *мини-куры* и *мини-фактор кур*, видимо, должно быть разным. Первый из них не вызывает протеста, поскольку он соответствует модели и значению слов с *мини-* (*мини-куры* — это 'маленькие куры'). Можно лишь посоветовать на авторов и составителей проекта ГОСТа, что они не устояли против моды и ввели в более чем 4-тысячелетнюю историю одомашненных птиц *мини-кур*.

Что касается второго термина *мини-фактор кур*, то безупречность его вызывает сомнения. Судя по приведенному определению этого термина, *мини-фактор кур* — это такой фактор, посредством действия которого получаются *мини-куры*. Сам же фактор не мини, не маленький и не вызывающий минимальные изменения. Напротив, он, возможно, сильный, большой (макси-) фактор. Интересно сравнить другие термины с компонентом *фактор*. Они имеют устойчивую грамматическую конструкцию: *фактор* (чего), то есть *фактор*+словосочетание в родительном падеже (*фактор* белого рецессивного оперения кур, *фактор* орехового гребня кур).

Думается, что второй термин «не вписался» в словообразовательную модель. Все это лишний раз свидетельствует о том, что введение новых терминов в русскую терминологию требует большей осторожности и, главное, соответствия его нормам и языковым традициям русского языка.

Кандидат филологических наук
В. П. ДАНИЛЕНКО

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

В апреле 1969 года редакция журнала «Русская речь» обратилась к авторам трех проектов учебника русского языка для IV класса средней школы, составленных по новой программе. На страницах журнала (1969, № 2) выступили Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, И. И. Кулибаба, Л. Т. Григорян, Л. А. Тростенцова, С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков, Л. П. Федоренко. Авторы экспериментальных учебников поделились мнениями о том, каким должен быть учебник, как проверяется он в школе, какое участие в его создании могут принять ученые-языковеды. Это было начало дискуссии, которую продолжили учителя, методисты, читатели.

Прошло два года. Из трех учебников школой одобрен один, авторы которого — научные сотрудники Института содержания и методов обучения Академии педагогических наук СССР Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, И. И. Кулибаба, Л. А. Тростенцова. Этот авторский коллектив подготовил теперь учебник для V класса. Его проверяли в школах трех районов Российской Федерации (Белоярского района Свердловской области, Тосненского района Ленинградской области и Суздальского района Владимирской области), в городе Севастополе и ряде других мест: Москве, Ленинграде, Риге, Куйбышеве, Курске, Ростове-на-Дону, Челябинске, Минске, Ташкенте, Фрунзе.

Мы публикуем статью одного из авторов учебника М. Т. Баранова, обращенную к учителям и родителям пятиклассников.

Редакция приглашает читателей принять участие в обсуждении нового учебника русского языка для V класса, ответить на следующие вопросы:

1. Каково Ваше мнение об учебнике в целом?
2. Каков научный уровень учебника?
3. Что Вы можете сказать о практических заданиях?
4. Насколько доступны и занимательными материалы учебника?

ОБУЧАТЬ И ВОСПИТЫВАТЬ

Перед нашим учебным предметом стоят разнообразные задачи: ознакомить учащихся с основами науки о русском языке и с особенностями употребления языковых явлений во всех областях применения языка; формировать речевые, орфографические и пунктуационные навыки, языковое чутье и простейшие навыки лингвистического анализа; развивать мышление школьников.

Авторы учебника «Русский язык» для V класса (М., «Просвещение», 1970) стремились сохранить преемственность научно-методических принципов, на которых строилось учебное пособие для IV класса, усложнив их в соответствии с возрастом учащихся.

Все задачи, стоящие перед нашим предметом, важны, однако изучение языка во всей совокупности его проявлений, наиболее актуально. Как и в IV классе, немаловажное значение мы придаем общим сведениям о русском языке (о качествах, выразительных средствах русского языка). Беседе об этом в V классе посвящается первый урок в начале учебного года. Продолжается эта работа и при выполнении упражнений, знакомящих с богатством русского языка (здесь используются высказывания русских писателей, общественных деятелей о языке).

Школьники должны знать выдающихся ученых, создателей науки о русском языке. Из учебного пособия дети узнают, например, о М. В. Ломоносове — авторе первой русской грамматики, о В. И. Дале — составителе четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка», Д. Н. Ушакове — одном из основных создателей первого советского словаря русского языка, А. Х. Востокове, Ф. И. Буслаеве. Общие сведения о русском языке, об ученых, расширяя круг знаний пятиклассников, способствуют развитию их интереса к нашему предмету.

В учебнике для V класса представлены все разделы науки о языке: повторяются сведения о звуковом составе слова и его синтаксической роли, специально изучается лексико-семантическая сторона, словообразовательная и морфологическая, попутно с работой по лексике и морфологии обобщаются некоторые сведения по стилистике. Авторы в доступной форме стремились показать связь морфологии и лексики (даны упражнения), лексики

и стилистики (специальные параграфы), словообразования и морфологии (и упражнения, и наблюдения над языковыми явлениями), словообразования, морфологии и орфографии (формулировки орфографических правил). В процессе изучения языковых явлений и их взаимосвязей у школьников накапливается материал для обобщений о системном характере языка. Особенности двух форм языка — устной и письменной — сообщаются при анализе текстов для наблюдений, при выполнении упражнений и главным образом на уроках развития монологической устной и письменной речи школьников.

Хотя стилистика в V классе не изучается, однако без предварительных сведений о ней невозможно обойтись. В учебное пособие включены для анализа тексты художественные, деловые, научные, публицистические. Учащиеся обучаются деловому и художественному описанию, рассуждению, рассказу. Естественны и в том и в другом случае попутные стилистические комментарии, которые даны в виде специальных заданий к упражнениям или справок о целевом использовании языковых явлений, например о неоправданном употреблении одних и тех же слов в находящихся рядом предложениях и о способах устранения лексического однообразия.

Учебник должен помочь детям научиться понимать и чувствовать красоту языка, знать его художественно-изобразительные средства. Воспитывается внимание к значению и употреблению слова в разных стилях речи (специально в разделе «Лексика», попутно в заданиях к упражнениям, представляющим собою связные тексты, при написании изложений и сочинений разных жанров), к значениям морфем, грамматических категорий и их использованию в речи и т. д. У школьников накапливаются сведения о том, что языковые явления (в первую очередь лексические) неодинаково используются в различных стилях речи. Так, при изучении лексики подчеркивается, что узкопрофессиональные слова чаще встречаются в научных произведениях, а диалектизмы — в художественных.

Развитие языкового чутья формируется при ознакомлении с нормами (произносительными, лексическими, грамматическими — словообразовательными, морфологическими, синтаксическими и стилистическими) и при анализе текстов с речевыми и стилистическими недочетами. Даны специальные сведения о языковых нормах, напри-

мер об употреблении предлогов с местоимениями, справки об ударении и произношении (слова помещены в рамках и расположены в определенной последовательности).

Одновременно с изучением лексики, словообразования и морфологии авторы предлагают учить школьников умению собирать и систематизировать материал для сочинений (в соответствии с темой и главной мыслью высказывания), писать сочинения разных жанров и редактировать написанное. Специальные упражнения служат закреплению изучаемой темы, например предлагается систематизировать по данному плану материал к сочинению по картине, а затем подчеркнуть качественные прилагательные (при изучении темы «Имя прилагательное»).

Авторы приблизили толкование ряда тем к научному, опираясь на фундаментальные исследования в области современного русского языка. Так, по-новому освещаются сведения о роде несклоняемых существительных, о качественных прилагательных. В соответствии с современными представлениями *-ся* (*-сь*) в возвратных глаголах и отглагольных образованиях, *-то*, *-таки*, *-либо*, *-нибудь* в неопределенных местоимениях характеризуются как суффиксы, а *кое-* — как приставка. Уточнена классификация числительных: простые и составные числительные рассматриваются отдельно от сложных.

Некоторые орфографические правила сформулированы по-новому. В них последовательно отражаются фонетические, морфологические и словообразовательные условия. В результате словообразовательного анализа существительных с суффиксами *-онк-*, *-онк(а)* после шипящих выявлено, что слов с суффиксами *-енк-*, *-енк(а)* в этой позиции в русском языке нет (в ныне действующем учебнике приводятся слова с *-еньк-*). Поэтому из традиционной формулировки правила изъято упоминание о безударном положении данного суффикса. Иначе даются формулировки правил о правописании *не* с существительными, прилагательными и наречиями на *-о* (*-е*). Новое толкование ряда явлений привело к необходимости изменить последовательность подачи материала в сравнении с программой.

Для раскрытия сущности языковых явлений, формирования языкового чутья, навыков лингвистического анализа и логического мышления небезразлично, каким способом излагаются новые знания. Как известно, их можно сообщить индуктивно или дедуктивно. Оба эти способа

использованы в двух разновидностях каждый: индуктивный (самостоятельный анализ языкового материала для наблюдений по определенным вопросам и рассуждение, в котором данный анализ произведен автором), дедуктивный (без примеров и их анализа и с примерами и их анализом). Применяют авторы и комбинации этих способов: часть материала разъясняется индуктивным путем, а часть — дедуктивным, и наоборот.

Разнообразие способов объяснения нового материала — не самоцель: выбор их зависит от специфики языкового явления, познавательных возможностей пятиклассников, этапа ознакомления с материалом. Это одно из важных средств развития интереса к русскому языку.

Учебное пособие будит мысль школьников, помогает применять знания на практике. Даны, например, образцы рассуждений, памятки (как готовиться к диктантам, изложениям и сочинениям), указания о том, как разбирать имена существительные и другие части речи, как применять те или иные орфографические правила. Очень важны образцы письменного объяснения орфограмм, где графическими средствами указываются условия, от которых зависит данное написание.

Огромное значение имеет повторение и систематизация изученного. Авторы предлагают ряд взаимосвязанных видов работ: система контрольных вопросов и заданий в конце каждой темы (для всех и для сильных учащихся), обобщающие упражнения в конце каждой темы и в конце года, выделение слов для всех видов разборов, которые существуют в школе, и т. д.

Кроме учебных задач, авторы стремились решать и задачи воспитания детей — будущих строителей коммунистического общества.

М. Т. БАРАНОВ

Все согласились в том, что в народной речи есть своя свежесть, энергия, живописность, а в народных песнях и даже сказках — своя жизнь и поэзия, и что не только не должно их презирать, но еще и должно их собирать, как живые факты истории языка, характера народа.

В. Г. Белинский

Более 50 лет проработала учительница А. А. Ковалева, из них 17 лет в сельской школе. Опытный методист, человек, искренне любящий родной язык и литературу, отдавший всю энергию и душевную щедрость детям, Анна Александровна на страницах нашего журнала ведет беседу с молодым учителем.

СЛОВО О НАШЕМ ЯЗЫКЕ

Язык отражает многовековую историю народа. Как чудесная сокровищница, язык хранит в себе все, что волновало ум и сердце народа на долгом жизненном пути.

Еще два века назад великий русский ученый и поэт М. В. Ломоносов был уверен в том, что российское слово может быть приведено «в такое совершенство, каковому в других [языках] удивляемся». Ломоносов тонко ощущал животворные силы народа, которые рано или поздно прорвутся, как вода в половодье. И Ломоносов не ошибся. Прошли десятилетия, и чудесной музыкой зазвучало русское слово под пером гения русской литературы, создателя русского литературного языка А. С. Пушкина, поэзия которого нашла сокровенное выражение в русской речи и раскрыла ее неиссякаемые возможности.

Великие, правдивые творения наших писателей XIX века служат лучшим и верным доказательством громадных достижений русского языка, выразителя дум и чаяний народа. Глубина вдохновенной мысли, блеск, сила и благородство чувств, гневный протест против порабощения, угнетения народа, страстный призыв к освобождению — все это находило гармоническое выражение в словесной форме. Слово писателя, революционера, общественного деятеля, мыслителя и ученого несло народу все

книг, учась жить на их примере. Уже в три года ребенок строит связную речь, свободно выражает свои эмоции в словесной форме, дает оценку тем или другим явлениям, не лишен чувства юмора, уместно вставляет шутку. Окружающая среда формирует его раннее развитие.

Но жизнь не стоит на месте, и надо, чтобы книга в соответствии с требованиями и запросами детской души рассказала, по-настоящему объяснила этот непонятный, загадочный для ребенка мир на доступном для детского восприятия языке. Надо, чтобы литература, создаваемая для детей, обогащала язык ребенка, помогала ему в расширении лексики, способствовала умственному развитию. Учительский опыт показывает, что общение с истинной поэзией — поэзией Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова — смягчает детский нрав, облагораживает поведение, шлифует язык ребенка. К сожалению, современные школьные программы по литературе мало времени отводят изучению произведений русской классической литературы, поэтому в формировании языка ребенка почти отсутствует очень существенный элемент — общение с настоящим поэтическим словом.

Мы, педагоги, не всегда останавливаем внимание ребят на важных моментах при изучении русского языка, на тех «изюминках», на тех золотой россыпью живущих в русской речи словах, которые как бы скапливают в себе народную мудрость, веками рождаемую радость ощущения этой мудрости, ума, смекалки, изящества и юмора. Такими жемчужинами русского языка являются изречения народной мудрости, каждое из которых несет в себе глубокую мысль о жизни, о человеке, о его отношении к окружающей действительности — пословицы, поговорки, загадки: «Поживи подольше, так увидишь побольше»; «Не место человека, а человек место красит»; «Дерево от плодов, а человек от дела познается»; «Добрые умирают, а дела их не пропадают»; «Лучше смерть в поле, чем позор в неволе».

Произведения малых форм широко представлены и в современной литературе. Они разнообразны по своему общественному значению, по содержанию и форме. Их объединяют такие качества: краткость, емкость, меткость, идейная насыщенность и убедительность. В творениях русских писателей и поэтов часто встречаются лозунги. Так, Горький в романе «Мать» словами своего героя формулирует идейную сущность социализма: «Долой част-

ную собственность, все средства производства — народу, вся власть — народу, труд — обязателен для всех...». У Блока в поэме «Двенадцать» читаем: «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг». Маяковский дает сжатое определение первым декретам советского правительства: «Земля крестьянам! Мир народам! Хлеб голодным!». Для него вообще характерна большая насыщенность стиха лозунгами. Отдельные стихотворения Маяковского сплошь составлены из лозунгов. Это — «Левый марш», «Марш ударных бригад», «Приказ по армии искусств» и др.

Малая форма часто применяется, когда требуется кратко определить отвлеченное понятие, раскрыть сущность общественного явления. Лаконична и выразительна речь призывов, с которыми к дням великих торжеств партия обращается к народу.

Афоризмы, извлеченные из гениальных трудов наших мыслителей, вождей, художников слова, для учителя — настоящий клад. Изречения о труде и учебе, борьбе и героизме, идеале и цели, гуманизме и справедливости помогут приобщить школьников к вершинам человеческого познания, открыть истинную сущность морального облика настоящего советского человека: «В каждую борьбу за каждую злобу дня надо вкладывать неразрывную связь с коренными целями» (В. И. Ленин); «Деятельность человека пуста и ничтожна, когда не одушевлена идеею» (Н. Г. Чернышевский); «Все прекрасное на земле — от солнца, а все хорошее — от человека» (М. М. Пришвин).

Да мало ли их, хороших изречений, которые учитель просто обязан иметь у себя в записной книжке. Этот материал — бесценное подспорье и учителю-словеснику, ведущему кружок русского языка. Изречения кратки и емки. Словам тесно — мыслям просторно.

Несколько слов и о песне. Ведь народная песня была, есть и будет золотым фондом поэтического творчества. Талантливая, содержательная, необыкновенная русская песня! Вся жизнь народа, его страдание, терпение, выносливость в беспримерной борьбе и труде отражены в советской песне, грозной и страшной для врага, мягкой, задушевной и светлой для товарища, друга. Живое слово этой от сердца идущей песни глубоко волнует человека, вызывает чувство энтузиазма и вдохновляет на дерзкие искания, на подвиги самопожертвования во имя построения коммунизма. Вышедшая из русского фольклора, на-

ша песня впитала в себя все его лучшие качества: в ней отражены и народная мудрость и величие, патриотизм и гуманность русского человека, широкое раздолье и красота русской природы, необыкновенная звучность и величие поэтического языка. Велико воспитательное значение песен о революции, о легендарных походах, о Великой Отечественной войне, ибо в них — и музыка слова, и биение сердца, и горячая страсть, и находчивость русского человека, и лукавая смешинка и неиссякаемая вера в победу.

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слушали окрест,
Как шли на битву партизаны.

А. Софронов

Просты, прозаичны, на первый взгляд, предложения. Но мы слышим и шум сосен, и осязаем холодный синий туман, и видим пробирающихся на задание, на битву партизан. Как же достигается живая картина? Здесь и эпитеты, точно подмеченные, и олицетворение не подкрашено: даже Земля русская, ее небо, сосны не желают видеть врага, прислушиваются к людям, помогают им. Точно так же, как человек слит органически с природой, и слова русской песни слиты с чувством:

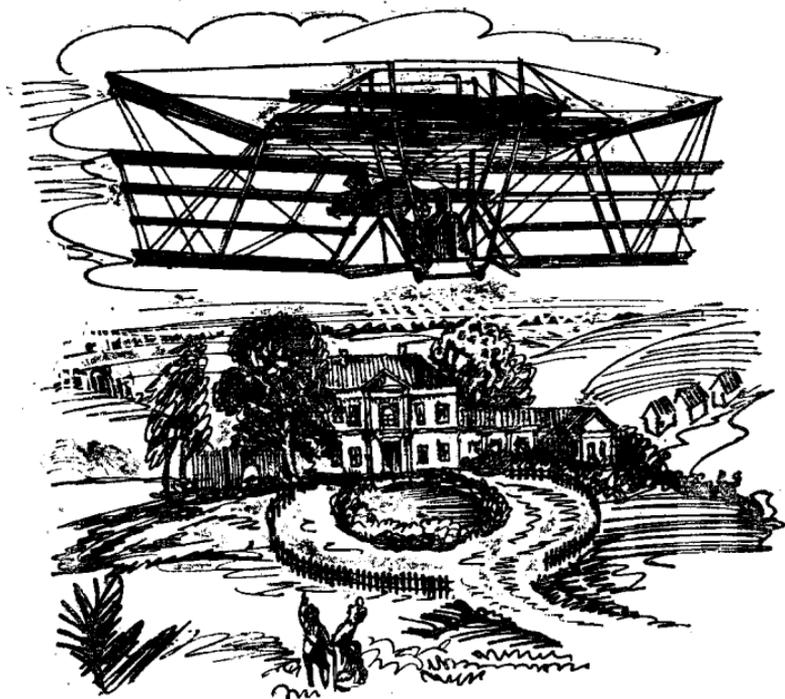
Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!

В. Лебедев-Кумач

Высокая роль русского языка ко многому обязывает нас, педагогов. Обращаясь к учащимся, преподаватели должны чувствовать большую ответственность и пользоваться словом, как великим орудием служения народу, как верным средством воздействия на слушателей. Слово учителя не может быть холодным — на такое слово не отзовется ребенок. Оно не может быть и фальшивым — такого слова не примут ученики. Лишь убедительное, живое, горячее, страстное, вдохновенное слово учителя проникает в души наших детей. Только такое обращение к учащимся напрягает их внимание, волнует мысль и крепко входит в сознание.

Дело за тобой, товарищ учитель.

А. А. КОВАЛЕВА

САМОЛЕТ И ЛЕТЧИК

1803 год. В Петербурге возле Малой Охты (в ту пору на этом месте еще шелестели леса) опустился воздушный шар, поднявший в небо России людей, едва начавших обретать крылья.

Шли годы... На исходе XIX века «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона уже упоминал (в статье «Аэронавтика») «так называемую авиацию, то есть подражание полету птиц». Эти ранние сведения об авиации еще расплывчаты и туманны, но автор статьи справедливо считал, что «нельзя отрицать абсолютной

возможности авиации, и, может быть, она является воздухоплаванием будущего».

А это «авиационное будущее» властно вторгалось в жизнь России. Оно разрушало неверие, рождало самые фантастические мечты, и человек, поднявшийся в небо, казался изумленному россиянину каким-то новым божеством. «Так, в Крестцах, — сообщал в сентябре 1911 года журнал „Воздухоплаватель“, — при спуске одного авиатора некоторые из окружившей его толпы со слезами на глазах бросались перед ним на колени, целовали ему руки, а какой-то старик молился вслух, благословляя судьбу за доставленный ему случай увидеть настоящее чудо».

Правда, кое-кому полеты в небо на аппаратах тяжелее воздуха представлялись не более чем «модной забавой». «Тысячи нянек суетятся вокруг хилого, по-видимому, недоношенного ребенка — авиации, вскармливают его, водят на помочах», — скептически писал в том же, 1911 году корреспондент журнала «Автомобиль». Но «дитя» росло и мужало с непостижимой быстротой: вспомним, что приведенные слова были сказаны за два года до «мертвой петли» Михаила Нестерова!

А пока что «крылатое чудо» продолжало вызывать горячие споры — вплоть до дебатов в Государственной думе по поводу изданного царским правительством приказа, запрещавшего подниматься в воздух без разрешения и присмотра полиции. «Что же тут дурного? — кипятился один из депутатов. — Понятно, что прежде чем научить людей летать, надо научить летать за ними полицейских...».

Оживленные споры возникали и в связи с вопросом о том, как назвать «крылатого человека». Отголоски их сохранил до наших дней один из протоколов заседания Всероссийского аэроклуба. К тексту этого протокола мы вернемся несколько позже.

«Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, давая одно из первых толкований нового понятия *авиация*, указывал, что «сторонниками авиации, или авиаторами, являются все теоретики-воздухоплаватели, математики, инженеры, физиологи и техники». Название *авиатор*, родственное французскому *aviation*, надолго закрепилось за людьми, поднявшими в воздух первые аэропланы, тем более что слово это было интернациональным. Так, в июле 1910 года газета «Утро России» сообщала, что недавний полет Б. И. Россинского «поставил его в ряд

вполне законченных авиаторов». Вспоминая те годы, известный русский ученый и литератор шлиссельбуржец Николай Морозов с глубокой симпатией писал в автобиографической повести об «авиаторе Ефимове», с которым мечтал подняться на новом моноплане. Сам М. Н. Ефимов в письмах 1910 года называл себя «первым русским авиатором». Слово *авиатор* преобладает в газетах, журналах, рапортах начальника воздухоплавательного парка. Именно это название бытует в художественной литературе и публицистике тех лет: «Володя, голубчик, может, ты знаешь денежного человека, авиатора какого-нибудь?» (Л. Андреев. Профессор Сторицын). *Авиатором* называет А. И. Куприн в очерке «Мой полет» одного из легендарнейших русских асов, волжанина Ивана Заикина, человека удивительной отваги и дерзости (с ним писатель совершил в 1910 году полет на аэроплане «Фарман»). «Авиатор» — так озаглавил Александр Блок стихотворение, написанное в 1912 году.

Однако чужеземный, нерусский облик слова заставлял искать название более родное и близкое, к тому же такое, которое бы с предельной точностью выражало понятие 'летающий человек', 'человек, который сделал полеты в небо своей профессией'. Так появляются слова *летун* и *летчик*, образованные от исконно русского глагола *летать*. Все три слова — *авиатор*, *летчик*, *летун* — довольно долго сосуществуют, обозначая одно и то же понятие (если не считать некоторых смысловых оттенков).

Вот как описывала, например, «Петербургская газета» (1910) катастрофу с аэропланом Морана: «Аэроплан, снижаясь, продолжал лететь на публику. В паническом страхе бежали во все стороны судьи, сигнальщики и просто любители... Летун отделался благополучно». В одном из номеров журнала «Воздухоплаватель» (1911) анализировались причины «несчастных случаев, жертвою которых пали весьма опытные летуны». Позднее тот же журнал в отчете о первом крупном перелете Петербург — Москва с гордостью констатировал, что перелет этот «явился серьезным опытом для наших летунов».

Летун отпущен на свободу,
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Так начинал стихотворение «Авиатор» А. Блок. В том же, 1912 году А. Грин писал в рассказе «Тяжелый воз-

дух»: «Внизу, под ногами летуна, время от времени шумел игрушечный поезд, а стрелочник с флагом в руках задира голову вверх, что-то крича стремительно несущемуся аэроплану».

Невольно бросается в глаза, как охотно используют слово *летун* русские писатели и поэты начала века.

Но словообразовательный облик этого слова вызывал некоторые нежелательные ассоциации (ср. существительные тина *лун*, *болгун*), что, естественно, было серьезным препятствием для его более основательного закрепления в языке. Вот почему наибольший интерес представляет конкуренция двух других слов — *авиатор* и *летчик*, которые чрезвычайно широко входят в обиход уже в первые десятилетия XX века. Следует сразу подчеркнуть, что слово *летчик* на первых порах имело более узкое, специальное значение: оно служило названием военных авиаторов-профессионалов. Поэтому в отчетах за 1911 год старейшей в России Качинской авиационной школы люди, управляющие аэропланом, названы *летчиками*. Имея в виду именно нужды военной авиации, изобретатель парашюта Г. Котельников сообщал в 1912 году военному министру: «Я представил в Воздухоплавательный отдел... чертежи изобретенного мною... ранца-парашюта для летчиков». Годом позже «Петербургская газета» информировала читателей о событии, составившем эпоху в истории русской авиации: «Сегодня в 6 часов вечера военный летчик 3-й авиационной роты Нестеров в присутствии других летчиков, врача и посторонней публики сделал... на высоте 600 метров „мертвую петлю“».

Теперь вернемся к тому «лингвистическому спору», о котором упоминалось в начале статьи.

17 ноября 1910 года состоялось 59-е заседание Совета Всероссийского аэроклуба, на котором среди прочих дел обсуждался вопрос об условиях получения призов, учреждаемых великой княгиней Анастасией Михайловной. Касаясь номенклатуры, предложенной в ее рескрипте, один из членов Совета указывал на то, что «не следует делать различия между военными и штатскими авиаторами, называя первых летчиками, а вторых летунами». Следующий оратор добавил, что вообще «кличка *летун* является унижительной для невоенных авиаторов» (очевидно, по причине, о которой говорилось ранее). Третий из выступавших, напротив, считал, что «предпочтительнее русское слово *летун* иностранному *авиатор*». Высказывалось и такое мнение:

не целесообразнее ли сохранить единое название «как для военных авиаторов, так и для невоенных?». Результатом столь необычного спора явилась следующая любопытная резолюция: «Не употреблять слов *летун* и *летчик* и называть как военных воздухоплателей, так и невоенных — *авиатор*».

Однако очень скоро небольшое смысловое различие (военный летчик — спортсмен-авиатор) начинает стираться, и в апрельском номере за 1911 год того же старейшего русского авиационного журнала «Воздухоплатель», который сохранил до наших дней текст протокола, мы находим упоминание о летчиках-любителях. Таким образом, слово *летчик*, вопреки каким бы то ни было резолюциям, расширяет сферу употребления и начинает обозначать не только военных летчиков, но и авиаторов-спортсменов.

Правда, процесс его окончательного закрепления в языке, в результате которого слово *летчик* стало обозначать любого человека, управляющего самолетом (и военного, и простого любителя, и представителя гражданской авиации), был не таким уж кратким и прямолинейным. Достаточно сказать, что еще в первом издании Большой Советской Энциклопедии различаются *авиатор* — «лицо, получившее специальную теоретическую и практическую подготовку и совершающее полеты на летательных аппаратах тяжелее воздуха» и *летчик* — название, применяемое в военной авиации. Впрочем, в статье «Авиация» в том же издании *летчик* используется уже не только по отношению к военным авиаторам.

Какие же факторы способствовали окончательному закреплению слова *летчик* в русском литературном языке?

По всей вероятности, дело обстояло следующим образом. Жгучий интерес к авиации, этому подлинному чуду XX века, привлекал к чтению статей, посвященных вопросам авиации, обширный круг читателей. Такой «средний читатель», не будучи специалистом в этой области, едва ли обращал внимание на то, какого авиатора имеет в виду автор статьи: военного или штатского. Для него слова *летчик* и *авиатор* не имели никакого смыслового различия. Примечательно, что статьи специалистов в области авиационного дела нередко выходили далеко за рамки только военной авиации, затрагивая вопросы морального плана. Так в ноябрьской книжке «Воздухоплателя» за 1911 год была опубликована заметка под названием «Авиация и

брак», автор которой серьезно ратовал за то, чтобы в военные авиационные школы не принимали женатых людей: «Гибель Матыевича [русского военного летчика] поднимает очень интересный вопрос: может ли быть летчик женат? Я думаю, — пишет автор заметки, — что нравственно женатые люди не могут летать». Учитывая постановку столь широкой моральной проблемы, можно с уверенностью утверждать, что читатель журнала едва ли обратил внимание, что речь идет о военном авиаторе.

К тому же — и это едва ли не решающее обстоятельство — русский облик слова не мог не импонировать и читателям, и самим публицистам, в силу чего слова *летчик* и *авиатор* начинают использоваться как синонимы.

Русская художественная литература также ускорила процесс окончательного закрепления слова *летчик* в русском литературном языке. Уже упоминавшийся рассказ А. Грина «Тяжелый воздух» первоначально (в черновых вариантах) назывался «Летчик Киршин». В тексте этого небольшого рассказа, написанного в редкой для А. Грина реалистической манере, мало напоминающей стиль его романтических фэерий, употребляются все три слова: авиатор (27 раз), летчик (13), летун (1). Несмотря на столь очевидное преобладание слова *авиатор*, очень существенно, что все три слова выступают как синонимы, тем более что герой рассказа — не военный летчик, а любитель-спортсмен. Варьирование этих слов в тексте — результат стремления избежать некоторой «стилистической монотонности»: «Теперь, когда никто больше не летел впереди него и, следовательно, от прочности аппарата, состояния погоды и выносливости самого летчика зависел окончательный успех состязания, авиатор, пугаясь назойливых представлений, отталкивая их, но этим еще более подчиняясь их власти, увидел себя падающим стремглав головой вниз».

В отличие от Грина, в рассказе Куприна «Сашка и Яшка» речь идет именно о военном летчике, мичмане Прокофьеве, чем, видимо, объясняется и безусловное преобладание в тексте слова *летчик*. Однако для читателя эта специфически «военная» сторона повествования, конечно, пропала. Существенным было лишь представление о «летчике» как о человеке, управляющем аэропланом. А это тоже не могло не укреплять позиций слова *летчик* в общенародном языке.

Отметим еще один фактор: семантическую близость слова к глаголу *летать* и продуктивный в русском языке

суффикс *-чик*, служащий для обозначения лиц по их профессиональной принадлежности (водопроводчик, прокатчик). Все это, вместе взятое, привело к окончательному закреплению слова *летчик* в русском литературном языке. Начиная со Словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, оно входит во все словари русского языка.

Тем не менее и слово *авиатор* не было утрачено русским языком: этому способствовали «родственные узы», связывающие его со словом *авиация*, и известное расширение его употребления, своего рода «возвращение» на те исходные позиции, которые были отведены для него еще «Энциклопедическим словарем» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В наши дни *авиатор* обозначает любого человека, имеющего отношение к авиации, не только летчика, но и авиаконструктора, инженера-авиатора, обслуживающий персонал на аэродроме и так далее.

Летательный аппарат, которым управляет летчик, как известно, в наши дни называется самолетом. Судьба этого слова сходна с историей слова *летчик*: и в этом случае исконно русское слово вытесняет иноязычное.

А в 1853 году корреспондент Русского географического общества П. Троицкий, рассказывая о жизни крестьян села Липиц Тульской губернии, писал: «Некоторые ткачи недавно придумали способ ткать холст самолетом».

Но какое отношение имеет самолет к ткачеству? Какая связь между летательным аппаратом тяжелее воздуха, который все мы называем привычным словом *самолет*, и тем «самолетом», о котором упоминает П. Троицкий?

В ту пору, когда Троицкий изучал быт тульских крестьян, самолета в современном смысле слова еще не существовало; люди только пробовали подниматься в небо в гондолах воздушных шаров, и почти тридцать лет отделяло это время от тех дней, когда морской офицер А. Ф. Можайский получил патент на изобретение «воздухоплавательного снаряда» — первого русского самолета.

Что касается слова *самолет*, то оно появилось значительно раньше: по крайней мере, уже В. Бурнашев приводит его в своем «Опыте терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» (1843—1844), но, разумеется, с иным значением: «В ткацком стане — челнок, который бросают не рукою, а посредством погонялки».

Именно о таком челноке мечтают крестьяне в очерке Н. Гарина-Михайловского «На ночлеге» (1898), завидуя

тем, кто работает у предприимчивого купца, который «челнок-самолет устроил: сам челночок перепрыгивает, а здесь, видишь как, — изломаться пять раз на минуту всем телом надо...». «Что же у себя не заведете такого самолета? — интересуется автор очерка. — Где завести? десять рублей такой челнок стоит. Где их взять?».

«Самолет, — писал в 1894 году „Правительственный вестник“, — новый ткацкий прибор, при котором можно получать ткань в несколько рисунков». Такие усовершенствованные ткацкие станки (самолеты) упоминает и Г. В. Плеханов в известной работе «Наши разногласия». То же значение слова отмечают «Русский энциклопедический словарь» И. Н. Березина (1875) и «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1900).

Однако приведенное значение слова *самолет* не было единственным. В некоторых губерниях России *самолетом* называли примитивное орудие для пахоты, типа сохи. Сошлемся хотя бы на свидетельство Словаря В. Бурнашева: «Самолет — в Ярославской губернии — косуля, несколько отличная от косули обыкновенной». «Ярославская косуля, или „самолет“, — читаем в многотомном издании „Кустарная промышленность России“, — имеет отвал, скопированный, очевидно, с какого-нибудь английского плуга». Это значение отмечено и «Энциклопедическим словарем» С. Ю. Южакова (1904).

В середине прошлого столетия в Пермской губернии называли *самолетом* детскую игрушку: деревянную стрелу с зазубриной в середине, запускавшуюся с помощью гибкого прута и нити, конец которой закреплялся за зазубрину. Приводя это значение в своем большом рукописном словаре, пермский священник Александр Луканин сопровождал его следующим примером: «Тягька! Дай-ко мне мой самолет. Лучок-от жидок; найди пруток потолще, а то с эким лучком самолет худо летает».

Существовали и другие значения. Так, Словарь 1847 года, энциклопедии Березина и Южакова указывали, что «самолетом» называется паром, прикрепляющийся канатом к якорю в реке и передвигающийся не вручную, а силой течения и с помощью особой системы рулей. Такой паром использовали в военной практике. Пароходное общество, учрежденное в прошлом веке на Волге и Каме, также носило название *самолет...*

Таким образом, задолго до создания летательного аппарата тяжелее воздуха (аэроплана, самолета) в языке

русского народа существовало то слово, которое способно было с предельной точностью выразить самую идею этого аппарата. Вспомним и давнюю волшебную мечту — ковер-самолет русских сказок, так памятный каждому с детства. Прошли века, прежде чем воплотилась в жизнь эта пленительная мечта русского сказочника!.. А слово жило в народе, будто ожидая появления того летательного аппарата, идею которого оно как бы таило в себе.

К тому же самый словообразовательный тип этот был издавна чрезвычайно характерен для русского языка. Например, в Пензенской, Вятской, Симбирской губерниях, на Кубани велосипед назывался *самокаткой*, в Сибири, Псковской и Архангельской губерниях — *самокатом*, в Воронежской — *самоездкой*, на Урале (1934) — *самоходом*. Жители Курской области (1915) и калужане (1928) называли *самокатом* автомобиль; на Тамбовщине так назывался паровоз. В Новосибирской области в наши дни машину для косьбы хлеба называют *самоброской*. Вологжанин употреблял слово *самодуйка* в качестве названия шведской спички. Таких примеров можно привести великое множество.

И тем не менее самолет отнюдь не сразу стал называться *самолетом*. Во всяком случае, ни А. Ф. Можайский, ни Н. И. Кибальчич этого слова еще не употребляли. В патенте Можайского (1884) самолет назван «воздухоплавательным снарядом».

В первые десятилетия существования русской авиации будущий самолет называли либо просто *аппаратом*, либо *аэропланом*. Впрочем, и слово *аэроплан* поначалу имело иное значение — «воздушный змей, употребляемый обыкновенно для метеорологических наблюдений» (Брокгауз и Ефрон). Но уже один из первых русских самолетостроителей, мастер сестрорецкого оружейного завода В. П. Коновалов, назвал сконструированный им летательный аппарат *аэропланом*. Это слово употребляют писатели и публицисты начала века, нередко наравне с синонимичным ему *аппарат*: «Еще быстрее, чем мчался над невидимой землей аппарат, быстрее винта, делающего сотни оборотов в минуту, летела тревожная мысль, опережая аэроплан» (А. Грин. Тяжелый воздух).

«Воздушные шары, вместо того, чтобы увенчать изобретение воздухоплавания, стали на дороге его тормозом, задержав на много лет изобретение самолета, который без них, может быть, в настоящее время уже был бы найден, если принять во внимание механические средства, кото-

рыми мы владеем». Казалось бы, куда как современно звучит слово *самолет* в приведенном отрывке! Так мог бы, пожалуй, написать в наши дни историк авиации...

Действительно, с этим можно было бы согласиться, если бы не одно «но»: эти строки написаны репортером газеты «Голос» в... 1863 году, то есть за восемнадцать лет до изобретения первого русского самолета! Вновь слово как бы спережает, как бы «предугадывает» появление самолета.

Одним из первых стал употреблять *самолет* (в его современном смысле) русский изобретатель В. В. Котов — шестидесятилетний помощник столоначальника в министерстве финансов, которого, несмотря на солидный возраст, страстно увлекла идея создания летательного аппарата. *Самолетом* называет он такой аппарат на страницах книги «Устройство самолетов-аэропланов» (1895—1896). Д. И. Менделеев, высоко ценивший работы Котова и написавший предисловие к его книге, также (очевидно, вслед за Котовым) использует это слово. Правда, поначалу Менделеев заключает его в кавычки, однако к концу текста кавычки исчезают.

Постепенно *самолет* становится все более употребительным, тесня и отодвигая слово *аэроплан*. В августовской книжке журнала «Воздухоплаватель» (1911) корреспондент, анализируя результаты перелета Петербург — Москва, писал: «Есть основание думать, что не все аэропланы (самолеты)... отвечали по своим качествам столь серьезному испытанию». В ноябрьском номере журнала находим уже вполне свободное употребление термина *самолет* в статье о перелете поручика Андреади из Севастополя в Симферополь и обратно: «В это время со стороны Балаклавских гор неслись навстречу самолету облака ослепительной белизны... Получалась картина, в которой самолет парил над местностью, покрытой снеговыми горами. По временам аэроплан должен был приближаться к городу». Легко заметить, что в приведенном тексте *аэроплан* и *самолет* — равноправные синонимы.

Возможно, русское слово *самолет* в терминологическом отношении оказалось в известной мере более удобным, чем *аэроплан*: оно как бы объединяло, покрывало собой различные типы первых самолетов — монопланы, бипланы и пр.

В тридцатые годы в СССР начал выходить журнал «Самолет», само название которого как нельзя лучше свидетельствует в пользу окончательного усвоения слова лите-

ратурным русским языком. Однако путь слова, как правило, извилист и сложен. И этот случай не представляет исключения. Еще в 1934 году «Краткий технический словарь» дает такое определение: «Самолет. См. Аэроплан», по-прежнему отдавая предпочтение последнему. Но тот же словарь в других случаях вполне свободно использует и *самолет*: «Авиэтка — легкий маломощный самолет».

С течением времени *самолет* весьма заметно потеснил слово *аэроплан*. Не случайно в недавно вышедшем «Словаре синонимов русского языка» (Л., 1970) мы не находим синонимического ряда на *аэроплан*. В наши дни вслед за прочно укоренившимся в русском языке термином *самолет*, по образцу этого термина возникают новые слова, появление которых обусловлено стремительным развитием авиации и космонавтики, — *вертолет*, *звездолет*, *космолет*.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

СТАЧКА И ЗАБАСТОВКА

Современные синонимы *забастовка* и *стачка*, имеющие общественно-политическое значение, исторически восходят к словам, далеким и по смыслу и по эмоциональной экспрессии.

Слово *стачка* впервые отмечено в «Словаре Академии Российской» в 1794 году. Оно образовано от глагола *стакнуться-стакиваться* (от *так*) 'прийти к определенному соглашению'. Это значение глагола (и отглагольного существ-

вительного) устойчиво держалось почти до конца XIX века: «Приказал он людям, чтобы непременно его предупредили, когда он воротится, но и люди словно стакнулись смолчали» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); «Могло случиться, что ученики назло учителю делали стачку не учить уроки» (Помяловский. Очерки бурсы); «Уважаемый товарищ Курицын женат на племяннице аптекаря Грумер и находится с ним в стачке» (Чехов. Интриги); «И та, и другая [статьи 812 и 920 устава таможи] говорят одинаково о выпуске из таможи товаров без ярлыка. Этот выпуск делается по стачке между чиновником и купцом» (Кони. Судебные речи).

Толковые словари XIX века, например Словарь 1847 года и Словарь Даля, связывают слово *стачка* с глаголами *ста́киваться* — *ста́каться* — *ста́кнуться*. Однако уже у Даля указан особый оттенок значения, являющийся как бы переходным к современному *стачка* 'круговая порука в нечистом деле, тайное условие и самый круг, обязавшийся поддерживать друг друга'. Порицательная характеристика действия *стачки* здесь вполне объясняется общественно-политической позицией автора знаменитого лексикона. Ср. в романе Мельникова-Печерского «На горах»: «В осеннее хлебное время последнему наймиту лишнего слова сказать нельзя. Тотчас *стачка*, тотчас работники гурьбой со двора».

В то же время «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» под редакцией Ф. Толля (Приложение 1866 г.) отмечает общественно-политическое значение слова *стачка*, ориентируясь в основном на революционные события в Англии: «*Стачка*. Уговор нескольких лиц действовать заодно для достижения известной цели. *Стачки* рабочих в Англии — сходки их с целью вынуждения у хозяев более значительной задельной платы». Окончательно это значение закрепилось в слове *стачка* в конце прошлого века. В России этот период отмечен бурным ростом капиталистического производства. Это сопровождалось особенно сильной эксплуатацией рабочих, и, естественно, порождало борьбу пролетариата за улучшение условий труда и жизни, что сразу же находило отражение в языке. *Стачка* попадает в ряд слов, неугодных официально настроенным кругам. Издатель журнала «Дело» Г. Е. Благосветлов дает такой совет одному из своих сотрудников: «Избегайте слов *стачка*, *ассоциация*, *социальный* и т. п., слова эти строго воспрещены: их боятся, как боятся „жушла“»

толстопузые московские купчихи» (Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. М.—Л., 1965).

Конец XIX века — время интенсивного роста и распространения идей марксизма в России. Острая полемика первых русских марксистов с народниками порождает массовую общественно-политическую литературу, формирует общественно-политическую лексику, фразеологию и терминологию. Именно в это время многие общественно-политические термины приобретают наиболее близкое к современному смысловое оформление.

В статьях и документах конца XIX века нетрудно обнаружить существенные смысловые сдвиги в слове *стачка*. Сохраняется его исконное употребление в значении 'круг поддерживающих друг друга рабочих': «Рабочие не пускали на фабрику тех, кто не принадлежал к стачке» (Дневник Суворина, 9 июня 1896); «Организация рабочих может быть ведена на всякой почве, начиная с артелей, товариществ, кружков саморазвития, стачек и кончая чисто революционными сообществами» (Сборник по истории политических и общественных движений в России за сто лет (1800—1896). Составлен Вл. Бурцевым. Лондон, 1897).

Но уже в литературе народников при описании деятельности в среде городских рабочих слово *стачка* употребляется как 'соглашение — протест, забастовка': «Георгий Плеханов сильно агитировал при предполагавшейся стачке на заводе „Русского общества“» (Архив обществ «Земля и Воля» и «Народная Воля»); «Члены землевольческой рабочей группы принимали также деятельное участие в нескольких стачках, происходивших в Петербурге» (Е. Серебряков. Очерки по истории «Земли и Воли»).

Слово *стачка*, таким образом, все теснее связывается с борьбой рабочих на капиталистическом производстве и начинает означать коллективное прекращение работы и выдвижение определенных экономических требований рабочих к предпринимателям. Новое осмысление слова *стачка* находит свое окончательное оформление в пропагандистской литературе русских марксистов. В. И. Ленин и его единомышленники придавали огромное значение стачечной форме борьбы рабочих со своими предпринимателями, видя в них (в стачках) большую активизирующую силу для формирования революционного сознания рабочего. В «Проекте и объяснении программы социал-демократической партии» (1895—1896) В. И. Ленин писал: «Стач-

ки и отдельные восстания рабочих, как говорит программа, составляют в настоящее время самое распространенное явление на русских фабриках»; в «Письме „Северному союзу РСДРП“» (апрель 1902) читаем: «Стачками (как и экономической агитацией вообще) надо *всегда* пользоваться и для возбуждения к *революционной* борьбе за свободу и за социализм. Стачками надо пользоваться и для *политической* агитации». Ср. также: «... и только после громадных стачек, в которых участвовало множество рабочих, правительство принуждено было „сбавить наказание“ и карает теперь за подготовку стачки тюремным заключением около года» (Н. Федосеев. Программа действий рабочих).

Утверждение общественно-политического значения у слова *стачка* отражается и на его словообразовательной активности: возникают *стачечник*, *стачечница*, *стачечный*, связанные по смыслу исключительно с тем же значением. Расширяются границы использования этого термина; из сфер общественно-политической лексики оно переходит на страницы художественной литературы: «После ссылки он был руководителем большой стачки рабочих, кончившейся разгромом фабрики и убийством директора» (Л. Толстой. Воскресение); «Времена наступили довольно бурные: участились стачки и митинги безработных» (Короленко. Без языка).

Слово *забастовка* отмечено в Словаре Даля (1866) в гнезде *забастбывать*, *забастовать*. Глагол *забастовать* не новый, он известен еще у Пушкина, но использовался им исключительно в карточном значении. *Забастовать* — это прекратить карточную игру (от итальянского *basta* 'довольно! полно! хватит!'): «От карт и костей отстал я более двух лет; на беду мою я забастовал будучи в проигрыше» (Письмо Судненку, 15 января 1833).

Это значение еще достаточно употребительно в художественной литературе конца XIX — начала XX века: «Привалов внутренне давал себе слово, что как только воротит проигрыш — сейчас же забастует» (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); «Он был действительно в солидном выигрыше, забастовал круто после того, как загребуш» (Боборыкин. Китай-город).

Постепенно глагол *забастовать* расширяет сферы употребления, начиная обозначать прекращение какого-либо действия или занятия в общем смысле: «Двух родят и забастуют» (Достоевский. Дневник писателя). Или еще более абстрактно: «Едем в театр? Нет, не соблазнишь: за-

бастовал» (там же); «Наши знаменитости не умеют забастовать вовремя и продолжают писать, когда им следовало бы отдыхать на лаврах» (Писарев. Посмотрим).

Производное от *забастовать* слово *забастовка* появилось, очевидно, в связи с общей активизацией суффиксальных образований на *-ка* во второй половине XIX века. Словарь Даля, впервые отметивший *забастовка* (наряду с *забастованьем*), формулирует его значение как 'шабашенье, закончанье, остановка, отказ продолжать что-либо': «Никита Юрьевич возрастал на руках мам и пестунов во всем барском своеволии тогдашнего времени, — своеволии, которому, однако, уже полагался конец строгою рукою царствовавшего преобразователя [Петра I]. Никите Плодомасову было суждено быть свидетелем начала забастовки этих боярских самовольств» (Лесков. Старые годы в с. Плодомасове).

В конце XIX века (примерно в 90-е годы) *забастовка* оформляется как полный синоним слову *стачка*. В «Словаре русского языка» (1899) читаем: «*Забастовка* — самовольное, с нарушением условий найма, прекращение работ, коллективный отказ рабочих от работы до тех пор, пока хозяева не согласятся исполнить их требования, *стачка*». В общественно-политической литературе этого времени слова *стачка* и *забастовка* (и их производные) также вполне синонимичны: «Когда среди петербургской интеллигенции разнесся слух о стачке, студенты немедленно собрали в пользу забастовавших очень значительную сумму денег» (Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении); «Следовательно, прежде, чем советовать людям остановиться и одуматься, нужно решить: имеются ли налицо все эти данные и условия, без которых, как это указывает нам ближайшее и отдаленное прошлое, рекомендуемый прием пойдет прежнею дорогою, бесследно, вне желаемой цели, и забастовка суетного труда окончится гибелью или компромиссом стачечников» (П. Н. Обнинский. Из области современной этики).

Первое десятилетие XX века в России, богатое революционными событиями, создало особенно благоприятные условия для широкого использования слова *забастовка* как общественно-политического термина: «На фабрике Гука была забастовка с требованием повышения расценок. Вызваны усиленные наряды полиции, масса жандармов, казаки, приготовлены и, кажется, уже вызваны были войска. Рабочие держали себя спокойно» («Искра», 12 апреля

1902); «Что придало майским дням в Харькове характер выдающегося события? Массовое участие рабочих в забастовке, громадные тысячные собрания на улицах, развертывающиеся красные знамена, провозглашающие требования, указанные в прокламациях, революционный характер этих требований: 8-часовой рабочий день и политическая свобода» (Ленин. Предисловие к брошюре «Майские дни в Харькове», 1901); «В Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковне и Вильне растет брожение рабочих и ширится забастовка» (Ленин. Начало революции в России, 1905).

В русском литературном языке наших дней *стачка* и *забастовка* связываются по преимуществу с дореволюционным временем. Эти слова, став теперь вполне синонимичными, употребляются в наши дни в языке публицистики для обозначения событий, имеющих место в зарубежных странах. Показательна в этом смысле иллюстрация в недавно вышедшем академическом «Словаре синонимов русского языка» (М., 1970), где речь идет о событиях в Австралии: «60 тысяч водителей локомотивов, тепловозов, междугородных и городских автобусов, не добившись удовлетворения своих требований о повышении заработной платы после первой стачки... объявили повторную забастовку» («Ленинградская правда», 31 августа 1965).

Т. С. КОГОТКОВА

САМОДУР

Сложные слова русского языка с местоименной частью *само-* принадлежат к древнейшему продуктивному типу словообразования. Слово *самодур*, по-видимому, издавна звучало в русской народной речи, но в литературный язык долго не входило. Впервые его приводит Вейсманнов лексикон (1731). Из этого Словаря мы узнаем, что немецкое *Eigensinnig*, по-латыни *refractarius*, имеет русские соответствия: упрямый, упорный, жестоковыйный и самодур. Скромное положение слова *самодур* в конце ряда стилистически различных слов XVIII века свидетельствует о том, что здесь оно — самое сниженное и скорее всего относится к просторечью.

Самодур представлено как диалектное слово в «Опыте областного великорусского словаря» (1852), правда,

в ином значении, и в «Дополнениях» к тому же изданию, вышедших в 1958 году, где оно дано внутри гнезда одно-коренных слов: самодурить, самодурствовать, самодурство, самодур, самодурливый. Подобным образом рассматривал его и В. И. Даль, поместивший в «Толковом словаре живого великорусского языка» такой ряд: самодур, самодурье, самодурь, самодуром, самодурить, самодурливый, самодурчивый. Как видим, Даль придерживается более строгих принципов в отборе народного материала по сравнению с составителями академического областного словаря. Он не берет слов с суффиксами, характерными для книжной лексики (самодурство, самодурствовать), хотя они и происходят от истинно народной основы.

В литературный язык *самодур* проникает только в середине прошлого века. В этом прежде всего заслуга великого русского драматурга А. Н. Островского. В его пьесе «В чужом пиру похмелье» (1855) есть такой диалог между московской мещанкой Аграфеной Платоновной и ее жильцом, отставным учителем Иваном Ксенофонтычем. Аграфена Платоновна говорит, что их ближайший сосед, богатый купец Тит Титыч Брусков — «дикий, властный человек, крутой сердцем»:

«Иван Ксенофонтыч. Что такое: крутой сердцем?»

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтыч. Самодур! Это черт знает, что такое. Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это *lingua barbara*, варварский язык.

Аграфена Платоновна. Уж вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда».

Итак, слово *самодур*, совершенно не известное интеллигенту-учителю, имевшему всю жизнь дело с книгами, представляет лексическую норму для его хозяйки, женщины неученой, общающейся с такими же простыми людьми, как она сама. Несомненно, что материал для этого диалога драматург взял из самой жизни: как известно, он превосходно знал русскую народную речь.

После публикации пьесы в журнале «Русский вестник», и особенно после представления ее на сцене Московского Малого театра (1856), слово *самодур* стало достоянием культурной речи. Многие читатели и зрители, точно так же, как и Иван Ксенофонтыч, познакомились с ним впервые; другие утвердились в мнении о правомерности существования этого русского слова в литературном языке.

Островский повторил слово *самодур* еще и в «Бесприданнице» (1879). Но неизвестно, как сложилась бы его литературная судьба, если бы не Н. А. Добролюбов. Великий критик обеспечил ему поистине вечную жизнь, когда выступил на страницах журнала «Современник» со статьей «Темное царство» (1858), где дал критический разбор пьес Островского. Особое внимание читателей он обратил на то, что писатель представил самодуров и самодурство как характерное социальное явление русской жизни его времени, показав, что именно самодурство во всех проявлениях тянет общество назад — в рутину темноты и косности, мешает ему развиваться. Добролюбов употребляет группу родственных слов: самодур, самодурство, самодурный, самодурствовать, самодурничать. Наиболее часто пользуется он словом *самодурство*, в которое вкладывает многогранный смысл: это и особенности отдельно взятого человеческого характера, и социально-психологический признак, объединяющий всех тиранов, и меткая характеристика общественного порядка старой России в целом.

Огромный общественный резонанс высказываний Добролюбова общеизвестен. Естественно, что вместе с его идеями усваивалась и его лексика. Это коснулось и слов *самодурство*, *самодурствовать*, получивших большое распространение в грамотных слоях народа.

В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» *самодур* объяснено так: «Тот, кто действует по произволу, по собственной прихоти, не считаясь с другими людьми». В Словаре дан ряд производных, вошедших в литературный язык: самодурить, самодурка, самодурничать, самодурный, самодурский, самодурство, самодурствовать. К этому списку можно было бы добавить наиболее «олитературенное» слово того же гнезда — *самодурственный*, известное по примечаниям М. Кричевского к «Дневнику» А. С. Суворина (Пг., 1923), а также по роману С. Н. Сергеева-Ценского «Преображенная Россия». Употребление названных слов проиллюстрировано в академическом словаре и в картотеке Института русского языка АН СССР примерами — цитатами из художественной и эпистолярной литературы как дореволюционной, так и советской. Здесь упомянуты Островский, Добролюбов, Писарев, Марко Вовчок, Жадовская, П. И. Чайковский, Ткачев, Шелгунов, Г. Успенский, Чехов, Куприн, Макаренко, Гайдар и другие.

Весь этот материал подтверждает огромный резонанс введенного в литературную речь Островским и использованного Добролюбовым слова *самодур* и производных от него. Вполне возможно, что иные авторы брали эти слова из личного лексического багажа, но в большинстве случаев несомненно если не прямое заимствование добролюбовского словоупотребления, то по крайней мере слияние двух языковых стихий — народной (просторечной) и книжной.

В использовании слова *самодур* и его производных ближе всех к Добролюбову стоят русские критики демократического лагеря. Вслед за ним слова *самодур*, *самодурство*, *самодурствовать* употребляют Чернышевский, Писарев, Ткачев, Шелгунов. Их стали использовать и художники слова, особенно те, кто был близок Добролюбову по образу мыслей. Н. А. Некрасов, например, вводит в поэтический текст слово *самодурство*. В его поэме «Недавнее время» (1877) читаем:

Прежде были легко уловимы
Характерные клубя черты:
В молодом поколении — фатство,
В стариках, если смею сказать,
Застарелой тоски тунеядства,
Самодурства и лени печать.

Достоинно внимания, что Некрасов использует здесь наиболее книжное слово из всего гнезда, именно то, кото-

рое чаще других употреблял Добролюбов. Это понятно, если учесть длительную личную связь поэта с критиком, восхищение им и уважение к его памяти. Уместно напомнить, что в поэме Некрасов приводит добролюбовскую оценку общественной жизни того времени и в этой связи называет его «юношей-гением».

Интересно использование слова *самодур* и производных от него в советской литературе. Если в отношении Макаренки, Гайдара, Gladкова трудно сразу сказать, какого происхождения у них это словоупотребление, то у Л. Никулина в романе «Московские зори» (1954) оно прямо восходит к Островскому и Добролюбову: «Вы не совсем понимаете, в каком положении находятся мои товарищи... Они в руках купца-самодура, который требует от нас залога».

Слово *самодур* и его производные живут в речи и сегодня. Несомненно, что здесь играет еще большую роль, чем прежде, влияние художественной литературы: ведь пьесы Островского и критические статьи Добролюбова входят, как известно, в программу школьного обучения.

В заключение — немного об этимологии слова. *Самодур* и другие слова, производные от этой основы, воспринимаются как сложные; вторая часть *-дур* связывается в них с глаголом *дурить*. Этот корень выделяется в словах, обозначающих глупость, нелепость, дикость. Теперь так и понимается смысл слова *самодур* — «человек, который дурит». Однако в его значении присутствует еще понятие о самостоятельности, быть может излишней. Еще в «Опыте областного великорусского словаря» было отмечено *самодур* в несколько неожиданном значении — в Ирбитском уезде Пермской губернии так называли самовар. В 1915 году в Курской губернии записано выражение: «самодурна закис квас» (без закваски, сам собой. Картотека Словаря русских народных говоров Института русского языка АН СССР). Любопытнейший пример находим и в картотеке Псковского областного словаря (ЛГУ имени А. А. Жданова): «ф школу ни аднаво дня не был, был самадур» (самоучка). Приведенные здесь примеры наводят на мысль, что вопрос о происхождении слова *самодур* более сложен, чем это может показаться на первый взгляд.

Т. С. КАРСКАЯ
Ленинград

ЭТИМОЛОГИЯ КАК ИСКУССТВО И КАК НАУКА

С давних времен человек пытливо интересовался словами родного языка, их взаимной связью, самым древним и потому, конечно, самым верным их значением. Он относился к ним, как к живому существу: одних боялся, другие любил, а третьи старался не вспоминать. Каждый из нас, впервые услышав какое-нибудь слово, пытается включить его в круг уже известных слов.

Вот в географическом описании вам встречается выражение: «сильно обволосенное существо» («Вокруг света», 1970, № 10) — и вы на секунду останавливаетесь, чтобы осознать значение непривычного для вас слова. По-видимому, с густым волосатым покровом (иначе: волосатое), решаете вы, и продолжаете чтение. Но если бы этот текст попался на глаза древнерусскому книжнику с другим запасом словесных ассоциаций, он непременно связал бы это слово не только с *волос* (чередование согласных такое, как *голос* — *оглашенный*), но и с *волох* (с тем же чередованием, что и *горох* — *огорошенный*) и некоторое время пребывал бы в недоумении: о каких людях идет речь — о густо волосатых или похожих на волохов (волохами в Древней Руси называли народы романского происхождения)? А, может быть, это слово каким-то образом связано с именем могучего языческого бога Волоса? И переписывая подобный текст, писец в соответствии со своим толкованием мог исказить написание слова, передавая его как-то иначе.

Такие ошибки из-за непонимания оригинала не редкость в старых рукописных книгах. Но такие ошибки делают и наши современники, когда вместо *поликлиника*

или *полисадник* говорят *полуклиника* и *полусадник*. По той же причине много веков назад вместо старого *морovej* употребили переименованное *муравей* (потому что ползает по *мураве*) — так *морovej* и остался муравьем.

Подобные видоизменения слов называют народной этимологией. Этимология — это заимствованное из греческого составное слово, которое буквально значит: учение об истинном, основном, исходном значении слова. Пытливый человек всегда старается проникнуть в суть дела, но если его подводит интуиция, он создает этимологии-самоделки.

Еще в начале прошлого века этимологии как науки не было не только по существу, но и по названию: этимологией в школьных учебниках называли тот раздел грамматики, которую теперь мы изучаем как морфологию. Отысканием глубинных корней русских слов кто тогда только не занимался! Можно привести массу веселых примеров самых невероятных этимологий, которыми потчевали русских читателей тогдашние любители изящных искусств и истории.

Потому что этимология была искусством, своеобразной малой формой литературы того времени. Как и народная этимология, она интересовалась не истинным значением слова, а представлением автора о том, что есть истина. Насколько убедительными могут показаться современному читателю, даже не искушенному в тонкостях языкознания, такие, например, этимологии:

Вечер, как и *ветчина*, от *ветшать*: *вечер* — это 'ветшающий, преклоняющий день'. А на самом деле два совершенно разных слова, никогда не связанных друг с другом; *ветчина*, действительно, происходит от слова *ветхий*.

Берег от *берегú*, ибо 'бережет воду от разлития', а *болото*, напротив, от *болтаюсь*. На самом деле ничего подобного: исконное значение *берег* — 'гора', а *беречь* — другое слово, которое всегда значило 'скрывать'; также *болото* всегда обозначало 'грязь в трясине', и его только при большой фантазии можно связать с *болтать* 'сотрясать'.

Пинаю, *пята*, *спина*, *пихать*, *пень*, *блоха* — все однокоренные слова, поелику *пятой пихают* и *пинают в спину*, за *пень запинаются* (при желании!), а что касается *блохи*, то она и не блоха вовсе, а пхла, и так названа по той причине, что «скачет, пхаясь ногами». В действительности слова эти принадлежат к разным корням.

Слеза — капля, *слезающая* по щеке, а *глаз* называется глазом потому, что им глядят. Неверно: слово *глядеть* ис-

конное, а *глаз* — заимствованное из германских языков сравнительно недавно; во всяком случае впервые отмечается только в рукописях XIV века.

Что касается *маргышки*, то в старину «выговаривали *мордашка* — от *морда*». Очень изящно, но опять невпопад: *маргышка* — заимствование из немецкого, хотя и составлено с русским суффиксом, а *морда* — буквально ‘отвратительная голова’ — очень старое русское слово.

Эту цепь можно нанизывать до бесконечности, примеров много. И все они столь же далеки от истинных этимологов, то есть исконных значений слов, как и приведенные. Вот почему совсем не случайно основатель научного языкознания в России академик А. Х. Востоков современную ему этимологию назвал «философическим словопознанием» и резко выступал против «словопроизводства, каких у нас немало выкидывала в свет самоумная неученость или всеугадывающая полуученость».

Только со временем этимология получила «чин и правило» — название и метод; угадывание сменилось знанием, искусство превратилось в науку. Как это происходило, можно показать на примере любого слова, извлеченного из этимологического словаря. Тут хорошо было бы рассмотреть историю какого-нибудь незнакомого, редкого слова, значение которого, известное нам, не будет навязывать преждевременных выводов, и даже наоборот, только сама реконструкция на основе научных методов подскажет в конце концов исконное значение слова, расшифрует его.

Таких примеров много. Воспользуемся одним.

В Новгородской грамоте, написанной около 1192 года, встречается слово *волмина*: «Се вдале Варламе святому Спасу землю и огородъ и ловища рыбная и гоголиная и пожни ·ā· рель противу села за Волховомъ ·в̄· на Волхевъци коле ·г̄· корь ·д̄· лозь ·ē· волмина... на островъ и с нивами...» (Сим дал Варлаам монастырю с собором святого Спаса землю и огород и ловища рыбные и птичьи, а также пожни: во-первых, рель напротив селца за Волховом, во-вторых, на Волховце заколок [место для рыбной ловли], в-третьих, корь, в-четвертых, лозь, в-пятых, волмина — и все это на острове...). Тут и остановимся. Слово *волмина* из этой грамоты, нигде больше не встреченное, осталось без перевода, в комментариях к грамоте иногда и до сих пор пишут: «значение неизвестно».

Знаменитый археограф Я. И. Бередников, впервые обнаруживший эту грамоту и издавший ее в 1843 году, *вол-*

мину толкует как Волнину — ниву на острове, а Корь и Лозь — тоже как названия пожен. Сказалась традиция все незнакомые, неподдающиеся расшифровке слова объявлять топонимами, названиями местностей или угодий. И через сто лет, уже в наши дни, некоторые ученые согласны с тем, что волмина — затон на острове для ловли рыбы. Другим такое толкование кажется слишком поверхностным.

Потребовались годы труда многих ученых, иногда вовсе и не помышлявших специально о загадочном, одиноко стоящем слове древней грамоты, прежде чем более или менее определенно не прояснилось значение слова *волмина*. Как и всегда в подобных случаях, к разгадке привело общее развитие науки. Попробуем проследить мысль исследователя.

Общий контекст и наличие суффикса *-ина* могут указывать, что перед нами обозначение какого-то растения. Ср., с одной стороны, *волм-ина* и *мал-ина*, *ряб-ина*, а с другой — содержание грамоты, где говорится о дарах монастырю, в том числе о праве драть кору (корь) и резать лозу (лозь) в каком-то месте. В XII веке и кора и лоза служили для многих целей, а не только для плетения лаптей (новгородцы предпочитали сапоги) или для розог. Приходилось следить, чтобы не ободрали все деревья или кусты.

Что корень в этом слове именно *волм-*, подтверждают также названия рек Волма. Это имя носит левый приток реки Свислочь в бассейне Березины и приток реки Мсты на границе Ленинградской и Новгородской областей — как раз там, где водилась неведомая волмина. Совсем недавно в тех же местах диалектологи записали слово *волмяг* — с другим суффиксом, который можно определить из сравнения со словами *липняг*, *сосняг* (из *липняк*, *сосняк*): снова *волм-*.

Перед нами сочетание гласного *о* с тремя согласными, из которых *л* следует сразу за гласным, а два остальные «прикрывают» это сочетание с обеих сторон корня. В русском языке много слов, представляющих такой тип сочетаний — любой согласный, за ним *о*, потом сонорный *л* и, наконец, снова согласный: волк, волна, холм, молн(ия), солн(це) и др. Нужно только, чтобы все это сочетание обязательно входило в одну морфему, например как в данном случае, составляло корень слова. Все приведенные корни сходны и по составу звуков, и по происхождению.

Чтобы доказать это, достаточно сравнить слова родственных славянских языков: русское *волк* — болгарское

вълк, сербское *вук*, чешское *vlk*; русское *молния* — болгарское *мълния*, сербское *муња*; русское *волна* — болгарское *вълна*, сербское *вуна*, чешское *vlna* (это слово во всех приведенных языках используется в значении 'овечья шерсть').

Оказывается, к исконному праславянскому языку все эти слова относятся одинаково. И легко догадаться, к какому именно гласному восходят все современные славянские вариации: несомненно, это праславянский очень краткий гласный *ъ*, который в некоторых положениях довольно рано исчез, у русских изменился в *о* (*сон* — *сна* на месте старых *сънъ* — *съна*), у чехов вовсе исчез, у сербов исчез, но не бесследно (сочетание *ъл* изменилось в *у*) и только у болгар сохранился в несколько преобразованном виде. Приняв все это во внимание, мы придем к следующему этапу реконструкции. Раньше искомый корень выглядел так: *вълм-*.

Однако и ему мы не найдем никаких соответствий в живых языках, родственных русскому, а без этого по-прежнему трудно будет определить значение неизвестного слова.

В дальнейшем рассуждении возникают две возможности. С одной стороны, наш корень можно сравнить с однотипными *вълк-*, *вълн*. Оказывается, что в неславянских языках, но родственных славянским, гласному заднего ряда *ъ* — *о* в таких сочетаниях с *л* соответствует гласный переднего ряда. Русским словам *волк* и *волна* в литовском языке соответствует *vilkas*, *vilna*. В любом подобном сочетании очень краткий гласный *ъ* перед твердым *л* когда-то заменялся у славян очень кратким *ъ*. А это значит, что наше *вълм-* может вести свое происхождение и от *вълм-*. Допустим такую возможность и подумаем, является ли она единственной.

Дело в том, что согласный *в* перед гласным в начале слова также подозрителен. Звук *в* губно-зубного образования (подобный нашему литературному *в*) является сравнительно поздним; в славянских языках, да и то не везде, он заменил полугласный неслоговой *у* (в транскрипции обозначающийся латинской буквой *u* с дужкой под ней), и притом только перед гласным, как в нашем случае. В начале слова, появляясь перед гласным, звук *в* служил как бы прикрытием для гласного, чтобы не было смешения и столкновения с другим гласным, которым оканчивалось предыдущее слово. *В* из полугласного *у* появлялся обяза-

тельно перед гласным заднего ряда, то есть перед *ъ* или *ы*. Сравним следующие слова: литовское *ūdra* 'выдра', древнеиндийское *ūdraṣ* 'водяное животное', древнегреческое *ūdra* 'водяной змей, гидра' — русское *выдра*, украинское *видра*, болгарское *видра* и т. д.; литовское *ūras* 'эхо', древне немецкое *ufo* 'ночная сова', древнеперсидское *ufueimī* 'взываю с мольбой' — русское *воплъ* и более древнее *въплъ* (так же и в других славянских языках, в которых исконные начальные гласные *ы* и *ъ* всегда прикрыты предшествующим согласным *в*).

Жаль, что у нас нет времени внимательно рассмотреть, как своеобразно распорядились соответствующими древними корнями наши близкие и дальние родичи по языку. В первом случае речь всегда идет о каком-то водяном животном. У славян и близких к ним балтийцев (литовцев, латышей) это конкретный зверь с хорошей шкурой, в древнеиндийских текстах говорится о каком-то неопределенном животном, живущем в воде. А у древних греков, обожествлявших все окружающее, создателей прекрасных легенд — это либо водяная змея (уже у Гомера), либо мифическая гидра, многоголовый водяной змей, от имени которого ведут свою родословную многие создания, в частности и человеческие: гидроэлектростанции. Еще интересное второй корень. У славян, как раз наоборот, он получил самое общее значение по сравнению с другими индоевропейскими языками.

Интересно употребление этих корней в современных языках, особенно в названиях местности. На границе Ленинградской и Новгородской областей находится небольшое озеро и расположенная на его берегах деревушка, носящие название Удраи. Какое отношение эти Удраи имеют к выдрам и русское ли это название вообще — вот вопросы, которые возникают, как только столкнешься с подобным названием. Ведь топонимы — «язык земли» — строго прикреплены к местности и меняются редко. Это самые древние имена, которые даются людьми. Так и Удраи, географически недалеко расположенные от места прежнего обитания волмины, могут оказаться остатком речи древнего населения адепных мест. Однако мы отвлеклись — вернемся к нашей волмине.

Оглянемся назад и учтем все исходные формы, которые возможны для нашего корня по фонетическим причинам: *вълм-*; *вьлм-*; *ълм-*. Все прочие типы сочетаний не должны нас смущать, потому что они не вытекают из хорошо из-

вестных и документированных многими примерами фонетических изменений. Сюда не относится как будто похожий корень *ул-* в словах *улей* и *улица* (в прошлом эти слова однокоренные). Не относится потому, что сопоставление родственных индоевропейских языков позволяет восстановить здесь корень *ул-*, который отличается от наших трех и характером гласного (долгий, а не краткий *у*), и типом сочетания (после *л* нет другого согласного в составе корня). Поэтому вернемся к нашим исходным формам загадочного слова.

Первую из них мы оставили под сомнением: она древняя, но не исходная. Чтобы сопоставить с родственными языками последнюю, третью, ее нужно еще раз преобразовать. Это совсем не трудно сделать, стоит только вспомнить, что славянский гласный *ъ* происходит из краткого *и*. Теперь, имея в руках форму *улм* (запишем ее латинскими буквами, чтобы легче было искать в словарях: *ulm*), мы свободно найдем ее в ряде словарей живых индоевропейских языков, в частности в немецком, где соответствующее слово обозначает дерево 'вяз'. То же в ныне мертвых языках: в латинском *ulmus* также обозначало 'вяз'.

Удивительное совпадение, не правда ли?

Не обращая никакого внимания на значение слова, последовательно разбирая различные изменения его фонетической формы, мы получили возможность отыскать его иноземных родичей и тем самым разгадать значение корня. В самом деле, новгородский *волмяг*, о котором уже шла речь, обозначает мяккий кустарник, чаще всего ивняк. Известно еще диалектное название гриба *волмяжник* — широко распространенная волнушка, которая водится осенью в сыром кустарнике. Член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин, обнаруживший это слово в новгородском говоре, и связал его с древненовгородской *волминой*.

Если принять все это во внимание, окажется, что *волмина* в старых текстах имеет много родичей. В одной русской рукописи начала XIII века, переписанной с чешского языка, находим: «положу в пустыне соснь, улъм и букошь вкупе» (сосну, вяз и бук вместе), причем второе слово пишется здесь по-разному: улъм, улъм, улом. В самом древнем списке русской летописи, дошедшем до нас от XIII века, под 1231 годом рассказывается о голоде в Новгороде, когда до того дело дошло, что «иные мох ели, уш [какие-то цветы], сосну, кору липову и лист, ильм, кто что замыслит». Слово *ильм* здесь попадает в таком соседстве, что

никаких сомнений в том, что это растение, не возникает. Да и объяснить его довольно просто, потому что русское диалектное *ильма*, украинское *илем*, чешское *jilet*, польское *ilm* одинаково обозначают все тот же вяз. Это славянское слово, как предполагают, в конечном счете восходит к латинскому *ulmus*, но не прямо, а через средневековое заимствование из немецкого *ilme*. Названия речек вроде Илемна, Илемка очень распространены в европейской части России. Такую форму слова, с корнем *ильм-*, мы не сможем возвести ни к одной из наших предполагаемых форм. Значит, это не фонетическое развитие из *jьlm-, как можно было предполагать, не фонетическое потому, что в чешском получилась бы форма *jlem, а не jilet, как есть на самом деле. И *улом*, и *илем* — несомненно поздние заимствования, хотя сам факт заимствования названия хорошо известного дерева очень подозрителен. Либо имеются в виду разные породы вяза (в Восточной Европе их три), либо волминой новгородцы называли не сам вяз, а похожее на него дерево. Не исключено, что вяз попал к ним довольно поздно, и этот факт можно связать с частыми и дальними путешествиями новгородцев. Но разбираться в сложном переплетении таких вопросов — уже задача историков.

Исследования, подобные тому, что мы с вами сейчас провели, — обычное для языковедов дело. Они имеют для ученых большое значение. Для самих лингвистов они подтверждают справедливость (или недостаточность) их реконструкций и закономерности звуковых соответствий на разных этапах развития языка. Это как бы «обратная связь», та самая практика, которая позволяет проверить точность и верность теории. Для историков — вносят некоторую ясность в вопрос о древнейших расселениях славян и их контактах с другими племенами и народами. Как раз на названиях растений эти вопросы легче всего решить, потому что растения имеют свою, свойственную каждому виду и исторически очень устойчивую климатическую границу распространения. Самую древнюю прародину славян связывают с территорией к северу от Карпат, потому что почти все славянские языки в качестве самых древних названий деревьев сохраняют только те, которые могут расти на этой территории. Совсем не случайно древний вития в своей поэтической фразе, приведенной выше, соединил вместе северную сосну, южный бук и многообразный вяз, и притом поместил их в пустыню. Сопряже-

нием таких географически несоединимых пород он и хотел подчеркнуть силу своего волшебства.

Задачи историков языка, и этимологов в том числе, гораздо скромнее. Они никогда и никого не хотят удивить. Их интересует далекая история наших предков, и в достижении этих целей они пользуются всеми возможностями своей науки.

Можно привести много других примеров, показывающих, как постепенно, по мере развития филологической науки, уточнялись и обогащались возможности этимологии, как сама она становилась наукой. Но такие примеры может привести и каждый из вас. Для этого достаточно снять с полки хороший этимологический словарь.

Доктор филологических наук
В. В. КОЛЕСОВ

Любителю этимологии

(Окончание. См. «Русская речь», № 2, 3, 1971)

В древности в языке славян заметную роль играли чередования гласных в корне, унаследованные от еще более древних эпох, от общеиндоевропейской поры. Чередования способствовали тому, что один и тот же славянский корень распадался впоследствии на несколько разных корней, между которыми терялась родственная связь. В результате оказывается, что некоторые слова, принадлежащие в современном русском языке к разным корням, с этимологической точки зрения представляют собой слова одного и того же корня, но с перегласовкой (чередованием гласных).

Например, к одному корню, с чередованием *е — о*, восходят слова *велеть* и *воля* (первоначальное значение этого слова — «веле́ние»). То же нужно сказать о словах *плету* «скрепляю, сплетаю, связываю» и *плот* (буквально «не́что полученное путем скрепления»), *сплотить* «соединить», *плотный* (первоначально «хорошо связанный, крепкий»).

Древнее чередование носовых гласных, обозначавшихся в кириллице буквами *ж* и *д* («юс большой» и «юс малый»), а позднее изменившихся в русском языке соответственно в гласные *у* и *я* (а после мягкого согласного), представлено в словах, ныне тоже

нородственных — *трус* и *трясти*. Значит, *трус* — буквально 'тот, кто трясется от страха'; кстати, в древнерусском языке словом *трусъ* обозначалось и 'землетрясение'. То же чередование было в исконно однокоренных словах *груз*, *погрузить(ся)* и *грязь* (буквально 'то, что опускается на дно под действием собственного веса, осадок, ил'). Ср. слова этого корня *погрязнуть* — буквально 'погрузиться, опуститься' и диалектное *погрузнуть* того же значения.

Еще одно чередование — гласного *у* с кратким «редуцированным» гласным *ъ*, который впоследствии либо выпадал, либо превращался в *о*, — представлено в словах *бдеть* (древнерусское *бъдѣти*, корень *-бъд-*, 'бодрствовать, не спать'), *бодрый* (первоначально *бъдръ* 'не спящий', где *-ръ* — суффикс) и *будить*. Все они происходят от одного корня, как и слова *муха* и *мошка* (первоначально *мъшка*) с таким же чередованием.

Зная древние чередования гласных, попробуем восстановить исконные связи в таком разветвленном гнезде этимологически однокоренных слов, как слова, с корнем *-губ-/гиб-/гъб-* (чередование *у — ы — ъ*).

Первоначальное, исконное значение этого корня — 'искривлять(ся)'. Ср. слова родственных индоевропейских языков: латышское *gubt* 'горбиться', латинское *gubbus* 'горб, бугор'. Отсюда и значение 'сгибать', широко распространенное у славян. Но в славянских языках у слов этого корня развилось и другое, более широкое и абстрактное значение, представленное в словах *губить* и *погибать*. Оно получилось из очень конкретного значения 'изменить внешний вид путем искривления, сгибания'.

Теперь представим себе всю обширную семью слов этого когда-то единого гнезда.

Корень с гласным *ы* — древнерусское *-губ-* (современное *-гиб-*) — можно отметить в словах *сгибать*, *разгибать*, *нагибать* и других приставочных глаголах, в слове *гибкий* (все они связаны с понятием сгибания) и в глаголах *гибнуть*, *погибнуть*, *погибать*. Причем *гибнуть* — сравнительно позднее русское новообразование; в древности же сочетание согласных *бн* упрощалось — *б* в нем выпадало, так что глагол этот звучал *гынути* (позже *гинуть*). Форма *гинуть* вместо *гибнуть* сохранилась в диалектах; ср. у Некрасова:

Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало!..

Дедушка Мавай и зайцы

Отсюда и приставочный глагол *сгинуть*.

Тот же корень с гласным *ъ* — древнерусское *-гъб-*, в дальнейшем *-гб-*, представлен в старинном книжном причастии *согбенный*

‘согнутый’ и в глаголе *гнуть* со всеми его производными: *гнуть-ся*, *согнуть*, *нагнуть*, *пригнуть* и т. п. *Гнуть* получилось из неза-свидетельствованной формы **гъбнути* с выпадением *б*, как в слове *гинуть*.

Наконец, тот же корень с гласным *у* — *-губ-* мы видим в глаголе *губить*, приставочных от него *погубить*, *сгубить*, *загубить* и в совсем, казалось бы, далеком от других слов этого корня старинном прилагательном *сугубый* (с древней приставкой *су-*, которая соответствует в именах существительных и прилагательных глагольной приставке *съ-*). Первоначальное значение этого слова — ‘согнутый вдвое’, а затем — ‘увеличенный вдвое’ и вообще ‘увеличенный’; отсюда и производный от него глагол *усугубить*.

Разобравшись в этих словах, мы поймем первоначальный смысл выражения «согнуть в три погибели»: *погибель* здесь связана не с глаголом *погибнуть*, а с родственными ему этимологически *гнуть*, *сгибать*, и все выражение означает ‘сложить втрое путем сгибания’.

Казалось бы, что общего между словами *бор*, *борщ*, *борода*, *борона*, *борозда*? В современном русском языке это слова, хотя и близкие по звучанию, но по значению очень далекие друг от друга и содержащие различные корни. Этимологический анализ, однако, показывает, что все они восходят к одному и тому же общему, индоевропейскому корню, значение которого — ‘острый, колкий, режущий’.

Наиболее простое из них, с основой, не осложненной в далеком прошлом какими-либо суффиксами и равной, таким образом, древнейшему корню, — слово *бор*. В русском языке оно означает ‘хвойный лес’, а в южнославянских (болгарском, сербскохорватском, словенском) у него другое значение — ‘сосна’. Такие исконно родственные ему слова других индоевропейских языков, как древнеиндийское *bhṛṣiṣ* ‘острие’, древнеисландское *barṛ* ‘еловая игла’, немецкое *Borste* ‘щетина’, говорят нам, что первоначально слово *бор*, по-видимому, обозначало ‘иглы хвойных деревьев’.

Тот же корень, но осложненный в древности суффиксом, был представлен в слове *борщ*. Сначала им называлось растение борщевник, отличающееся острыми листьями (именно такое значение имеет это слово до сих пор в польском, словенском и некоторых других славянских языках). Из этого растения в старину готовилась похлебка, которая и была названа тем же словом *борщ*, а современное значение слова — ‘суп с красной свеклой’ — появилось позже.

По тому же признаку — ‘острая, колкая’ — получила название у славян *борода* (общеславянское **borda*), так же, как и у германцев (ср., например, немецкое *Bart* ‘борода’). От значения ‘острый’ понятен переход к значению ‘резать’, с которым связаны другие слова, этимологически принадлежащие к тому же корню: *борона* и *борозда*. Исходное значение слова *борона* — ‘разрезающая землю’, а слова *борозда* — ‘след в земле, оставленный режущим орудием’.

Этот пример иллюстрирует широко распространенное в истории языков явление: из одного корня вырастает со временем целый ряд различных корней; первоначальный общий признак, положенный в основу ряда названий (в данном случае признак ‘острый, режущий’), выветривается, и слова из мотивированных обозначений предметов превращаются в немотивированные.

Покажем это на другом примере. Еще один древний корень представлен в таких словах, как *лапа*, *лапоть*, *лапта*, *лопата*, *лопасть*, *лопух*, *лепесток* (с чередованием гласных: лап — лоп — лен). К ним можно добавить диалектные *лѣпест* ‘лоскут’ и ‘лепесток цветка’ (литературное *лепесток* — первоначально уменьшительное образование от него), *лѣпѣнь* и *лѣпет* ‘лоскут, клочок ткани’, *лѣпник* ‘латка’ и несколько производных глаголов: *лапить* ‘латать, чинить’ (он есть и в белорусском языке), *лепестить* и *лопастить* ‘разрывать, делить на лоскутья’. Исконно родственные слова других индоевропейских языков — литовские *lõra* ‘лапа’, *lãras* ‘лист (растения)’, *lõras* ‘лоскут’, древневерхненемецкое *laffa* ‘ладонь, лопасть, весло’ и другие.

Что общего у этих слов? Оказывается, все они называют предметы, так или иначе связанные одним внешним признаком, — имеющие плоскую и широкую поверхность: лист растения, лоскут, ладонь, лепесток цветка и т. д. *Лопух* — ‘растение с большими листьями’, *лопасть* — ‘широкий и плоский конец предмета (например весла)’, *лопата* — ‘орудие с широким и плоским концом’, *лапта* — ‘палка с плоским концом для игры и сама эта игра’ (в диалектах — также ‘лопата’).

Слово *лапа* первоначально обозначало расплюснутый широкий конец ноги животного (ступню с пальцами), а затем и всю ногу. В народной речи этим словом обозначается также плоский загиб различных предметов (например *якорная лапа*). Наконец, *лапоть* — широкая, плоская обувь, надеваемая только на ступню.

Таким образом, ‘имеющий плоскую, широкую поверхность’ — тот признак, который был положен в основу целого ряда названий предметов. Признак этот обозначался корнем *лап — лоп — леп*, осложненным в большинстве слов еще и различными суффиксами. Кстати, тот же корень был использован и в первой части сложного прилагательного *лопухлый*.

В. Л.

СЛОВАРЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ И УДАРЕНИЯ

(Продолжение. Начало в № 4, 5, 1971)

говорённый [не говóренн^{ый}]
гол, род. гóла [не голá]; *множ.*

голы́, -óв [не гóлы, -ов]
го́лень [не голéнь]
го́лик, род. го́лика [не гóлик,
-а]

го́ло и голó

го́лодно [не голоднó]

гололédица [не гололédица]

гомеопáтия [не гомеопатíя]

горчичник (шн)

горчичный (шн)

гóспиталь, *множ.* гóспитали,
-ей [не госпиталéя, -éй]

гофрэ (рэ)

гофривáнный [не гофриво-
ванный]

гофривáть [не гофривóвать]
грабли, род. граблей и граб-
лэй (разг. грабелъ)

гравёр [не гравер]

гравёрный [не граверный]

гравировáнный [не гравиро-
ванный]

гравировáть [не гравировóвать]

грамм, род. *множ.* гра́ммов
(разг. грамм)

граммóвый [не гра́ммовый]

гренадёр [не гренадёр], род.
множ. гренадéров и грена-
дёр

гренки́, род. гренкóв (разг.
грэнки, -ов)

грифель, *множ.* грифели, -ей
[не грифелéя, -éй]

грозовой́ [не грозóвый]

грубошёрстный [не грубошёр-
стный]

гружённый и доп. гружённ^{ый}
грузило [не гру́зило]

грузи́ть [не гру́зить]

грузи́ться [не гру́зиться]

грунт, *множ.* гру́нты, -ов
(проф. грунты́, -ов)

грунто́вый [не грунто́вый]

группировáть [не группиро-
вать]

гурто́м [не гурто́м]

гусáр, род. *множ.* гусáров и
гусáр

гусени́ца [не гусени́ца]

гусени́чный [не гусени́чный]

Дактилоско́пия и доп. дакти-
лоско́пия

далеко́ и далéко

да́рить, дарю́, да́ришь (устар.
да́ришь)

да́ть, прош. да́ла [не да́ла]

двёрка [не двёрка]

дверь, творит. *множ.* дверя́-
ми и дверья́ми

дви́жимый [не дви́жимый]

двоежё́нец [не двоежё́нец]

двоежё́нство [не двоежё́нство]

двуствóлка [не двухствóлка]

дебаркадёр (проф. дебаркадер)

дебелый́ [не дебелый́]

дебю́т (де)

деви́чник (шн)

дека́да (де)

дело́, род. *множ.* дел [не делóв]

демисезонный (де)
демократія [не демократія]
дёмпинг (дэ)
деньги; деньгам, деньгами, о
деньгах (устар. дёнгам,
дёнгами, о дёнгах)
депё (де)
дерматин [не дермантин]
деспот [не деспот]
детектив [не дедектив]
джерсё и джерси, (разг. джерси)
диалог [не диалог]
дизентерія (устар. дизенте-
рия)
дирёктор, *мнж.* директора,
-ов (устар. дирёкторы, -ов)
дискант (устар. дискант)
дискутировать и *доп.* дискус-
сировать
диспансёр [не диспансер]
дистиллированный [не дистил-
лированный]
дистиллировать [не дистилли-
ровать]
длинношёрстый [не длинно-
шёрстый]
дцо, *мнж.* донья, доньев
добела [не добола]
добраться, *прош.* добралась
[не добралась]
добыча (*проф.* добыча и до-
бычь)
доведённый [не доведённый]
довезённый [не довезённый]
догнать, *прош.* догнала, до-
гнало [не догнала, догнало]
договор [не договор], *мнж.*
договоры, -ов [не договора,
-ов]
дозвониться, дозвонюсь, до-
звонитьсяся (разг. дозвонишь-
ся)
дозировать [не дозировать]
докрасна и *доп.* докрасна
документ [не документ]
долитый и *доп.* долитый
доллар [не доллар]
домовый, -ая, -ое [не домо-
вой, -ая, -ое]
донельзя [не донельзя, до-
нельзя]
донесённый [не донесённый]
доплатить; доплачу, допла-
тишь [не доплатишь]
досбчка [не досточка]

доставка [не доставка]
досуг [не досуг]
досыта и *доп.* досыта
дотрону́ться [не дотронуться]
доцент [не доцент]
дрёвка (разг. древко)
дрёмба [не дремота]
дренаж, *род.* дренажа (*проф.*
дренажа)
дрофа [не дрофа]
дружественный, *крат.* ф. дру-
жествен [не дружественен]
дубляж, *род.* дубляжа (*проф.*
дубляжа)
душлаг [не друшлаг]
дуралюмийный [не дуралю-
мийный]

Единство [не единство]
ёздить; ёзжу, ёздишь [не
ёздню]
ёлико [не ёлико]
ель, *род.* *мнж.* елей [не елэй]
ёмкость, *мнж.* ёмкости [не
ёмкости]
епитимья [не спитимья]
еретик, *род.* еретика [не ере-
тик, еретика]
естественный, *кратк.* ф. есте-
ствен [не естественен]
ёхать, ёду' ёдешь; *повелит.*
поёжай [не ёхай, едь]

Жаворонок (устар. жаворóнок)
жакерия [не жакерия]
жалюзй [не жалюзи]
ждать; *прош.* ждала, ждало
[не ждала, ждало]
желатин [не желатина, желан-
тин]
жёлоб [не жёлоб]
желудёвый [не желудóвый]
жёлчеотделение (разг. желче-
отделение)
жёлчный (разг. желчный)
жёлчь (разг. желчь)
жёмчуг [не жемчуг]
жёрдочка [не жёрдочка]
жерло [не жёрло]
жёрнов [не жёрнов]
жестóко [не жестоко]
жизнеобеспечение [не жизне-
обеспечение]
(Продолжение в следующем по-
мере)

НАРОДНЫЕ

НАЗВАНИЯ РЫБ

Словарь «Народные названия рыб». („Русская речь“, 1970, № 5—6, 1971, № 1—6) составил доктор филологических наук А. С. Герд.

Тáймeнь (*Hucho taimen*). Старое и народное ударение *тáимeнь*. *Крáсная рýба*, *Крáсная щýка* Кама. *Красýла* рр. Кама, Уфа, Миасс, оз. Аргазы, Оренб. *Лeн*, *линь*, *лень* Печора. *Лeнeк* Урал: рр. Тагил, Кушва, Висим, Вишера, Белая, Исеть, Сосьва, Кама. *Лeнoк* Кама, Енисей. *Лoх* р. Вятка, Оренб., Уфим. *Пeстрýшка* Кама. *Стрежневой лoх* Кама. *Тáлмeнь* Урал. *Тáльма* Урал: рр. Лозьва, Тавда, Тура, Обь. *Тáльмeнь* Урал: рр. Лозьва, Тавда, Тура, Обь, Кама, Томь, Енисей, Иртыш. *Чусовской лeнь*. Кама.

Пoдкáмeнщик (*Cottus gobio*). Основной вид бычков, распространенных в европейской России. *Агáшка* Калинин.: оз. Стерж. *Бáба-рýба* Новгород.: Ильмень, Волхов, Валдай; Костр. *Бáбица* Волхов, Пск.; Калинин.: Вышний Волочок. *Бáбура* Калинин. *Бык* Ильмень, Волхов. *Бычкурáс* Дон. *Бычoк* север европейской части СССР; Ильмень, Волхов, Псковско-Чудское оз.; Кур.; Казан.;

Урал. *Бычoк-песoчник* Новгород.: р. Сясь. *Ворoнка* Дон. *Головeшка* Новгород.: Валдай; Калинин.: оз. Стерж. *Головoстик* Онежское оз. *Калтá* Оренб. *Кáргáл*. Арх.: Каргополь; Моск. *Кáгька-рýба* Костр. *Кивeлик*, *Киверýчи* Онежское оз.: Ялгуба. *Кeрца*, *кeрча* Арх.; КАССР, Белое м. *Кляп* Смол. *Лeжeнь* Новгород., Казан. *Мýлюдa* Новгород.: Валдай. *Мýлюдa* Калинин. *Парáша* Урал. *Пeстрýк* Печора. *Пeчкýр* Днепр. *Поварeшка-рýба* Печора. *Пoдкáмeнник* Онежское оз. *Пoдкáмeшницa* Печора. *Пoдплитник* Пск. *Пoп*, *пoпик* Калинин., Орл. *Пoпoк* Моск., Орл. *Скoбá* Урал. *Толстoгoлoвик*, *уширeнь* Псковско-Чудское оз. *Ширoкoлoбка* Урал.

Чeтырeхрoгáя ширoкoлoбка (*Muoxoscephalus quadricornis*). *Бык*, *бычoк*, *кeрца*, *кeрча* Белое м. *Морской бык* Балтийское м.: Финск. зал. *Пoдкáмeнщик*, *рáмша*, *рeвeц*, *рeвцá*, *рeвчa*, *рeвчяк*, *рoгáтка*, *рýвцa* Белое м.

Названия черноморско-азовских бычков.

Трaвяник (*Gobio orphioscephalus*). *Зелeнчáк*, *зелeный бычoк*, *лимáнский бычoк*, *пeтýх*, *сáхарный бычoк*, *сивáшник* трaвник, *травяник*, *травяной бычок* Азовское, Черное мм.

Мартoвiк (*Mesogobius batrachoscephalus*). *Головoтый*, *жáба*, *кнут*, *кнutoвiк* мартoвiк, *рябoй бычок* Черное, Азовское мм.

Рыжик (*Neogobius cephalargus*). *Кáмeнный*, *рыжик* Черное м.

Песoчник (*Neogobius fluvia — tilis*). *Бáбка*, *бeлый бычoк*, *бýбьирь*, *кнут*, *кoвáль*, *кузнeц*, *песчáник*, *растрeнка*, *хляк*, *черныйш* (самец в брачном наряде) Черное, Азовское мм.

Кeтá (*Oncorhynchus keta*). *Зубáтка* Амур. *Казáк* Анадырь.

Кѣта, кита как местное название на Амуре, Анадыре, Сахалине, Камчатке. *Кайку* Камчатка. *Красна рыба* р. Анадырь. *Манко, манок* (мелк.) Камчатка. *Матка* Анадырь. *Серебрянка* (молодь) Амур. *Сильча* Амур. *Хайка, хайко* Камчатка.

Осетр (*Acipenser guldenstädti*). *Костарик* (мелк.) Днепр. *Костер* Волга. *Костерёж* р. Урал, Каспийское м. *Костерёнок, костерик, костеричок, костерок, костёр* (мелк.) Волга. *Костеряк* (мелк.) Горьк.: Ока, Волга выше Саратова. *Костливец* (молодь) Кама. *Костра, кострёнок, костяк* Волга. *Лобарь* Кама. *Остряча* нижн. теч. Волги. *Чалбыш* Волга. *Шип, шипик* (молодь) Кама.

Сибирский осетр (*Acipenser baeri*). Сибирский подвид осетра. *Карбыш* (молодь) Обь, Иртыш. *Костёр, костера, костерик, костериска* (мелк.) Обь, Иртыш. Томь, Енисей, *Костёрка* Обь, Вилюй, Колыма. *Костёрь Обь, Енисей. Костливец* Обь, Иртыш. *Костяк* Обь. *Красная рыба* Обь. *Лобарь* Кама, Обь, Иртыш. *Чалбас, чалбаш* (крупн.) Лена, Вилюй. *Шип* Иртыш.

Сельдь - чернопёнка (*Alosa kessleri*). *Астраханка* Волга. *Бешик* (крупн.), *бешеница, бешенка, бешонка, весёлая рыба, весёлка* средн. и нижн. теч. Волги, частично Кама. *Железница, железняк* вся Волга. *Желтозубка* нижн. теч. Волги. *Залом* (торговое название) Волга. *Краснощёчка* нижн. теч. Волги. *Оселёдец, оселёдня, пластунёц, полузалом* (крупн., торговое), *пузанок, чернозубка, чернозусик, чернопёнка* средн. и нижн. теч. Волги.

Черноморско - азовская проходная сельдь (*Alosa kessleri pontica*). Все

последующие названия известны на Черном и Азовском морях, в низовьях Дона, Днепра, Дуная. *Бешик* (крупн.), *бишак* (крупн.), *буркун, буркунёц, волк, куцак, лобан, мёрный оселёдец, морячок, оселёдец, оселёдка, пласкун* (мелк.), *пластунёц, плоскун, подтумок* (сельдь двух лет), *полумёрный оселёдец, пузан, пузанок, русак, селедоч, сибиль, сметковая сельдь, спичак, тачок* (мелк.), *чернозубка, чернозёрка, чернозусик.*

Беломорская сельдь (*Clupea harengus natio maris albi*). Все названия на Белом море и в бассейне рек, впадающих в него. *Варяренская сельдь* (сельдь, промысливаемая около 6—19 декабря), *веденьевская сельдь. Галадья, галдя* (мелк.), *галей, галля, галлия, егорьевская сельдь* (мелкая, появляющаяся около 23 апреля), *жарковская сельдь, жаровя* (летняя сельдь), *закройка, залёдка, залёдная сельдь* (сельдь, появляющаяся у берегов после вскрытия льда), *Ивановская сельдь* (крупная, появляющаяся у берегов в начале июня), *кандалышская сельдь, кандалыша. Михайловская сельдь* (сельдь, появляющаяся с 6 сентября), *онежская сельдь* Онежская губа. *Осенняя сельдь, покровка, покровская сельдь, соловёцкая сельдь, сорокская сельдь, сумская сельдь, юровя сельдь, уснёнская сельдь* (крупн.), *устьянка* (мелк.).

Головач (*Neogobius kessleri*). *Головатый, головач, толстоголовая бабка, толстоголовый* Черное м.

Черноротый бычок (*Neogobius melanostomus*). *Буц, губан, кашник, коваль, кубарь, кузнёц, песочник, собачка, хляк, чёрный бычок* Черное, Азовское м.

Почта „Русской речи“

Как назвать стенную газету?

«Степная газета, посвященная различным вопросам развития и жизни нашего языка, культуре речи, выразительности художественного слова, прочно входит в жизнь

многих филологических факультетов университетов и педагогических вузов, начинает входить и в жизнь школы, — пишет нам москвич Ю. И. Фролов. — В связи с тем, что в последние годы явно возрастает интерес к языковедческим вопросам, такая газета может заинтересовать и представителей нефилологических профессий, особенно молодежь.

Как назвать эту газету, как ее построить, каким материалом воспользоваться? — вот вопросы, которые возникнут перед каждым любителем русского слова, не имеющим специального филологического образования. Напишите, пожалуйста, об этом в вашем журнале».

Яркое и содержательное название лингвистической газеты привлечет к ней внимание, сделает особенно интересной и работу по ее оформлению. Множество увлекательнейших характеристик, относящихся к языку, известно нашей художественной литературе, немало их и в филологических работах.

Названием стенной газеты могут служить, например, заглавия ряда научно-популярных книг о языке: «Живой как жизнь» (так, словами Н. В. Гоголя называется книга К. И. Чуковского о языке); «Слово о словах» (Л. В. Успенский); «К истокам слова» (Ю. В. Откупщиков); «Сказки о русском слове» (С. И. Котков); «Как делаются слова» (Е. А. Земская); «Ты и твое имя» (Л. В. Успенский); «Русская речь»; «Почему мы так говорим?» (Б. Тимофе-

ев); «Говорите правильно!» (Е. В. Язовицкий); «Тайны слова» или «Тайны родного языка» (название двух изданий книги В. А. Ивановой, Г. А. Панова, З. А. Потихи); «Судьбы родного слова» (А. Югов); такое название раздела языкового журнала или главы книги: «В мире слов» (радиопередача и раздел в журнале «Русский язык в школе»); «Говорит Москва» ... (глава в работе А. Е. Супруна «Русский язык советской эпохи»); «Алмазный язык» (часть указанной выше книги «Тайны родного слова» и др.); «Словесные раскопки» (часть книги Е. П. Преображенской «Кружок русского языка в школе»).

Интересными названиями могут быть строки, строфы из художественной литературы: «Слово — полководец человеческой силы» (В. Маяковский); «Словесных рек кипение» (С. Есенин); «Наш златокоронный язык» (С. Сергеев-Ценский); «Язык России — золотая пряжа» (В. Захаров) и другие.

Известны также названия для стенных газет и стендов о русском языке: «Слова, рожденные Октябрем»; «В экспедицию за словом»; «За высокую культуру речи!»; «Язык наш — друг наш»; «Живое слово»; «Русские самоцветы»; «Народная мудрость»; «Крылатые слова»; «В поисках нужного слова» и т. д.

Некоторые из них могут быть использованы как в стенных газетах общей языковой тематики, где даны материалы по различным вопросам языка, так и в газетах более узкой тематики.

Название газеты можно продолжить эпиграфом, который отражал бы ее содержание, например в газете, связанной с вопросами культуры речи, известные высказывания М. И. Калинина: «Изучение родной речи — это великое дело. Самые высшие достижения человеческой мысли, самые глубокие знания и самые пламенные чувства останутся неизвестными для людей, если они не будут ясно и точно оформлены в слова».

Язык — это орудие для выражения мысли ... Вот почему я говорю, что знание языка — это самое основное, что требуется для вашей дальнейшей работы». Или такие слова А. М. Горького: «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка — есть борьба за орудие культуры».

Ярким эпиграфом к газете, посвященной силе, выразительности нашего слова, могут послужить пословицы и поговорки. А газете, посвященной поговоркам и пословицам, можно предпослать такой эпиграф:

Слава русской речи велика,
Год от году все сильнее становятся,
И острее грабенного штыка
Наши поговорки и пословицы.

А. Прокофьев

А вот эпитафия, посвященный истории слова:

Он сквозь века проходит горным кряжем,
Магическою властью наделен,
Язык России — золотая пряжа
И тклет его веретено времен.

В. Захаров

Или еще:

Мне было бы и жизнь отдать не жалко
За песню, уходящую в века.
Пряди, пряди, души народной прялки,
Бессмертную основу языка!

В. Захаров

Определяя название газеты и ее содержание, хорошо провести конкурс на лучшее название, лучший эпитафия. Нет сомнения, что участники конкурса дополнят наш перечень, значительно расширят материал эпитафий.

Приведенные здесь названия и эпитафии газет могут стать и названиями определенных мероприятий, посвященных вопросам языка (вечеров, читательских конференций, олимпиад и т. д.).

И. М. Подгаецкая

Вкупе и влюб

Читательница Р. Глаголина из Пермской области спрашивает: «Что означает выражение *и вкупе и влюб* и каково его происхождение?».

Устарелое выражение *вкупе и влюб* употребляется сейчас шутливо или иронически и означает «вместе, сообща, единодушно, в дружеском единении»: «— Ложитесь в госпиталь, поскорее выздоравливайте, и мы еще много поработаем с вами *вкупе и влюб* на общую пользу,— обнял Фок Сахарова за плечи» (Степанов. Порт-Артур); «Ежели какие сомнения встретите, то за обедом общим советом и разрешим. *Вкупе и влюб* — вот как по-моему» (Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни).

Оба эти слова — наречия, и кажется, что образованы одинаково. На самом деле это не так. Слово *вкупе* образовалось в древнейшую эпоху развития русского языка от существительного *купа*, что означает «груда, куча», а по отношению к людям — «толпа, сборище». Этот корень *-куп-* сохранился во многих словах современного русского языка: совокупность, совокупно, присовокупить и др.

В нашем языке много наречий, образованных от существительных и прилагательных в косвенных падежах с предлогами, например от существительных в предложном падеже произошли

вместе, вроде, вначале и др. Так и *вкупе* 'вместе' образовано по этому типу и встречается уже в одном из самых ранних памятников письменности — «Остромировом евангелии» (1056—1057): «Бѣахъ вѣкупѣ Симонъ, Петръ и Фома» (Были вместе Симон, Петр и Фома); или: «Вѣкупѣ сѣдѣшемъ сѣдѣаше Петръ посреде ихъ» (Когда сели вместе, Петр сидел среди них).

Наречие *вкупе* широко употребляется в языке XIX—XX веков и в современных художественных произведениях и публицистической литературе: «Брат Иван не замедлил явиться. Явился он не один, а вкупе со своим другом ... и огромнейшим беззубым, старым псом Туркой» (Чехов. Скверная история); «Васька и Тошка были два олепинских парня. Один из них, Васька, брал силой, а другой, Тошка, хитростью. Вкупе они были непобедимы» (Солоухин. Каня росы); «Вкупе со своими министрами он был замешан в скандальных злоупотреблениях государственной электрической компании» («Известия», 2 июня 1965).

Слово *влюбе* в отличие от *вкупе* в литературном языке не употребляется самостоятельно, а живет только в устойчивом сочетании *вкупе и влюбе*. И несмотря на внешнее формальное сходство со словом *вкупе*, *влюбе* имеет другое происхождение.

Часть современных наречий образовалась не только от существительных в предложном падеже, но и от прилагательных (полных или кратких) с предлогами: *вкрутую*, *вкруговую*, *впустую*, *направо*, *налево* и др. От кратких прилагательных в предложном падеже с предлогом *в* произошли наречия *вскоре*, *вкратце*, *вчуже* и др. По этому типу образовано и *влюбе*. В древних памятниках оно не встречается, а в составе фразеологизма *и вкупе и влюбе* находим его, как уже было сказано выше, в литературном языке начиная с XIX века.

В. П. Фелицына

Как читать толковый словарь

«Во всех справочниках говорится, что *федеральный* и *федеративный* одно и то же. Но ведь разница в этих словах чувствуется, говорится, например: Федеральные власти США, а сказать *федеративные* — явно нельзя. В чем тут дело?» — спрашивает один из читателей нашего журнала.

В современных толковых словарях русского языка в зависимости от характера определяемых значений слов применяются три главных вида толкований: описательные, синонимические и соотносительные, или отсылочные. Так, в 17-томном «Словаре со-

временного русского литературного языка» описательные толкования используются в том случае, когда необходимо указать на основные признаки называемых словом предметов или явлений действительности: «Ра́дий. Радиоактивный химический элемент, представляющий собой серебристо-белый металл»; «Федерáция. 1. Государственное объединение, состоящее из нескольких государств, объединение племен, родов и т. п. с общей верховной властью; создание, организация такого объединения. 2. Союз обществ, организаций и т. н.».

Синонимические толкования раскрывают значение слова путем сопоставления его со словами, близкими по смыслу. Такие толкования применяются для описания значений стилистически или экспрессивно окрашенных, а также значений устарелых или областных, имеющих в литературном языке более употребительные или нейтральные синонимы: «Ради́вый. Устарелое и просторечное. Усердный, старательный».

Соотносительными или отсылочными толкованиями пользуются при определении значений производного слова. В этом случае используется отсылка к значению основного слова: «Ради́евый. Относящийся к радио»; «Реконстру́ирование. Действие по значению глагола *реконструировать*».

Совпадающие значения словообразовательных вариантов взаимно соотносятся по формуле «то же, что ...»: «Рекру́тство. То же, что рекрутчина». Формула «то же, что ...» дается при слове, менее употребительном, с отсылкой на слово нейтральное.

В словарных статьях *федеральный* и *федеративный* при толковании значений использованы соотносительные, или отсылочные определения: «Федерáльный. 1. То же, что федеративный (в 1-м значении). 2. Входящий в состав федерации (во 2-м значении) ...»; «Федерáтивный. 1. Относящийся к федерации (в 1-м значении); связанный с федерацией... Представляющий собой федерацию (в 1-м значении). 2. То же, что федеральный (по 2-м значении)».

Из сравнения словарных статей *федеральный* и *федеративный* видно, что в первом значении «относящийся к федерации; связанный с федерацией; представляющий собой федерацию» более употребительно прилагательное *федеративный* (обратите внимание на лексикографический прием — использование формулы «то же, что ...» при менее употребительном значении слова и отсылка на более распространенное): федеративная республика (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, Социалистическая Федеративная Республика Югославия, Федеративная Республика Германии), федеративное устройство, федеративное объединение и др. Во втором значении «входящий в состав федерации»

более употребительно прилагательное *федеральный*: федеральное правительство, федеральные власти, федеральные войска, федеральные банки, федеральное бюро расследований.

В. Н. Сергеев

Чем хуже, тем лучше

«В выступлениях радиокомментаторов по внешнеполитическим вопросам несколько раз слышал выражение „Чем хуже, тем лучше“; — пишет С. П. Постнов из Киева. — Объясните, пожалуйста, как понимать это выражение?».

Пословичное выражение «Чем хуже, тем лучше» является переводом с французского.

По мнению Л. А. Булаховского, оно вошло в русский язык приблизительно в середине XVIII века, когда в речь образованных людей стали активно проникать книжные элементы французского языка. Примеры использования этого выражения (как в оригинале, так и в переводе) мы находим у русских писателей XIX—XX веков. Так, в письме к П. А. Вяземскому (24 июня 1824) Пушкин пишет: «Давно девиз всякого русского есть чем хуже, тем лучше». Оно часто встречается и сегодня на страницах наших журналов и газет, особенно в публицистике.

«Чем хуже, тем лучше» — это предельно обобщенная, афористически выраженная мысль: плохие обстоятельства имеют хорошие последствия, и чем хуже эти обстоятельства, тем благоприятнее последствия. В романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»: «Мы не потеряем, а напротив, еще выиграем; мы всплывем, всплывем, и девиз наш в настоящую минуту должен быть: *Pire ça va, mieux ça est*».

Это выражение использовал в своих трудах В. И. Ленин. Например в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма»: «Вопрос об отношении земства к политической свободе есть частный случай общего вопроса об отношении реформ к революции. И мы можем видеть на этом частном случае всю узость и нелепость модной бернштейншианской теории, которая заменяет революционную борьбу борьбой за реформы, которая объявляет (устаами, напр., г-на Бердяева), что „принцип прогресса — чем лучше, тем лучше“. Этот принцип, в общей форме, так же неверен, как и обратный — чем хуже, тем лучше». При обращении к более широкому контексту, где Ленин говорит об этом принципе, становится ясно, что при необходимости можно идти на уступку худшему ради лучшего будущего, но следует обязательно учитывать все сложившиеся обстоятельства в любой ситуации, а главное, чтобы эта уступка не была на руку противнику.

Н. З. Бугарова

Ни в зуб ногой

«Как объяснить происхождение выражения *ни в зуб ногой*?» — спрашивает Сидорова из г. Салавата Башкирской АССР.

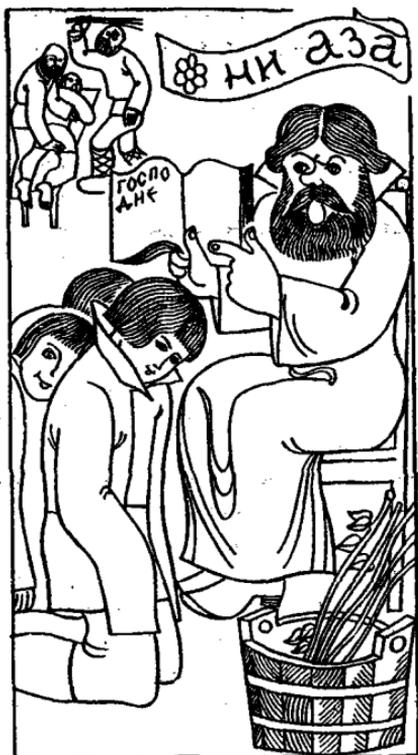
Просторечное выражение *ни в зуб ногой* в настоящее время более распространенный вариант широко известного раньше *ни в зуб толкнуть*. Профессор Б. А. Ларин считал, что выражение *ни в зуб толкнуть* образовалось в результате сокращения фразы *ни в зуб толкнуть не смыслит*. «Если принять во внимание еще и вариант: „Ни в зуб ногой“, — писал он, — то едва ли можно сомневаться, что этот оборот речи крепостной эпохи [разрядка моя.— В. С.] означал

первоначально: „При надобности даже дать зуботычину для поощрения не умеет“. В конце концов „Ни в зуб“ стало синонимичным выражению: Ни аза [ничего.— В. С.]».

Славосочетание *ни в зуб (толкнуть)* в значении ‘совершенно ничего не знать, не понимать и т. п.’ вышло из школьного жаргона: «Ученики, как говорится в бурсе, ни в зуб толкнуть» (Помяловский. Очерки бурсы); «— В шестой раз задаю вам четвертое склонение, и вы ни в зуб толкнуты! Когда же, наконец, вы начнете учить уроки?» (Чехов. Репетитор); «Потому родной сын на латынь да на греческий [налегает], а что нужно по торговому делу — ни в зуб» (Эргель. Гарденины).

Выражение *ни в зуб ногой* — более позднее образование и возникло оно, по-видимому, в результате сближения двух фразеологических сочетаний *ни в зуб (толкнуть)*, *ни ногой*.

Выражение *ни ногой* употребляется в значении ‘не бывать где-нибудь, не ходить куда-нибудь’: «Мне сказывали, что в Риме наши художники в Ватикан ни ногой» (Тургенев. Отцы и дети). Вероятно, дальнейшее развитие этого значения у фразеологизма

ни ногой (не бывать, например, на занятиях, не заниматься и, следовательно, ничего не знать) дало повод к сближению с фразеологизмом *ни в зуб*. Словосочетание *ни в зуб ногой* стало употребляться в значении «совершенно ничего не знать, не понимать»: «— Стал он дня через два спрашивать про содержание книги, а я — ни в зуб ногой» (Шолохов. Поднятая целина).

В. Н. Сергеев

*А вы, мужайтесь
и внемлите...*

При повторении лирических стихотворений Пушкина («письмо наизусть») в X классе возник вопрос о запятой после слова *вы* в предложении из оды «Вольность»: «А вы, мужайтесь и внемлите, восстаньте, падшие рабы!». Одни учащиеся не поставили ее, другие, у которых, вероятно, лучше зрительная память (в печатном тексте эта запятая есть), поставили, но объяснить не смогли.

Я дала такое объяснение: основной смысловой акцент в этом предложении падает на сказуемое *восстаньте*, после которого идет обращение «падшие рабы»; между подлежащим *вы* и сказуемым *восстаньте* запятыми выделены два сказуемых *мужайтесь* и *внемлите*, которые имеют второстепенное значение по отношению к основному — *восстаньте* — и даны как бы мимоходом, как призыв ободриться и прислушаться к основанному призыву — восстать.

Хотелось бы получить разъяснение по этому вопросу.

Учительница Н. К. Поташинская
Ленинград

В Полном собрании сочинений А. С. Пушкина в 6-ти томах (М., Гос. изд. худ. лит.-ры, 1949) в строке «А вы, мужайтесь и внемлите...» из оды «Вольность» (1817) запятой нет. В изданиях АН СССР — в 10-ти томах (М.—Л., 1949), в 16-ти томах (М.—Л., 1947) — и в других изданиях, просмотренных нами, запятая есть.

Естественно возникает вопрос: кто поставил запятую — Пушкин или кто-то его «подправил». Рукопись оды «Вольность», к счастью, сохранилась. В книгах: «Собрания Помяловского», «Русская библиотека» (т. 1, 1858), «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861) и, наконец, «А. С. Пушкин» — издание журнала «Русский библиофил» (1911) — можно познакомиться с фотокопиями рукописи.

Предлагаем читателю фотокопию рукописи оды «Вольность», помещенную в книге «А. С. Пушкин». Между прочим, эту рукопись

использовал В. Я. Якушкин, редактор академического издания Пушкина (1905). Подробно об истории этой и других рукописей советуем прочитать в статье А. Фомина «Новые рукописи А. С. Пушкина» в упомянутой книге «А. С. Пушкин».

Открой мне благородной след
Того возвышенного галла,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Мы видим, что в автографе Пушкин поставил запятую после слов *А вы*. Предложение «А вы, мужайтесь и внемлите, Восстаньте, падшие рабы!» с точки зрения смысловой, ритмико-интонационной и эмоционально-выразительной становится понятным, когда мы рассматриваем его не изолированно, а в восьмистишии:

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала,
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Как видим, выразительность языка, сила художественного образа пушкинских строк в данном случае достигается поэтическим оборотом речи, в котором резко противопоставлены прямо противоположные понятия, мысли (антитезой): питомцы ветреной судьбы, тираны мира — падшие рабы; трепещите — мужайтесь, внемлите, восстаньте.

Противопоставление выражается также (что особенно важно для объяснения запятой) союзом *а*. Без него строка перестала бы быть резко противопоставленной предыдущим. Такое противопо-

ставленно вызывает при чтении стихотворения необходимость паузы после слов *А вы*.

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите...

На письме пауза обозначается тире или запятой. Выбор запятой, а не тире продиктован, по-видимому, тем, что тире между подлежащим и сказуемым ставится в строго определенных случаях: при опущенной связке, если подлежащее или сказуемое выражено инфинитивом и т. п.

При анализе или чтении стихотворных произведений Пушкина необходимо также учитывать важную особенность пушкинского ритма — строго выдержанную цезуру, постоянную паузу в середине строки. На это обстоятельство не раз указывали литературоведы (см., например, статью Л. В. Тодорова «Об анализе лирических стихов А. С. Пушкина в старших классах». — В кн. «За творческое изучение литературы в школе». М., 1969).

Сам Пушкин признавался:

...я в пятистопной строчке
Люблю цезуру на второй стопе,—
Иначе стих то в яме, то на кочке...

Многие знаки препинания в пушкинских стихотворениях объясняются и наличием такой цезуры: *м а л о й* — отделяющей в стихе одно слово от другого, и *п о с т о я н н о й*, *б о л ь ш о й* — делящей стих на два полустишия. В данном случае малая цезура следует после слов *А вы*, большая — после слова *внемлите*.

В. М. Панькин

В 1972 году читайте в нашем журнале подборку материалов о языке и стиле Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского;

статьи о художественном слове в произведениях В. И. Даля, (Казака Луганского), И. А. Бунина, П. И. Мельникова (Андрей Печерского), М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, Н. С. Лескова, А. И. Чехова, С. А. Есенина, А. А. Блока, М. М. Пришвина, Д. Бедного;

выступления писателей А. А. Коваленкова, В. К. Очеретина, М. М. Скуратова, М. Р. Шкерина;

в отделе «Культура речи» — статью Л. И. Скворцова о профессиональных языках и жаргонах;

материалы по стилистике и занимательной грамматике; заметки А. И. Попова об истории этнических названий *славяне, русь*;

в отделе «Консультации» — словарь «Старинные меры длины» (аршин, верста, локоть и др.).

С первого номера будут публиковаться материалы в помощь поступающим в вуз.

**ТЕМАТИЧЕСКИЙ
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ
«РУССКАЯ РЕЧЬ»
ЗА 1971 ГОД**

Белодед И. К. Проблемы изучения языка В. И. Ленина — 2. Мещерский Н. А. Традиционно-книжные выражения в языке произведений В. И. Ленина — 3. Навстречу XXIV съезду партии — 2.

**ЯЗЫК
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Архинов В. А. «...Поэт истинный» — 4. Белов С. В. О художественном мастерстве Ф. М. Достоевского — 5. Василевская Е. А. Поэтическое слово Дмитрия Кедрина — 6. Власов М. Ф. «Я лиру посвятил народу своему» — 4. Гладилова А. М. Стиль «Вешних вод» И. С. Тургенева — 2. Грехнев В. А. «Сквозное» слово Жуковского — 3. Дмитриев В. Эзоповский язык — 5. Захаркин А. Ф. Он любил не только «идеи», но и слова — 6. Илюшин А. А. Словообразовательные синонимы — 5. Клетко А. И. Голос Руси полевой — 6. Ковалев В. П. Вставные конструкции — 5. Ковалев Вл. Толстовские «чуть-чуть» — 2. Кондаков Г. В. Гармония контраста — 1. Котков С. И. Художественные средства и языковая ситуация — 2. Краснов Г. В. «По словечку...» — 5. Куликова И. С. Две цветные картины мира — 3. Лебедева Н. В. Синтаксис поэтической речи — 1. Лопатин В. В. «Безудерж карамазовский» — 6. Маймин Е. А. Возвышенное слово Ф. И. Тютчева — 1. Мукузовов Л. В. О русской рифме — 3. Новожилов

И. А. Пословицы и поговорки в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» — 4. Прокофьев Н. И. Язык и жанр — 2. Прусаков А. П. Народная речь в рассказах Н. Д. Телешова — 1. Розанова Л. А. Точное слово — 4. Сиротина В. А. «Море — смеялось» — 1. Сумникова Т. А. Преданье старины глубокой? — 2. Телешов Н. Д. Воспоминания об открытии памятника А. С. Пушкину — 1. Шелгунова Л. М. «Если» — «коли» в повести «Барышня-крестьянка» — 2. Шустов А. Н. Из жизни одной метафоры — 3. Щенников Г. К. Многообразие в единстве — 6.

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

Залыгин С. Слово о народном слове — 4. Кобзев И. И. Слово в эфире — 2. Леонтьев Н. Родники живой речи — 6. Марков А. Я. Радость через страдания — 2.

**КУЛЬТУРА РЕЧИ,
СТИЛИСТИКА,
ЯЗЫК ГАЗЕТЫ**

Авилова Н. С. Пленить — взять в плен — 3. Барандеев А. В. Трайлер или трейлер? — 5. Брагина А. А. Веселое слово «капустник» — 1. Брагина А. А. Есть — кушать — питаться — 4. Брагина А. А. Кинематограф — кино — фильм — 6. Бушин В. Богу... лишь богово — 4. В. С. Спидола — 4. Веселов П. В. Служебный телефонный разговор — 5. Воронцова В. Л. Расположенный и расположенный — 2. Гуреева М. С. О новом значении слова *элита* — 6. Дерягин В. Я. Стиль «Советской Сибири» — 2. Дерягин В. Я. Что пишут о языке — 3. Ицкович В. А. Современные аббревиатуры — 2. Комякова Г. В. Искусственное и естественное в театре — 1. Ле-

ваших Е. А. Ростовчане, псковичи, кокчетавцы — 5. Мпськевич Г. И. Селенография, селенология — 5. Моисеев А. И. Следующая остановка — Пушкинская (Витебский вокзал) — 2. Мурашко А. Т., Попова Г. В. Изучение русского языка в Белоруссии — 2. Н. Р. «Живой как жизнь»... Чьи это слова? — 3. Потапов С. М. М. В. Ломоносов о выразительности русской речи — 3. Редькин В. А. О нормах ударения — 4. Редькин В. А. Тормоз или стимулятор? — 6. Савельева Н. П. Искусство и его работники — 4. Самойлова Н. Г. Оправданная тавтология — 3. Скворцов Л. И. Луноход — 3. Скворцов Л. И. Кто такой абитуриент? — 4. Сталтмане В. Э. Латвийский или латышский? — 4. Филиппов В. С. Дуниада? — 5.

ГРАММАТИКА, ОРФОГРАФИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЯ

Будько Н. С. Границы стандартизации — 1. Даниленко И. И. Взрывной или подрывной? — 1. Даниленко В. П. Мини-куры — 6. Иванова Р. Я. Как называются сорта винограда — 6. Кравченко Ю. С. Эфиромасличный — 1. Лекант П. А. Формы сказуемого — 4. Лысакова И. П. Местоимение «этот» — 4. Максимов В. И. Велика ли глыба? — 5.

ШКОЛА

Баранов М. Т. Обучать и воспитывать — 6. Булохов В. Я. Учебник родного языка. О формулировках заданий — 4. Деметьев А. А. Издательство «Просвещение» — студенту и

учителю — 3. Ковалева А. А. Слово о нашем языке — 6. Какие темы сочинений на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе были в 1970 году — 2, 3. Купалова А. Ю. Термины в школьной грамматике — 3. Панькин В. М. Мы изучаем русский язык — 4. Фигуровский И. А. Если ваш ребенок отстаёт по русскому языку — 5. Шарков А. С. К. Д. Ушинский о языке и обучении — 4.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЯЗЫКОВЕДЫ, ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Борковский В. И. Евфимий Федорович Карский — 1. Вомперский В. П. Русская грамматика И. С. Горлицкого — 4. Смирнов С. В. Дмитрий Николаевич Кудрявский — 3. Филин Ф. П. Александр Афанасьевич Потемкин — 5.

ИСТОРИЯ ПИСЬМА И КНИГИ

Дылевский Н. М. «Письмовник» Курганова в Болгарии — 2. Жуковская Л. П. Сколько книг было в Древней Руси? — 1. Карский Е. Ф. Принадлежности письма (Из «Славянской кирилловской палеографии») — 1. Китлов А. А. Русь в исландских сагах — 2. Судаков Г. В. Как учились грамоте в XVII веке — 5. Филиппова И. С. Русская скоропись — 5. Черепнин Л. В. Грамоты на бересте — 4.

ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области — 3.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Абдуллаев А. А. Грузин, осетин, лезгин — 3. Борисова Е. Н. Вор — 3. Валькова Д. П. Чулан в театре — 1. Ванюшечкин В. Т. Ковыль — 2. Виноградова В. Л. «Растекаться мыслью по древу» — 1. Вязкина Л. В. Хитрец и художник — 1. Добродомов И. Г. Янтарь — 4. Добродомов И. Г. Книга — 5. Зимин П. В. Несклько забытых слов — 3. Иорданский А. М. Хозяин — 2. Карская Т. С. Самсдур — 6. Коготкова Т. С. Стачка и забастовка — 6. Козырев И. С. Хоть пруд пруди — 2. Кузнецова О. Д. Задира, забияка — 5. Лукина Г. Н. Названия обуви в древнерусском языке — 2. Львов А. С. Как изучается история отдельных слов — 2. Максимов В. И. Знаете ли вы слова песни? — 2. Маргарян Б. А. Аккорд — 1. Молотков А. И. Еще раз «кур во щи» — 1. Мурьянов М. Ф. Название Нередицкой церкви — 2. Попова Н. В. Сутки — 3. Прохорова О. Г. Смородина и смрад — 3. Сабенина А. М. Толмач и переводчик — 5. Сергеев И. Т. Шишимора и его «родственники» — 3. Сергеев Ф. П. Посол — 2. Этерлей Е. Н. Самолет и летчик — 6.

ПО КАРТЕ РОССИИ

Марадулина Т. В., Матвеев А. К. Образные географические названия — 1. Матвеев А. К. Волга, Кама — 2. Матвеев А. К. Опега, Пинега — 5. Сорокин В. В. Куда Макар телят гонял? — 5.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР

Журавлев В. К. Зачем историк русского языка должен изучать балтийские языки? —

4. Корсакас К., Сабалаяускас А. Балтийские языки — 4. Лаучюте Ю. А. Русские слова балтийского происхождения — 4.

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Варшавский С. Р. Русские слова на карте Аляски — 1. Кондрашов Н. А., Ондрус П. Русские слова в словацком литературном языке — 4. Хруслов Г. В. Японские слова в русском языке — 3.

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абаев В. И. Языкознание — общественная наука — 5. Добродомов И. Г. Бродячие слова — 1. Колесов В. В. Этимология как искусство и как наука — 6. Лопатин В. В. Знакомые незнакомцы — 1.

КОНСУЛЬТАЦИИ, ХРОНИКА

Народные названия рыб — 1 — 6. О подготовке к VII Международному съезду славистов — 1. Рогожникова Р. П. Техника словарного дела — 3. Словарь произношения и ударения — 4 — 6.

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Викторина — 3. Любителю этимологии — 1 — 3, 5, 6. Чайнворд «Языковед» — 3. Что читали древние? — 3. ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ Бирюков Вас. Стихи — 4. Колесников С. Стихи — 3. Панькин В. Саша и петушок — 5.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

А вы, мужайтесь и внимайте — 6. Бессребреник — 5. Вахтер — 4. В котле — в костеле — 5. Вкупе и втюбе — 6. В моз-

гу — в мозге — 5. Внимание издателей — 1. Во глубине канцелярии — 1. В связи с... — в этой связи — 4. Горе луковое — 1. Дву... двух?.. — 5. Диспетчер — обеспечер — 1. «Дорогая редакция!» — 1. Дуван — дуванить — 3. Жёлчь или желчь? — 2. Жюри — 4. «Забытые» слова открыто и закрыто — 1. Загляните в толковый словарь — 1. Заметки о словах — 1. Изготавливаться — изготавливаться — 6. Из одной минералогии — 1. Именительный, родительный — 5. Как назвать стенную газету? — 6. Как сказать правильно? — 3. Как читать толковый словарь — 6. Колготки и колготиться — 5. «Красивое» слово ателье — 1. Крупеник — 5. Кто вкуснее? — 1. Кто прав? — 4. Лажу пчел — 1. Ландыши, ландыши — 1. Лик — лицо — 2. Мнимая красавица —

1. Навстречу друзьям — на встречу друзей — 3. Накануне и в капун — 6. Начнем с грамматик — 1. Не все прошлое — архаично — 1. Неделька — 4. Ни в зуб ногой — 6. Общественно... полезный — 5. Около и возле — 6. Оселок, Ключ — 2. О тайнописи в языкознании — 1. О языке «Сельской жизни» — 1. Поражение информацией — 1. Пословица и поговорка — 2. Практикум по стилистике — 1. Проезд багажа — 10 коп. — 1. Прядать — 2. Рождение термина — 1. Сорок сороков — 2. Три Переяславля — 2. Три почему? — 5. Трудное слово — 1. Чем хуже, тем лучше — 6. Честный и правдивый — 2. Что есть «квазиханжеская низость»? — 1. Щавель — 4. Юмор на карнавалах — 1. Яковлевич — сын Якова... — 4. Я — мы — 2.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),

В. А. БЕЛОШАПКОВА, **Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ**, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**,
В. Я. ДЕРЯГИН (ответственный секретарь), **И. Г. ДОБРОДОМОВ**,
Л. М. ЛЕОНОВ, **А. И. ОВЧАРЕНКО**, **И. Ф. ПРОТЧЕНКО** (зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ**, **Ю. С. СОРОКИН**,
Ф. П. ФИЛИН, **Н. Ю. ШЕДЕВА**

Адрес редакции: Москва Г-19, Волконка, 18/2,
Телефон 202-65-25

Зав. редакцией **И. М. Беспалова**

Художники

Ю. И. Космынин, **В. В. Толстоногов**

Художественно-технический редактор **Т. А. Михайлова**

Корректоры **Н. Н. Глаголева**, **Н. М. Кузьмина**

Сдано в набор 12/VIII-1971 г. Т-15501 Подписано к печати 11/X-1971 г.
Тираж 80000 Формат бумаги 70×108¹/₂ Усл. печ. л. 6,72 Бум. л. 2
Уч.-изд. листов 7,5 Зак. 2716

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10